

Библиотека
Всемирного клуба петербуржцев

Библиотечная серия
«Без границ»
издательства Союза писателей Санкт-Петербурга

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

БРЮССЕЛЬ — ХЕЛЬСИНКИ

12/2018

Хельсинки — Санкт-Петербург
2018

Работа международной творческой группы «Тайвас»
и проекта «Под небом единым» осуществляется при поддержке:

Посольства России в Финляндии;
Союза писателей Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург);
Всемирного клуба петербуржцев (Санкт-Петербург);
Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга.

Руководитель проекта «Под небом единым»
Елена Лапина-Балк

Учредители альманаха — Елена Лапина-Балк, Александр Житинский
Шеф-редактор — Елена Лапина-Балк
Выпускающий редактор — Даниил Чкония
Соредакторы альманаха — Валерий Попов, Сергей Арно

Редационный совет альманаха «Под небом единым» № 12, 2018:
Даниил Чкония (Германия),
Александр Немировский (США),
Елена Лапина-Балк (Финляндия, Эспоо),
Аннели Ойяла (Финляндия).

Наш адрес:
pod-nebom-edinym@yandex.ru
Наш сайт:
www.pod-nebom-edinym.ru

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ISBN 978-5-4311-0177-9
ISSN 2500-2554

© Авторы, тексты, 2018
© Kustantaja «Taivas» Helsinki, 2018
© Издательство «Союз писателей
Петербурга», оформление, 2018
© Маркина О., обложка, 2018

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Очередной — двенадцатый — выпуск альманаха «Под небом единым» — перед вами. В этом выпуске меньше, чем обычно, дебютантов нашего альманаха. Объяснение простое: в редакционном портфеле накопилось немало рукописей наших авторов, чьи произведения уже публиковались в альманахе ранее; многим из них мы дали слово и на этот раз.

Читатели, знакомые и с другими нашими изданиями, могут быть уверены, что мы продолжаем эти программы и сегодня. В частности, завоевала популярность наша серия книг «Лауреаты премии В. Сирина (Набокова)». Вслед за книгами лауреатов прежних лет — Игоря Белкина (Эстония), Даниила Чкония (Германия), Бахыта Кенжеева (Канада) — увидела свет книга следующего лауреата этой премии — замечательного поэта Елены Игнатовой (Израиль).

По-прежнему авторы и члены редколлегии альманаха принимают участие в различных литературных встречах, фестивалях, симпозиумах в разных городах и странах Европы, знакомя участников этих творческих мероприятий с нашим альманахом и его авторами. География таких презентаций широкая: Россия, Бельгия, Италия, Греция и другие страны. Например, в этом году мы принимали участие в ФОРУМЕ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ «РОССИЯ — ФРАНЦИЯ» в Париже. В наши планы входят и дальнейшие встречи, расширяющие аудиторию читателей альманаха «Под небом единым», чьи авторы живут и пишут на русском языке на всех континентах.

Следует отметить ещё одну сложившуюся традицию, по которой новые выпуски альманаха посвящаются городам и странам, которые представлены лауреатами премии В. Сирина (Набокова). А выпуск этого года посвящён Брюсселю и Бельгии, дружественному нам поэтическому фестивалю и журналу «Эмигрантская лира», объявившему 2018 год Годом русской поэзии в России и в русском зарубежье, многочисленные литературные встречи и события прошли в разных странах в рамках Года русской поэзии.

Мы рады новой встрече с вами, нашими читателями!

*Шеф-редактор альманаха
Елена Латина-Балк*

Наталья КРОФТС

Родилась в городе Херсоне, окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Публиковалась в журналах «Нева», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Юность» и многих других. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в Австралии.

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов —
одиночество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою,
окрылённую тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,
только совы от солнца застынут
да кукушка кудесит вслух.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.
Обезвращенный.
Обезвреженный.
И почти уже
не земной.

ГИМН В ЧЕСТЬ КАПУЧИНО

Горланят: «Мир жесток и глуп,
Кругом — гнильё да мертвечина,
За око — око, зуб за зуб».
Друзья! Под звук зловещих труб
Утопим беды в капучино!

О, чаша, пенный дар небес,
Мы злу найдём первопричину,
Решим, кто ангел здесь, кто — бес,
Кто с миром праведным вразрез,
Кому — ни капли капучино!

Прогоним сон, зажжём умы,
Отбросим тусклые личины,
Средь хищных дум и злобной тьмы
От Колымы до Колымы
Пусть грянет вновь: «Рабы не мы!»
И «Полконя за капучино!»

ЗАРИСОВКА ИЗ ШРИ-ЛАНКИ

Конец июля. Влажная жара.
Здесь мошкара, молясь, кружится в танце
на тёмных ликах сказочных посланцев
других миров. Даров цветистый ряд.
Обряд. Поют, жуют, снуют — и спят.
Вхожу в толпу. На звуки заклинанья —
или молитв — мы движемся вперёд,
под ступы белокаменный живот,
беременный уже ненужным знаньем,
мы, пилигримы, суетная нить —
коснуться, помолиться — и забыть.
Шуршанье ног, жужжанье мух и слов —
но древний взгляд скользит поверх голов.

Назад иду сквозь лес. Он тих и пуст —
лишь хрустнет ветка, хитро и упруго:
в глаза мне глянет крохотный мангуст.
И — Будда правый! — мы поймём друг друга.

ВЕДЬМА

«Ты не ведьма ли? — шептал
в омут ночки. —
Рысь, бесья красота —
с червоточинкой.
То ль змей в моих руках,
то ли призраком,
птицей дикой в облаках,
раскапризною,
то ж не тронешься с колен
перед папертью...
Улетаешь на метле?
Ну и скатертью!»

Мне бы взвыть да лечь костью,
мне б вымалывать:
«Приюти меня, прими —
явь ли, марево.
Отогрей да пожалей —
жить под тучами
среди скитальцев-журавлей
я измучилась».

Да не клонится глава
и не молится;
хоть права, хоть не права —
за околицу,
да в закатный неуют
апельсиновый...
Что ж мне в сердце не забьют
кол осиновый?

Алина ТАЛЫБОВА

Коренная бакинка, по профессии педагог английского языка. Член Союза писателей Азербайджана и Союза журналистов Азербайджана. Автор трёх сборников стихов и переводов. Заведует отделом поэзии журнала «Литературный Азербайджан». Редактор и составитель нескольких антологий прозы и поэзии русскоязычных авторов Азербайджана. Член жюри различных республиканских литературных фестивалей.

ЗАСТОЛЬЕ

...Тень метнулась,
словно пес,
Вслед за чьим-то телом,
И заплакал красный воск,
И тишина взлетела,

И разбилась, как стекло...
Кто-то крикнул:
«Горько!..» —
И вино, как кровь, пошло
У бутылки горлом.

Скрипка плакала и жгла,
Ревностью давилась...
И скатерть пятнами пошла,
Потеряв невинность...

ИРОНИЧЕСКОЕ

... Ах, какой был ночью дождь!...
Как бросало крыши в дрожь
От его прикосновений...
Как метались чьи-то тени
По антеннам как по мачтам
В небо бурное летящим
— Осень затевала путч.
Деревá роняли шапки,
И луна кружилась шайбой
Между острых клюшек туч
— Как играли эти профи!..
И снился мне медальный профиль
— Правнук всех камей и гемм,
С именем на букву «М».
Снилась дверка в чью-то жизнь,
Снилось: мы не разошлись
В полночь у того подъезда,
А пошли сквозь ливень вместе,
Гордые, презрев такси...
Нам вослед особняки
Преклоняли колоннады.
Город за щекою прятал
Световые леденцы
Ледяных своих высоток.
И щелкнул нас небесный «Кодак»
На углу гостиницы
И старинного пруда.
Строем шла с небес вода
— Вниз...
 Но было наши руки
Не разлить водой разлуки,
Пусть небесной,
но — водой...
Ах, какой был ночью дождь!

РОЗМАРИН*(Песенка шансонье)*

Опять химер луною серебрит,
Париж над миром облаком парит
Из мириад кафешек и витрин...
И — розмарин, повсюду розмарин,
Как память о какой-то Роз-Мари,
Исполненной печали и любви
И верности являющей пример.
В разломах века канувший Жан-Пьер
Очкаст, голубоглаз и тонкошей.
Любовь — всего один из миражей,
Что скрашивают скучный путь земной...
— Сядь, Роз-Мари, поговори со мной.
И аромат плывёт через века
Её волос и шейного платка.
И птица голосит в её листве
О Жане, Пьере, давней той весне —
О том, чего я помнить не могу.
И вновь под вечной Аркой вечный гул,
Париж струит из пор жемчужный дым.
И — розмарин, повсюду розмарин...

Александр МЕЛЬНИК

Поэт, прозаик, эссеист, культуртрегер. Родился в 1961 году. Доктор наук (география). Публиковался в поэтических сборниках и журналах 10 стран. Автор трёх поэтических сборников, двух книг прозы, а также книг «Ли́ра» (сборник публицистических материалов о поэзии, 2015) и «Зёрна истины» (исследование проблемы комплексного сопоставления христианских истин со сходными доктринами нехристианских религий, 2017). Президент ассоциации «Эмигрантская лира».

МАММИ

Бенуа, неженатый бельгиец лет пятидесяти, жил вдвоём с маммие — своей приёмной матерью. В их доме обитала также маленькая болонка неопределённого возраста с неизменно печальными глазами. Мамми давно перевалило за 90, к собачке она была сильно привязана, что не удивительно, потому что Бенуа целыми днями пропадал на работе, и общение с болонкой было единственной отдушиной пожилой женщины, начавшей впадать в детство. Сколько лет было болонке, никто не знал, но она с трудом передвигалась по дому. Бенуа приходилось выгуливать её на руках. Когда собака умерла, мамми сильно изменилась. Она целыми днями сидела перед окном и смотрела сквозь проносящиеся мимо машины в сторону парка, где обитатели нашего квартала обыкновенно выгуливают своих четвероногих друзей. Чтобы отвлечь мамми от грустных мыслей, Бенуа купил ей большого плюшевого бульдога. К сожалению, игрушечной болонки в магазине не оказалось. Морда у пса была довольно свирепой, но мамми игрушку полюбила. Она постоянно гладила его по плюшевой спине и даже пыталась кормить. Только через несколько недель Бенуа понял, что мамми принимает бульдога за живого. Однажды вечером, придя с работы, он застал её сидящей в кресле с собакой на коленях. Женщина гладила пса по голове и что-то напевала, а потом начала вдруг разглаживать пальцами крупные морщины на его плюшевой морде.

— Мамми, а ты не думаешь, что ему больно? — неуклюже пошутил Бенуа.

Мамми отдернула руку, посмотрела собаке в глаза и еле слышно произнесла:

— Бедный...

По её щекам потекли слёзы.

МАДЕМУАЗЕЛЬ

История распорядилась так, что в современной России не стало общепринятого обращения к женщине (как, впрочем, и к мужчине). Про «товарищей» давным-давно забыли, а «госпожа» либо совсем не звучит (если без фамилии), либо звучит пафосно. В людных местах то и дело слышится: «Женщина!», кассиршам-пенсионеркам говорят: «Девушка», полицейский строго внушает: «Гражданка...», дети обмениваются впечатлениями: «Эта тётя совсем дура!», пожилая пенсионерка обращается к женщине помолже: «Доченька», интеллигент в шляпе произносит книжное: «Сударыня», а мужчина без понтов сурово говорит незнакомой женщине: «Мать, отвали!».

В Бельгии всё проще. Обращений к женщинам всего два — «мадемуазель» и «мадам». Но вопрос о том, как обращаться к незнакомым дамам — мадам или мадемуазель, — в деталях не проработан. Формально всё просто. Незамужняя — значит, мадемуазель, замужняя — мадам. Проблема, однако, в том, что семейное положение на лбу дамы не обозначено. Обручальных колец теперь практически не носят. Приходится оценивать возраст собеседницы на глаз и выкручиваться по обстановке.

Лет десять назад я вообще не вникал в эти тонкости и всех покупательниц своего магазина, за исключением совсем уж малолетних, называл «мадам». Так продолжалось до тех пор, пока одна молоденькая особа не устроила мне сцену. Она аж покраснела от возмущения, вся разъярилась и на все лады повторяла:

— Вы считаете меня такой старой, что называете меня «мадам»?

С тех пор я стал более щедрым на «мадемуазелей». Даже вошёл во вкус.

Но ближе к делу. В прошлом году у нас появилась одна новая покупательница неопределённого возраста — того, который принято называть «средним». Я и сейчас не знаю, сколько ей лет — женщины умеют маскироваться! Может, тридцать пять, а может, и все сорок пять. Как бы то ни было, но тогда, прощаясь с дамой, я не без некоторого усилия произнёс:

— Оревуар, мадемуазель!

Женщина вздрогнула, внимательно на меня посмотрела и, смущённо улыбнувшись, сказала:

— Спасибо!

— Но за что?

— За «мадемуазель»!

Через несколько дней она опять появилась в магазине. Едва войдя и поздоровавшись, дама выжидательно на меня посмотрела и направилась к полкам с журналами. Я, чуть запнувшись, ответил ей в спину:

— Бонжур, мадемуазель!

Говорят, что мы в ответе за тех, кого приручаем. Это не совсем точно. Мы в ответе и за тех, кого однажды назвали «мадемуазель»! Ибо обратного пути нет. Вот уже много месяцев подряд я — уже без запинки — называю эту, в общем-то, милую и не очень юную женщину «мадемуазель» и боюсь однажды произнести роковое «мадам». Чтобы не испортить ей ощущение праздника.

* * *

окна мои перекрыты железной решёткой
прежний хозяин боялся воров не иначе
я как орёл молодой то текилой то водкой
греюсь в темнице сырой где живу и батрачу

трачу свободное время на странное хобби
складывать в столбик слова безо всякого проку
лишь для того чтобы падкой до ласки зазнобе
было желанней со мной предаваться пороку

preliminaires amoureux благозвучные рифмы
дождь или снег за постылой решёткой неважно
я продаю по завышенным втрое тарифам
несколько строк ради ночи безумной и бражной

то ли тюрьма то ли ад если что и осталось
светлого в полуподвале почти что землянке
это доверчивых губ неизбывная алость
и прикипание к душеспасительной пьянке

окна мои перекрыты железной решёткой
господи замысел твой как всегда гениален
уединение с водкой пером и красоткой
станет магнитом для библиотечных читален

бродит снаружи по диким краям за границы
чудище обло озорно черно стоголово
но от него защищает меня с озорницей
оберег мой вдохновенное русское слово

* * *

Никакой Ликург не поможет гулякам-грекам
разобраться с жилой-скупцом — двадцать первым веком.
Жил и я гуляючи — медленно, по старине
«Домострой» листая, но как-то взглянул в окошко —
никого! — народ по окольным путям-дорожкам
за бугор перебрался слёзы топить в вине.

Плоть от плоти народа, живу посреди Европы,
где ещё вчера тишину стерегли циклопы,
только их закатали асфальтом давным-давно.
Новизна побеждает прошлое малой кровью —
не успеешь чихнуть, а друзья желают здоровья
через глаз ноутбука — циклопье моё окно.

Как писал пророк — суета и томленье духа.
Возвращаешься к ночи домой, в голове — разруха,
глухоманная водка зажата в потной руке,
огоньки светлячков потухли, взошли химеры.
Если что и осталось оттуда — лишь капля веры
да разгул кириллицы в ветхом черновике.

Алексей ЮДИН

Родился в 1965 году в Одессе. Живёт в Брюсселе. Филолог, занимался журналистикой. С 2000 года — профессор отделения славистики Гентского университета (Бельгия). Стихи публиковались в коллективных сборниках «Вольный город» (Одесса, 1990) и «Глаголы настоящего времени» (Киев, 2013), в журналах «Collegium», «Дерибасовская-Ришельевская», «Октябрь», «Дети Ра», «ШО». Опубликовал книгу стихов «Сентябрь» (Одесса, 2005).

БРЮССЕЛЬ. 2018

С Новым годом, город сброды!
От восхода до восхода
ты пунктирами прострочен
камуфляжных строгих страж.
Город мусорных обочин,
кротовин и червоточин,
бантом на груди Брабанта,
не робей, держи кураж!

С Новым годом, с новым роком!
Вам посылка из Марокко.
Что там будет — мы узнаем,
если нас не разорвёт.
Доживём, поди, до мая,
до покоя, до трамвая.
За Иисуса, за Пророка,
за покупки — вперёд!

* * *

Шепнёт ободранный перрон: «Прости, не уберёг...» —
и воспалённый семафор возьмёт под козырёк,
и вытащит билет, как нож, вагонный имярек,
и поезд лезвием черкнёт по пухлым венам рек.

Он в воздух врежется густой, как смертная вода.
В сплетении двойных тенёт трепещут города.
Он к ним по нити побежит, блестя восьмёркой глаз, —
и что останется тогда для них, да и для нас?

Возьмёмся за руки, друзья, прекрасен наш союз,
но как нам петь, когда готов его двойной укус?
Куда бежать, кого молить, чем обезвредить яд?
Но слышен шелест: «смертью смерть... где твоё жало, ад?»

Да-да, мы вновь смогаем нить в предательский клубок.
Мы выберем обратный путь, а кости бросит Бог.
Пойдём по лесенке из шпал — пора, мой друг, пора! —
домой, где не были с тобой с далёкого утра.

* * *

В нашем городе-урode
мы хотя бы на свободе.
В отключившем небо крае
в самый раз твердить о рае.
Сдохнуть даже здесь возможно
от любви от безнадежной.
Но хоть погуляешь прежде
на свободе.
И в надежде.

* * *

— Тело с телом, — нашепчешь дважды, —
Плоть ко плоти и кость к кости! —
слово — зёрнышко жаркой жажды
прилепиться, страсти срастись —
на огонь, на еду, на воду,
на любовь, на беду, навек,
безысходно, лицом к восходу —
имярек, знаток, человек.
Исцеляются пусть суставы
властью Умершего на кресте.
Пусть сойдёмся мы, как составы,
в демокритовой пустоте.
Я по солнцу узнаю, где ты,
и сведётся воздушный мост,
чтобы шли мы, в луну одеты,
чтоб ступали по зерни звёзд.

Анастасия АНДРЕЕВА

Родилась в Ленинграде в 1973 году. Живёт в Брюсселе и Санкт-Петербурге. Первый заместитель главного редактора журнала «Эмигрантская лира». Автор книги стихов и многочисленных публикаций в различных сборниках, журналах и альманахах.

* * *

остановка в пути кажется вечной
над платформой кружит снег по привычке
едем до неба родной электричкой
тащим в авоськах свою человечность

на маршруте судьи по расписанию
не забудь купить обратных билетов
тьму не понять при отсутствии света
как отправление без ожиданий

вот мы направо уже сходили
да и налево прекрасно успели
слева и справа лишь рельсы да ели
да в провода нисходящие мили

и ни полцарства тебе ни жар-птицы
да и к чему нам чужие забавы
жили? нет, были правы? неправы.
как бы там ни было всё повторится

рельсы да ели... согреться бы чаем
неба не видно мешает подсветка
курим одну на двоих сигаретку
и для чего мы здесь не понимаем

* * *

Тинке

буду лежать на диване,
ни черта не выходит, и пусть.
утомилось моё сознание,
созерцая сознания муть.
заберётся кошка под мышку,
нам под пледом вдвоём тепло,
говорю ей: слышишь, братишка,
как стучит зимний дождь в окно,
как шурует восточный ветер,
тормоша облетевший город,
новый год нас ещё не встретил,
ожидание тот же повод,
поводок, на котором ведут
от точки до точки отсчёта
неизбежность и точность минут.
спи, ушастик, завтра суббота

* * *

я в такой дали, что раньше не снилось,
в дебрях европы затерян мой полустанок.
выходи на скайп, дорогой, сделай милость,
ждёт тебя от декабрьской феи подарок.

жизнетворчество в прошлом, ах, как было,
ничего-то не помню, только снег и танцы,
всё болело и пело, ты помнишь, милый,
как покинули с боем возлюбленный карцер.

и пока мы сражались, принимая
пешку то за ферзя, то за синюю птицу,
ласково мучила зима глухая,
до скончания века обещая длиться.

нам с тобой повезло и даже очень,
мы себя наградили судьбой иною,
только тени, как прежде, звереют к ночи,
каждый раз проверяя, чего я стою.

* * *

чёрные вороны на рыжей черепице
дым из труб струится белыми флажками
в январе спасает имбирный чай с корицей
далеко до лета как до Фудзиямы

улицы усеяны трупиками ёлок
всё что от минувших праздников осталось
всякий не бессмертен поэтому и дорог
вот такое счастье вот такая жалость

не ищу причину тем паче оправданий
след от самолёта та же перспектива
по заслугам каждому близкий или дальний
нам с тобой зима бельгийского разлива

никакого смысла нет уезжать куда-то
на столе страничками щурится Басё
и у дома в скверике местный бодхисаттва
косячком раскурится и весь мир спасёт

Дарья АЛЕКСАНДЕР

Родилась в 1987 году в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ, после этого уехала учиться в Сорбонну. Несколько лет жила в Париже, в настоящее время живёт в Бельгии. Автор сборника рассказов «Самая близкая Франция» и сборника стихов «Строкосфера». Финалист Международного Тютчевского и Международного Тургеневского конкурсов. Призёр фестиваля «Эмигрантская лира».

* * *

Почему на земле идёт дождь
Потому что когда никто не видит
Брюссель
Поднимается в небо
Взрывается облаками
Церкви стреляют грозой
А потом мостовая
Начинает стекать
По воздуху вниз
Играя градом камней
Из пленных подвалов
Зерно вылетает
И птицы купаются в пиве
И тогда
Спасаясь от скользких осколков
Наточенных каплями окон
Я понимаю
Почему я
Люблю
Вечную бельгийскую осень.

* * *

Стежки дорог сшивают города,
Пух облаков взбивают самолёты,
И блёстки звёзд спадают иногда
На горизонт, на линию отсчёта;
Мне дали нить, и я её держу,
Себя продеть в ушко — чего же проще?
Я справлюсь, я судьбу опережу,
Вплетусь в узор, на страх, на риск, на ощупь;
Я вытку смысл, создам новейший крой
Из вытертых обрезков мёртвой ткани,
Игла кровит простроченной судьбой,
Я вмётана, я вшита, я не с вами.

БРЕЙГЕЛЬ

Собаки разгребают мёртвый снег —
Конец охоты как конец творенья.
Холмы стекают в синь замёрзших рек,
Деревни разрастаются коренья.
Рыжеют лисы на горбах крестьян,
Дорожка крови вновь приводит к дому,
Январь захлопнул ледяной капкан,
Могли уйти, но вышло по-другому.
Огонь поленья превращает в прах,
Зима людей горстями собирает
И до весны хранит в пустых домах,
Пока они овсом не прорастают.
Коньки на льду ажурный чертят круг,
Куда-то мчитесь человечья стая,
Прожить своё, перетерпеть испуг,
На полотне возникнуть и растаять.

ПЕРО

Вырываю ещё одно перо из крыла,
Буквы горячи, и рана в хребет вросла,
Шрамы строчек с утром одной длины
На иссохшей коже почти что и не видны.

И зачем мне мысли, зачем меня жгут они,
Там, где время в вечность сливает слепые дни,
Где никто не придёт, никто и не мог прийти,
Где не тает лёд в обожжённой моей горсти?

Приручить сознание, свернуть в шерстяной клубок,
Взять его и катить по тропинке вспять,
Добежать до распутия проросших листвою дорог,
Выбирай — не хочу, да не стоит и выбирать.

Сон сгустился и медленно стёк в рассвет,
Застывает завтра, зарюют его в золе,
Замереть на час, переждать миллиарды лет,
Чтоб оставить след в поглощённой землёй смоле.

* * *

Поверхность руки
Переходит в поверхность кресла
Интересно
Как часто мы сливаемся
С вещами и городами
Безвестно
Размываемся
По мокрым дорогам
Бесчестно
Присваиваем себе запах гари
И звуки измотанной скрипки
Неуместно
Чернеем буквами в ежедневнике
Зеленеет тонкой травой у подъезда
Орём на крышах котами
Прилипаем водорослью к волнорезу
Повсеместно
Проливаемся новым рассветом
И течём
В неизвестность.

Майя ШВАРЦМАН

Родилась в Екатеринбурге (Свердловске), окончила консерваторию, скрипач. Работала в Театре оперы и балета, симфонических и камерных оркестрах. Из России уехала в 1990 году. Живёт в Генте (Бельгия), работает в оркестре Европейской филармонии и камерном ансамбле Paradiso. Пишет статьи и рецензии о классической музыке, постоянный автор сайтов Operanews.ru, Belcanto.ru, журналов «Музыкальная жизнь» (Москва) и «Скрипичный ключ» (СПб). Автор многочисленных поэтических публикаций в журнальной периодике.

* * *

Текла река, зелёная от ила, жара глушила перестук мотыг,
к исходу дня работали вполсилы и ждали наступленья темноты.
Подённицы просеивали рыльца шафрановые да толкли анис.
Как будто пылью розовой, покрылся чешуйчатым цветеньем тамариск.
Несло гнильдой от ямы за дубильней, лиловой плотью набухал инжир.
Устойчивый, до одури стабильный, тысячелетний возвышался мир.
В каменоломнях исходили потом, пещеры выедал упорный карст.
Божественного промысла дремота ни сдвигов гор, ни разрушенья царств
не предвещала. Падали кометы, вращалось небо, толковались сны.
Пустыня мерно ширилась, и где-то пути песчинок были учтены.
Грядущее не подавало знака ни голосом, ни кровью на стене.
В венке из васильков и портулака, в узорчато расшитом полотне
к воде спустилась женщина и в реку для омовенья медленно вошла,
лениво переждав рабынь опеку, ей предлагавших мыла и масла,
в волнах присела, пудрою миндальной и смуглым телом влагу золотя,
когда из тростников вблизи купальни в корзине круглой выплыло дитя.

* * *

Усердной всякого стилиста
завивку парку учинив,
закручивает ветер листья
старательно, как ученик,

И жёлтых трубочек пергамент,
как сотни свитков «Берешит»,
лежит повсюду. Под ногами
беретик жёлудя трещит.

Деревьев обнищавших стаи
свершают горестный обряд:
потомство в люди отпускают
и беспризорщину плодят.

Сигают наземь непрестанно,
самонадеянно лихи,
колючий недоросль каштана,
крылатки клёна и ольхи.

Их гонят ветры днём и ночью,
и сколько сгинет их, пропав
в шалманах ям, хлевах обочин,
глухих бомжатниках канав.

Из них один пробьётся к свету
сквозь грязь, и месиво, и стыд;
и отвоюет дюйм планеты,
чтоб корни робкие пустить

и нам шепнуть: в тайге ль, в столице —
всё ляжешь в землю без затей,
и лишь тогда определится
черта оседлости твоей.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

* * *

Ночной грозой ручная стирка
была затеяна. Тазы
гремели громом. Из штафирки
хлебнув настоящей бузы,

ворочала хмельная прачка
многопудовые котлы,
шаталась по небу враскачку,
и добавляла то золы,

то синьки в воду. Занавесок
содравши облачную бязь,
крутила с искрами и треском
материю, раздухарясь.

Потоки пенные с размаху
выплёскивала с высоты,
и на земле в сквозных рубахах
тряслись и ёжились кусты.

К утру, устав от постирушки,
внезапно завернула кран.
На гребнях кровель для просушки
сырой распялила туман.

На острый месяц, как на гвоздик,
повешен неба был атлас.
С него текло. Мычали звёзды.
Их гнал к рассвету Волопас.

Екатерина ГОРБОВСКАЯ

Родилась в Москве. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Новый Берег», «Дети Ра», «Иерусалимском журнале», альманахе «День поэзии», антологии «Строфы века». Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор многочисленных журнальных публикаций и нескольких поэтических сборников. Живёт в Лондоне.

* * *

Смейся, глупый Риголетто,
сын хорька:
всё пропето у поэта
к сорока...
Просто спит себе мужчина,
в ус не дует,
просто снится балерина
и танцует.
Ни эмоций никаких, ни поллюций —
просто слёзы, просто сами, просто льются.

* * *

Пачули, профитроли,
вокзал уездный.
Не много ли магнолий
для края бездны?
Колёса с переплясом
влетают в код:
«Каким мы нынче классом,
мадам, на воды?»
И видеть всё, что мнится,
разрешено,
внимая женским лицам
в немом кино.

* * *

На доллары к рублю я больше не живу,
я больше не куплю билеты на Москву
и оставляю вам на вечное хранение
начинку к пирогам и дачное варенье,
избушку без дверей, из воска два крыла
и памяти моей кривые зеркала.
Я оставляю вам оброненное слово,
лежащее в земле под станцией «Коньково»,
и — задом наперёд — 91-й, что ли,
хороший был бы год, когда б не Божья воля.
Я оставляю вам ту церковь в Тёплом Стане...
Хороший был бы храм, когда б не прихожане.

* * *

На плечах у этих девочек — голова,
а в душе у этих девочек — синева.
Ну а что у этих девочек на уме —
это, в общем, то ещё макраме,
это тех ещё ветров бурелом,
поделом вам, дядьки старые, поделом!
В лом-не влом, а как из темени в Новый год
под окном машина времени тормознёт...
И рукою не найти рукава...
А по дому ходят зыбкие существа:
«Подышите, — говорят, — на стекло.
Ваше время, — говорят, — истекло».

Борис ФАБРИКАНТ

Родился во Львове. Работал в НИИ, изобретал. Затем жил в Москвѐ. А с 2014 года переехал с семьѐй в Англию. Имеет много публикаций в журнальной периодике. Автор книги «Стихотворения». Финалист конкурса «Поэт года — 2017», первое место в номинации интернет-конкурса «Эмигрантская лира». На Всемирном фестивале Эмигрантская лира — 2018» получил 2-ю премию.

ЗЕКА СИЗИФ

Меняет море цвет, волну
И ветер, небо, тишину,
Как будто линзы на глазах
Меняет море.
Оно уходит в глубину,
И чайки вниз скользят в слезах
Вслед на просторе.
Прилив там или же отлив,
Но море, как зека Сизиф,
Таскает волны на горбу,
А берег, раскатав губу,
Сдувает пену, как пацан,
Приняв бокал из рук отца,
Сдувает пену с пива.
Но, в общем, всё счастливо
Сплелось в чудесный вид:
И море здесь красиво
И правильно лежит,
И правильно стоят дома,
На светлых стенах тает тьма,
Деревья, будто ни при чём,
Качаются к плечу плечо,
Дают объём картине.
Садится солнце не спеша,
В ком есть, волнуется душа.
День постепенно стынет.

ЛОФОТЕНЫ*

В Лофотены ушло много гор и воды,
Их скрепили извилистым скотчем дорог.
Плюс немного дерев для создания среды
Обитанья людей, и зверей, и ветров.
В водах рыбы — их много и разных везде;
Если дождь очень сильный — возможно, в дожде.
Из расщелин в горе прорастают снега.
Сильный ветер возносит орлов. К берегам
Мощно движутся волны, как бицепс борца.
Рыбы снизу довольны, на нас нет лица.
Если солнце в четверг, ни дождя, ни беды —
Это лучшие дни лофотенской среды!
Как живут эти люди среди красоты,
До рожденья душой прорастая сюда?
Неужели, как все — посреди суеты,
Как простое стекло, где сверкала слюда?
Вот суровый обрыв, водопад, острова,
Выход солнца, как оперный тенор, навзрыд...
Не забудьте воткнуть деревья, где трава.
Божий мир, серый скотч. Потрясающий вид!

* * *

Словно снова я в городе этом живу,
Но уже без проросших до корня забот.
Старый город мой рядом со мной наяву,
Чуть касаясь плечом, переулком идёт.

Облетели черты, покрошились дома,
Изменился заполнивший город народ.
Проступает действительность, то есть сума
Очень яркого цвета и песни поёт.

Позабыто звенит устаревший трамвай,
Мостовая разбита под талой водой.
Ну давай же, маршруты мои узнавай,
Старый город, а ты не бывал молодой.

Эти трещины и облезающий снег,
Как дряной маскхалат, на тряпье разорви.
Ты живой, ты, мой старый, ты нравишься мне.
Ты семья моя, ты не стесняйся любви.

И названия улиц меня не собьют,
Хоть и прежние тоже уже позабыл.
Я души твоей малый весёлый лоскут,
Ты души моей след на себе сохранил.

* Лофотены — группа островов на северо-западе Норвегии, за Полярным кругом.

Я узнаю подъезд, проходные дворы.
Я с тебя календарные пути сорву.
Ни конца, ни начала не вижу игры
В то, что я в этом городе снова живу.

* * *

Яркий шар многозеркальный,
Друг шкатулки музыкальной,
Как летающий фонарик,
Разноцветный календарик.
Каждый маленький осколок —
День да вечер — путь недолог,
И туман ему не полог,
Опускается на выдох,
Тают рожицы на вдох,
И всегда найдётся выход,
И за всё ответит вздох.

Плоть зеркал венецианских,
Венценосных, вечных, панских
Бьют невинным первым взглядом,
Сыплют брызги на паркет.
Днём оклеют этим градом,
Окунут в полночи рядом
Глобус в битый звёздный свет.

Звонкий шар такой блестящий,
Развесёлый и летящий,
Счастье из папье-маше
Кружат-кружат друг за кругом
В край, где так легко душе!
Ты лети, лети, свети!
Но крошатся эти кру́ги,
Разлетелись наши дру́ги
Разноцветным конфетти.

Не зеркальные осколки,
А цветной стеклянный бой,
Сколы, трещины-наколки
Над мечтою голубой.
Годы, беды, непогоды —
Каждый помнит о своём.
Но сверкают небосводы
Несгораемым огнём.

Михаэль ШЕРБ

Родился в 1972 году в Одессе. Физик-теоретик, информатик. Публикации в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», *Homolegens*, «Крещатик», «ШО», «Эмигрантская лира» и других. Призёр Чемпионата Балтии — 2014, фестиваля «Эмигрантская лира — 2013». В Германии с 1994 года. Живёт в Дортмунде.

* * *

Ухмыляясь, месяц тонкий
 Уплывает за карниз.
 Свет просыпан из солонки:
 Резок, бел, крупнозернист.

Наши жесты пахнут мылом —
 Так фальшивы и грубы.
 Расставание уныло,
 Словно прыщик у губы.

Друг без друга, бук без дуба —
 Девять лет ли, сорок дней?
 Я Гекубе иль Гекуба
 Мне тебя теперь родней?

Что ж осталось между нами,
 Старше младший брат-чужак?
 Вот застряло меж зубами,
 И не вытащить никак...

* * *

В саду идей
Спит иудей,
Не видя снов,
И думает: «А был ли пуст
Тот куст,
Когда он загорелся?
А может, жило в нём счастливое семейство
Весёлых птиц иль шустрых грызунов?
Не повредило ль им куста горенье?»
Он видит: словно алое варенье
Стекает с веток, пламенем объятых,
И понимает: будет смерть густа
И глубока, как ров, в который крик пернатый
Слетает с ежевичного куста.

СТИХОПЛЁТ

Слегка настёгивая лошадь,
В телеге, годной на дрова,
Адам на рыночную площадь
Привозит новые слова.

И в день любой (но не в субботу),
С восьми примерно до пяти,
К нему народ, как на работу,
Спешит: словечко прикупить.

Адам — мужик простой, но годный,
Отточит имя — как копьё.
Ведь это всё-таки удобно,
Когда у каждого — своё!

В хлеву у мясника Мак-Клова
Теперь и я не ошибусь:
Не тварь с рогами, а корова,
Не что-то с перьями — а гусь.

Теперь мы знаем, где синица,
Где воробей... Наш Том-пострел
Два дня охотился за птицей,
Чтоб дать ей имя — свиристель.

А сколько было разных сплетен,
Завистливых и прочих слёз,
Когда кузнец с базара летом
«ЛЮБИМАЯ» жене привёз!

Лишь стихоплёт из Аризоны
(Признаться, тот ещё зоил!)
Ворчит, что это незаконно,
И сам ни слова не купил.

ПАЛИТРА

Художник уснул, ему чудятся пальцы и спицы,
Венеции вульва, округлые Рима колени,
И он понимает, что больше ему не проснуться,
Не выплеснуть на пол крошечную горечь синели.

Над ним проплывает Вселенной малёк большеротый,
Межзвёздный планктон сквозь прозрачные жабры лучится,
И сердце его — желатиновый ком, аксолотль —
Становится бронзовым слитком под левой ключицей.

И разум светлеет, пока расцветает омела,
На солнечном троне царит в белоснежном убранстве.
Художник становится чем-то без формы и тела,
Не чувствует ни своего положенья в пространстве,

Ни трепета кожи — он слушает музыку дрожи,
Становится множеством птичьим, галдящею стаей,
Росой на опушке, прозрачной десницею божьей, —
Он света буханку на ломти цветов преломляет.

Блестит на фаянсе его чёрно-белая вера.
И ломти горят, превращая тарелку в палитру.

Безлистые ветки жонглируют сгустками ветра.
На мёрзлой земле проявляются снега субтитры.

ЭЛЕГИЯ ДЛЯ АЛЕКСАНДРА ГАСПАРЯНА

Согрет глотком напареули,
День прожит, делать больше нечего.
Легли у ног, в клубок свернулись
котами слабость и доверчивость.

Сквозь тёмный коридор из кухни
Бежит к дверям дорожка млечная —
То разгорается, то тухнет.
Нагретый воздух пахнет печивом.

Качнётся тень квартирной флоры
Напоминанием о рае.
Лишь новости из монитора,
Как пирамиды, выпирают.

Опять читаешь до удушья
О том, что рушится за ставнями.
А чудилось уже, что худшее
Мы в прошлом навсегда оставили.

А ведь казалось, перебесимся,
Вдали от злых и слишком набожных
Под старость непременно встретимся
И будем кофе пить на набережных.

Что выйдем мы, отгладив брюки,
Дремать с газетой под платанами,
Что навещать нас будут внуки и
Делиться жизненными планами.

Михаил ЮДОВСКИЙ

Михаил Юдовский родился 13 марта 1966 года в Киеве. Учился в художественно-промышленном техникуме и Институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года — свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе». В 1992 году переехал в Германию (город Франкенталь). Автор нескольких книг стихов и прозы. Юдовский является лауреатом нескольких литературных премий, его живописные работы находятся в музеях, а также в частных коллекциях пятнадцати стран мира. Пишет как на русском, так и на украинском языке. В 2015 году закончил работу над переводом на русский и украинский языки всех сонетов Шекспира.

* * *

Этот год, ощущая себя подкидышем,
жался к стенам, брёл коридором узким,
молился ивритом, бредил идишем,
метался между украинским и русским,

раскачивал телевизионные вышки,
прятал в створки мягкотелых устриц,
жёл автомобильные покрышки
на перекрёстках взгорбившихся улиц,

пил из горлышка муть в подворотне,
бился о прутья оград чугунных,
проводил в поднебесье сотни
отчаянно смелых, красивых и юных,

отпевал их гортанными голосами.
Сверху падали птицы, и глядели лица
такими больными тоской глазами,
что сердце переставало биться.

* * *

Священный Пта благословлял ремёсла,
покачивая посохом в руке,
когда под вечер золотые вёсла
купались в фиолетовой реке,

когда из пересохнувшей гортани,
молчания выплёвывая ком,
заздравное «лехаим, египтяне»
звучало над водою и песком,

когда слагал из воздуха поэмы
напев эпох, бесстрашен и картав:
мы не рабы, поскольку мы не немые —
от первой алеф до последней тав.

Мы вместе пиво кислое лакаем
и слышим, как воинственно гремит
ответное «воистину — лехаим»
с верхушек отдалённых пирамид.

И видятся почти потусторонне
змеящиеся трещины границ
и мумия, сидящая на троне,
с пустотами темнеющих глазниц.

* * *

Я зашёл к тебе ненадолго — на половину жизни,
ненароком свернув с прямого пути к Голгофе, —
узнать, что творится у нас в отчизне,
выпить крепкого кофе, чего-то покрепче кофе.

Я зашёл к тебе ненадолго — чтобы проститься
и почувствовать, всхлипывая в жилетку,
как из сердца моего улетают птицы
сквозь распахнутую грудную клетку.

Я ушёл за птицами — смешавшись с дорожной пылью.
В воскрешенье не верилось. Хотелось вина и блуда.
За спиной у меня незаметно сложились крылья,
превратившись в обычный горб на хребте верблюда.

Пустовала Голгофа. Над нею висели грозди
неизвестных созвездий, и месяц глядел в окошко,
как солдаты в трактире пьют и играют в кости,
а один, молодой, наклонился и гладит кошку.

* * *

Моё окно — трёхстворчатый алтарь.
На левой створке серафим-кустарь
торгует статуэтками наложниц.
Садовник Ганс, лукавый златоуст,
поёт дроздам и подстригает куст
короткими движениями ножниц.
Святящимися нитками прошит,
прозрачный воздух тает и дрожит,
отравленный весенним токсикозом,
и тучные мохнатые шмели
летят в полуаршине от земли,
подмигивая солнечным стрекозам.

На правой створке моего окна
архангел в ризе синего сукна
под форменным оранжевым жилетом
благочестиво подметает двор,
отмахиваясь от собачьих свор
метёлкою, крылом и арбалетом.
Его бескрылый спившийся собрат,
с утра своей безбудущности рад,
прищулив левый глаз, неторопливо,
в футболке и пятнистом галифе,
за столиком открытого кафе
из баночки потягивает пиво.

А на центральной створке алтаря,
каким-то светом внутренним горя,
толкает Богородица коляску
с младенцем, и, отставшие на шаг,
балуются телёнок и ишак,
на радостях затеяв свистопляску.
С брусчатки пешеходной полосы,
сквозь бороды и пышные усы
предбудущего выдохнув основу,
саксофонисты Каспар, Бальтазар
и Мельхиор несут младенцу в дар
ламбаду, кантри-блюз и босса-нову.

Григорий ПЕВЗНЕР

Григорий Певзнер в прошлом харьковчанин. Занимался в литературной студии Вадима Левина. Сегодня живёт в немецком Марбурге. Пишет для взрослых и детей. Издал две книжки переводов и три книги стихов. Некоторые его стихи стали песнями.

* * *

А с гадким утёнком удачно вышло:
быть принятым в стаю — победа большая!
Но пришлый всегда остаётся пришлым,
хотя его больше не обижают.

Порою похлопывают по крыльям
(и помещают в газете фото).
Порой доверяют вести эскадрилью
(когда остальным вести неохота).

И будет век его славно прожит,
но жить с клеймом и его потомкам.
И сына зовут за глаза утёнком
(в глаза не решаются — врезать может!).

10.2018

* * *

Мне нравится тарашить зенки
на всяческую красоту.
Когда засеют мною землю,
я сорняками прорасту,

чтоб встали всходы, с тленом споря, —
осот, сурепка, васильки...
Но вы их выполете вскоре:
нехорошо же — сорняки!

10.2018

* * *

Вечереет. Углы отчётливей.
Бог склоняется, всё разглядывает.
А потом что надо подчёркивает —
тут разглаживает, там раскладывает.

Надо глянуть, всё ли расставлено,
всё ли ладно перед потёмками —
тронуть тента тень растянутую,
тень антенны тронуть тонкую.

Бог присматривается попристальной —
вечер блики о пристань плещет, и
пацаны рыбачат на пристани,
а вокруг коты, как болельщики.

Бог присвистнул и с неба свесился —
явно в удочках разбирается!

...Парус солнце поймал и светится.
И луна над ним разгорается.

09.2018

* * *

И потемнели пыль у ног,
река и камни,
когда прикрыл, нахмурясь, Бог
лицо руками.

И рывкнул гром, и за леском
другой ответил.
И стал гоняться за листком,
сорвавшись, ветер.

Дубы упруго напряглись,
качнулись ели.
И утки с криком поднялись
и снова сели.

И ливень лапал, обалдев,
все кроны разом,
как пьяный шкет при виде дев,
теряя разум.

Срывалась мокрая листва,
устав качаться.
И всё закончилось, едва
успев начаться.

Создатель пальцы чуть разжал —
и из-под пальцев
свет вырвался и задрожал,
заколебался.

И небо, не жалея сил,
заголубело.
И от плотины лебедь плыл
легко и бело.

09.2018

Анастасия ВИНОКУРОВА

Родилась в 1980 году в Беларуси. По профессии музыкант. Автор двух поэтических сборников: «Вспомни меня» (Минск, Изд-во ВЭВЭР, 2003 г.) и «Ауфтакт» (Новокузнецк, Изд-во «Союз писателей», 2017). Победитель и лауреат ряда международных конкурсов. Живёт в Германии.

* * *

Если зовут по имени — жди беды.
 Значит, дела в королевстве совсем худы.
 Значит, все прежние проблески гнусной прозы
 Были бирюльки, а это — уже серьёзно.

Значит, сиди и смотри говорящим в рот,
 Думай о том, что Карнеги безбожно врёт:
 Имя не дар, а война, что давно назрела,
 Лишь подготовка к будущему расстрелу.

Значит, заказывай жирного каплуна:
 Завтра спадёт последняя пелена.
 Тягостный сон и подлинное злосчастье —
 Всё начинается с тихого: «Знаешь, Настя...»

КЛУБ НЕУДАЧНИКОВ

Говорили тебе: держись, чтоб не вылететь на ухабах.
 Этот мир ненавидит старых, больных и слабых.
 Сможешь кралою свою осыпать брильянтами и мехами,
 если будешь вести себя правильно, а не дружить с лохами.
 Неудачи заразны похлеще свиного гриппа:
 зазеваешься — сам превратишься вжалкого типа,
 не успеешь моргнуть — окажешься в чёрных списках,
 на парсеки вокруг не найдёшь ни друзей, ни близких.

Так броди, прокажённый, по краю внезапной бездны,
вспоминай, как слова бессмысленны и помпезны.
Как хоронят при жизни, глаза отводя стыдливо:
видно, в помыслы привносил недостаточно позитива —
потому проиграл. Все упреки привычно едки.
Так порой не хватает какой-нибудь тайной метки
(...разноцветных шнурков, синей ящерицы на предплечье...) —
символического билета на место встречи
сбитых лётчиков, упустивших последние шансы.
«Добрый вечер! Меня зовут Виктор — и я облажался».
«Здравствуй, Виктор!» — сочувственно эхо бежит по залу.
Победителей нет — это то, что нас всех связало.
Здесь ты можешь кричать: жизнь такая сука местами!
Уважая свободный выбор, никто не станет
осуждать и советовать, что тебе делать с нею.

Но взгляни на меня: даже я удержалась — а ты сильнее.

* * *

грозовыми ночами являюсь издалека —
надо мной река, подо мной река, —
и шевелятся губы, словно у грустной рыбы:
мы могли бы? нет, не могли бы.
ты не знаешь рыбьего языка.

от попыток понять повышается яд в крови.
не помогут лингвисты, сколько ни позови.
ты ведь помнишь, мы всего уже рассмотрелись.
даже слово «прости» в переводе — такая ересь,
что куда уж там о любви.

Даниил ЧКОНЯ

Родился в 1946 году в Порт-Артуре. Жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор 11 книг стихов. Лауреат премии В. Сирина (Набокова) и Русской премии (2015) . С 1996 года живёт в Кёльне.

* * *

я не думаю не думаю
нет ни имени ни отчества
и не ведаю беду мою
и отраду одиночества
был и неслухом и послухом
сам себя же не обидел бы
я постукиваю посохом
никому пока невидимым

сколько раз себя измучивал
под седыми небесами
жил от случая до случая
как придумываем сами

пусть пройду я незамеченным
всё одно уйду не сломан
и живу неонемеченный
не расставшись с русским словом

* * *

покашливаю в кулачок
и впереди нестрогий
благообразный старичок
сошёл с моей дороги

и тут же бодр и моложав
на старичка похожий
свой быстрый шаг попридержав
прошёл вперёд прохожий

я с удивлением гляжу
мне что-то в них знакомо
что я в обоих нахожу
что встало в горле комом

жёлт полнолуния пятак
а то бывает рыжим
а я то этак вот то так
себя всё чаще вижу

* * *

наступила осень патриарха
и ему то холодно то жарко

бродит он по золотому саду
собирает спелые плоды
нет ему с собою миру-сладу
то вина запросит то воды

да ещё вздыхает ох и ах
странный доложу вам патриарх

взял корзину листья собирать
собираясь зиму зимовать

ходит-бродит говорит мы сами
виноваты — между полюсами
застываем песни сочинять
и слова с другими сочленять:

«у неё глаза из виноградин
вся она лоза и ненагляден
той лозы незамутнённый лик»

патриарх как видно не привык
понимать что наступает осень
что зима вот-вот ударит оземь
что другим его невнятна речь
говорит надменно: не перечь

ибо сон ему под утро снится —
что почти забытая давно
юности задумчивая птица
бьётся в нераскрытое окно

солнце золотит верхушки сосен
патриарх капризен и несносен
требует окна не закрывать
чтобы луч заглядывал в кровать
холодно ему на этом ложе
давит сердце по ночам
похоже
сны вокруг нелепые снуют
и царит разброд и неуют
на аллее старенького парка
осень
осень
осень патриарха
птичьи стаи голос подают

Паола УРУШАДЗЕ

Историк театра, кандидат искусствоведения, автор книги «Шекспир и грузинский театр», автор стихотворных сборников «Сперва был Сад...» (1986), «Тбилиси — Тифлис» (2002), «Тбилисский тайник» (2007), «Сыграем, осень» (2011) и «Salve...» (2015); Сборник переводов стихотворений Галактиона Табидзе (2016). Стихи печатались в журналах «Литературная Грузия», «Юность», «Дружба народов» и др. Живёт в Тбилиси.

* * *

*Не вороши... там не осталось тайн —
Сплошной сквозняк! Как на морском вокзале...
И сколько эти книги ни листай,
Они смолчат. Они — своё — сказали...*

О, не скажи... Недаром Морвокзал
Сверкнул блесной. Он тут не рифмы ради.
Играет музыка. Флажки, как на параде.
Всё от души. Никто не подсказал.
И он нам рад: «Пожалуйте, польщён...
Я тут на днях послал пассатам вызов,
Но передумал — обойдётся бризом,
Он тоже тайнами неплохо оснащён.
Но кроме тайн в нём что-то есть ещё,
Что неподвластно берегам и визам...»

И пляж уже не кажется миражем —
И вид всё тот же, и веранда та же:
Дошатаый пол. Брезентовый навес.
Тут нам от шторма с вечера депеша,
Прочтём её, взволнуемся, опешим...
Она не спешная, но в ней полно чудес.
Пусть для кого-то это хлам и тина —
Ночной кошмар на утреннем песке, —
А нам волной обглоданный ботинок
Уже сказал, где он бывал и с кем...

Смотри, смотри, не отрываясь — в оба,
Она тебе не кажется Ниобой —
Та одинокая коряга на скале?
А скалы в море — граждане Кале —
Вот-вот и двинутся — им море по колено...
А там, вдали... он вырвался из плена,
Когда-то в море канувший корабль.
Он невредим. Его никто не грабил...

Но мы мешаем... Отойдём в сторонку.
Тут дети снова гонятся за крабом,
И краб опять выигрывает гонку
Своим никем не превзойдённым драпом
К себе!
В песок!
В шуршашую воронку.
А кто-то тихий взял уже на мушку
Те к валунам прилипли ракушки.
Он в этот миг Али-Баба и Крез.
Он, как и мы, не верит этой чуши:
В таких ракушках не найти жемчужин...
Давай попробуем...
Жаль, времени в обрез.
Мы не увидим, как сойдут на сушу
Сто лет назад пропавшие матросы,
Мы так их ни о чём и не расспросим,
Они, увы, не нам откроют душу,
Прося взамен кто ром, кто папиросы.

Что ж, не беда... Попозже наверстаем.
Ну а пока мы просто полистаем
(Хотя он тут и вовсе ни при чём)
Тот неожиданный, тот глянцевоый гостинец —
Журнал, забытый судовым врачом
В одной из старых
Гагринских
Гостиниц...

РИФМАМ

Вы выскочки, старьёвщицы, подруги!
Хватайте всё, что попадёт вам в руки,
Всё, что удастся в темноте нашарить
При выходе, на взлёте, впопыхах...

Всё благо — для меня и для стиха,
 И даже этот ароматный шарик
 Из сундука, где старые меха,
 А под мехами, в кожухе овчинном,
 Припрятана подальше от греха
 Бутылка с нераскаившимся джинном...
 Её там нет?! Позвольте, кто ж тогда
 Нагородил на чёрном горизонте
 Весь этот ослепительный Багдад?
 Ведь миг назад там был всего лишь контур,
 И то — шатра
 с живой звездой на спице...
 Так кто же это сделал, господа?..

А мне уже конец, мне не отбиться...
 Она летит...
 Она летит сюда!
 Та первая, та главная, одна,
 С единственным, но самым верным взятком...
 Она уже близка,
 Она уже видна,
 Она уже на уровне окна!

И прямо в сердце,
 в яблочко,
 в десятку!

ИЛЛЮЗИОН

В мире подлунном их нет и в помине,
 А тут они живы: жгут письма в камине,
 Бегут из-под стражи — к невестам и жёнам, —
 Кто в рясе чужой, кто в плаще с капюшоном...

Легко и привольно в сюжете нехитром —
 Один треугольник, два цвета в палитре.
 Победа в итоге достанется белым —
 Немного безумным, слегка оголтелым,
 Но добрым и смелым...
 Они оживают при каждом повторе —
 Жгут письма в камине, несутся в моторе
 Вдоль дикого пляжа, с одним саквояжем,
 К любимой, которой нет лучше и краше.

Никто им не скажет, что там — за пределом —
Их время земное давно пролетело...
Да и какое им, в сущности, дело
До деток invitro, до связи мобильной,
До титров, застывших на мраморе пыльном?

ДЕТСТВО

... И шум утих, и свет везде потушен,
Сад за окном почти неразличим...
С чего же так неожиданно, без причин
Горячая волна опять вздымает душу,
И сердцу снова тесно без отдушин...
Но ты не болен... Ты неизлечим.

Иначе ты не стал бы этим летом
Жалеть о том, как постарела ель,
О том, что на просторе, в море, где-то
За несколько мгновений до рассвета
Корветы ветром вынесло на мель...
Не уловил бы в воробьином трёпе
Рассказ о том, как им несладко жить,
Не отвечай... твой час ещё не пробил,
Они ещё в пути: слова, сравненья, тропы —
Не торопи... Куда тебе спешить?..

Не спрашивай: за что это? Откуда?
Прошедшее мало, грядущее темно...
Живи себе... не зная, что за чудо
Тебе так вовремя, так ни за что дано.

Михаил ЛЯШЕНКО

Родился в 1946 году. Учился в Институте иностранных языков и в Академии художеств. Член Союза художников СССР с 1983 года. Как литератор публикуется с 90-х годов прошлого века. Автор стихотворных сборников: «Из 5 неизданных книг», «Петрушка», «Южнее рая», «Как будто». Журнальные публикации: «Знамя», «День и ночь», «Эмигрантская лира» и многие другие. Живёт в Тбилиси.

* * *

Давай отпустим всё природе
и необузданной погоде,
чтоб неизбежное терпеть
и жизнью жить в своём народе,
молчать вдвоём и хором петь...

Гудящей площадью, базаром,
где что ни шаг, то ход конём,
калекам пьяным подаём,
идём, петляем, отстаём...

Гудят костры сторожевые.
Склон сизым мрамором дрожит,
снег вывел впадины и жилы,
как белый текст взброс набил.

Дымятся мусорные баки,
развалы тучные горят,
а мы — как верные собаки,
что знают всё и всё ж молчат.

Луна рассыпана по лужам.
У нас по молнии в руке,
под рукавом, на поводке.
Вот так вот кружит нас и кружит.

Пошёл по небу талый лёд.
А на пролёт есть перелёт
и журавлиный клич на клички...

Нам старый курд открыл кавычки
и пропустил за поворот.

В ПРОВИНЦИИ

Небо в луже и овраг,
где-то и река тут рядом...
Вдруг — ампирный особняк,
голубая колоннада,
золотая охра, лира,
три нахальные менады,
два застенчивых сатира
за фронтон отводят взгляды,
кот на крыше, как копилка,
в струях вешнего эфира.
Завершая колоннаду,
довершением к ампиру
валенки стоят и вилы,
дров припас, мешок опилок...
Несказанная страна,
Чернозёмная Пальмира.

* * *

Кубинским друзьям

Aggiba, Aggiba!.. — Ольгита Камастра.
Гаснут петардами белые астры.
Можно принять их огонь на ладонь.
Это не больно и не опасно,
этот огонь, несомненно, бенгальский,
если не веришь — пальчиком тронь,
это как всё то, что будет потом,
где, несомненно, всё будет прекрасно,
это как счастье с плеча папы Кастро,
это как слово короткое «баста»,
это — в обойме последний патрон.

ХРАМ КРЕСТА

*Парит обитель Мцъри — Джвари.
Борис Пастернак*

Грубый камень на глазах
невесомость обретает
и парит, и в твердь вращает,
мир окрест крестом связав.

Бьётся мутная вода,
негодует и картавит,
и ворочает базальт —
где-то снег осенний тает.

Вечереет. Файв-о-клок.
Облака наивный клок
задержался в чаще веток,
схоронив себя от ветра.
Тянет сумраком восток.
Ждёт в саду накрытый стол.
Ждёт история ответа.
Ждёт наследников престол,
мы — вина, а осень — лета.

Где-то здесь сидел на троне
царь, что Грузию крестил.
Камень розовый остыл
и застыл, как на ладони.
Камень знает. Камень помнит.
Ждёт Крестовый монастырь
в расстоянии руки
по ту сторону реки,
по ту сторону свободы,
жизни, смерти и природы.

Село Карсани

Елена ИГНАТОВА

Поэт, прозаик, родилась в Ленинграде. С 1975 года постоянно публиковалась в самиздате и в изданиях русского зарубежья. Автор шести книг стихов и двух книг прозы («Записки о Петербурге» и «Обернувшись»). Стихи многократно переводились, включены в российские и зарубежные антологии русской поэзии XX века. Лауреат премии В. Сирина (Набокова) за 2017 год.

* * *

Как, не ударясь в крик о фанерном детстве,
бетонном слоне, горнистах гипсовых в парке,
творожном снеге Невы, небе густейшей заварки,
о колоколе воздушном, хранившем меня?
Вечером мамина тень обтекала душу,
не знала молитвы, но всё же молилась робко.
В сети её тёмных волос — золотая рыбка,
ладонь её пахла йодом... сонная воркотня.

Всей глубиною крови я льну к забытым,
тем вавилонским пятидесятым,
где подмерзала кровь на катке шербагом,
плыл сладковатый лёд по губам разбитым.
Время редет, скатывается в ворох,
а на рассвете так пламенело дерзко,
и остаётся — памятью в наших порах,
пением матери на ледяных просторах,
снежными прядями над глубиною невской.

* * *

Пела и на клиросе,
и под небесами,
как звезда, светила
в деревянном храме.
Обходя без устали
городок-пустыню,
площади и улицы
все перекрестила.
Всё согреть старалась
каменное ложе
Ксения Петербургская —
тайная надежда.

* * *

Всё протяженьё брошенной столицы
вмещается в единый перелёт
чирка болотного. Но страшно сельской птице
на празднике огня и света появиться,
и воздух нежилой над городом течёт.
Здесь каменный народ, который целый день
карнизы подпирал, стоял в неловких позах
на крышах — он даёт себе короткий роздых.
Простолюдин античный любит лень,
игру в щелчки, катание на козах.
Пока мы заперты в свои дома,
пока мы беззащитны перед снами,
мелькают пятки бронзовые,
ходят кони табунами...
И улица легла,
обнажена
перед ночными плясунами

* * *

Пустоты полночи. Земля перепревать ложится.
Лист налитой на землю пал.
Фонарик мрака — в небесах мерцает птица,
и коротко блеснёт, боясь упасть в канал,
где света нет.
Теперь сырой туман
стекает по садам на каменные лица.

Пустоты полночи.
В густой воронке света
прохожий скармливает женщине тоску.
Слова расслаблены. Дымится сигарета.
В плаще блестящем он подобен мотыльку,
что к лампе прилетел и требует совета.

Что делает поэт в печальный час теней?
В Неве ночных огней качаются обмылки.
Он из дому идёт, одевшись потеплей,
и студенистый свет стекает по затылку,
когда пройдёт насквозь туманный Летний сад,
и тени милые к нему на свет летят...

* * *

Медногубая музыка осени. Бас-геликон
кружит медленным небом. И колеблем, осыпан листвою,
проплывает военный оркестр в мокром воздухе по-над землёю,
чуть повыше дождя занесён, накрёнён.

Скажет музыка: «О-о-о...» — и отступит фонтанов вода.
Так застыли тритоны, что губы у них леденеют —
не сомкнуть, не ответить оркестру.
Он медленно реет,
медью призрачной греет..
Дрожит за плечами слюда.

Что ж, российский Версаль? Нам достались из той стороны
этот парк щегольской да надрывное слово «блокада»,
и не кроны деревьев — голодные рёбра войны,
не золоты арфы, а песня смертей и надсада.

Сеет дождик... и плачу. И с криком летит «метеор»
вдоль оставленных парков. Угрюмо спешат экскурсанты
мимо братской могилы фонтанов, каскадов, озёр,
мимо музыки — вниз головой —
растворённых дождем оркестрантов...

Феликс ЧЕЧИК

Родился в Пинске (Беларусь). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат «Русской премии» (2011). С 1997 года живёт в Израиле.

* * *

Чтобы цепь не зажевала, —
брючину заправь в носок...
Время — рана ножевая —
пролегла наискосок:
от пупка и до соска —
глубока!
Ты родился: жил и не жил, —
долго-долго — без конца,
свежескошенный, как Бежин
луг — кончиною отца.
Свежевыкрашенный небом,
затушёванный дождём, —
не тушуйся, если не был
окончательно рождён.
Ты ещё войдёшь, как в Пину,
дважды в небо; жизнь — вода,
и сомнений пуповину
перережешь навсегда.
И с надеждою не в ссоре,
и с любовью не враги,
ты омоешь в Мёртвом море
сердце, словно сапоги.

* * *

Расскажи всё по порядку —
ничего не утай,
вспомни в клеточку тетрадку
и каракули твои.
В предвкушении разлуки
и над пропастью во лжи,
не заламывая руки,
без утайки расскажи.
Расскажи кому попало:
другу, ветру, никому,
как сирени пятипало
одурманивали тьму.
Расскажи душе-соседке,
как нагринула пурга
и каракули из клетки
улетели на юга.
Рассказал, потомок-предок?
А теперь — без лишних слов
обломай немного веток,
наломай немного дров.

* * *

На балконе, курия после третьей,
мы сидели и слушали ветер,
и закладывали виражи:
то ли ангелы, то ли стрижи.
Говорить ни о чём не хотелось:
логос умер, безумствовал мелос,
и уже, никуда не спеша,
говорила с душою душа...
Лист кленовый — ещё не помятый, —
ветром сорванный, падает в грязь.
По четвёртой и сразу по пятой
накатили, за стол возвратясь.
И уже о любви — не о боли —
чёрно-белое смотрим кино.
То ли дождик за окнами, то ли
мокрый ангел стучится в окно.

* * *

А. З.

На поминках пьётся, как нигде,
как ни с кем уже и никогда.
Борода склонилась к бороде:
жатва скорби, памяти страда.
Ну, давай, не чокаясь. Давай.
Царствие Небесное. Ага.
За окном прогромыхал трамвай,
и запела за окном пурга.
Запоём и мы про ямщика,
с болью не своей накоротке;
и прижмётся мокрая щека
к мокрой нафталиновой щеке.
А потом — прогулки по воде,
а потом — над головой вода.
На поминках пьётся, как нигде,
как ни с кем уже и никогда.
давай по новой
тире по прежней
за гроб вишнёвый
и саван снежный

Ариэла Марина МЕЛАМЕД

Родилась в Харькове. Поэт, прозаик, бард. Автор шести книг прозы и стихов и 16 музыкальных дисков. Лауреат премии «Олива Иерусалима», нескольких международных поэтических фестивалей. Публикации в СМИ многих стран. Живёт в Иерусалиме.

* * *

июль гуляет по ночам окно открыто
и сохнет во дворе разбитое корыто
отчётливые времена седые льдинки
коктейль транзистор имена тень на пластинке

куда ушли во цвете лет индиго-джинсы
зачем я не люблю балет давайте брынзы
пока гитарная струна холодновата
и неурочная весна идёт куда-то

течёт неумолимый зной над головою
мы продолжаемся листвой береговой
и море чёрное и ягода калина
мы все пройдем и всё пройдёт читайте грина

ЛЕТНИЙ БЛЮЗ

Саре-Бэлле

Ни слов, ни снов, ни нот — и вот,
Услышать долгий шум дождя,
По кровле дней, по кромке нот
Из года в год переходя...
Напеть вечерний, скажем, блюз.
Ты скажешь: вальс, попутный бриз,
Куда летит наш паровоз?
Весь, до последнего гвоздя...

Пусть парус оборван и дел гора,
Но время в часах растает,
И все телефонные номера
Вернутся на склоне дня.
А что будет завтра, что было вчера —
Не знает волна морская,
В небо тебя отпускает блюз,
Как на водопой коня.

Пока горит в конфорке газ
(А он пока ещё горит),
Покуда пишется рассказ
И жизнь о чём-то говорит,
Ты завари крепчайший сон
И наиграй индийский чай,
Включай немислимый фасон,
А времена — не замечай...

* * *

Игорю Бяльскому

От Москвы к Иерусалиму
Разгулялись пилигримы,
То ли осенью гонимы, то ли ветром...
Начинается баллада,
Что ей от гитары надо —
Чтоб играла хоть какое-нибудь ретро...
Чтобы призрачные стены
Проступали постепенно —
Там, у самого невидимого Храма,
Где Стена одна осталась,
Не такая уж и малость,
Только Храма что-то не видать ни грамма...

Но приходят пилигримы
Из Архангельска и Рима,
И к Стене идут, и обнимают камни,
От святого до прохвоста —
Все о чём-то просят просто:
Мол, я нищий, нищий духом, и куда мне
Проложить свою дорогу?..
Если надо так немного, —
Чтобы близкие бывали бы здоровы, —
Боже, ты пришли нам денег,
Может, финик, может, веник,
И хватило чтобы всем любви и крова...

Продолжается баллада
Без особого уклада —
Пилигримы покупают кока-колу,
А к назначенному сроку
Там, по улице Пророков,
Племя шумное заваливает в школу.
Солнце праздничное светит
И, пожалуй, не заметит,
Как меняется дорога у киоска,
Что там слева, что там справа,
Кто найдёт на всех управу,
Кто растает, словно статуя из воска...

По дороге у забора
Начинается неспоро,
Продолжается дорога за холмами,
И пустынный древний ветер
За окном качает ветви,
Пролетая над деревьями-домами.
От восхода до заката
Чинит день свои заплаты,
Ожидает от заката до восхода,
Снова собирает камни
Постепенными руками,
Чтобы храм построить в это время года.

* * *

маме

Я жила, не помня, куда и зачем иду,
Я ловила летних бабочек на холме,
Тёк ручей зелёный, и ветер гудел в дуду,
И кораблики вслед летели тебе и мне.

Ты ответ не помнишь, кому, для чего, зачем...
Я стучу по дереву, не поднимая глаз...
И в вечернем ветре не слышно других поэм,
Кроме этой, что над ручьём говорит о нас.

Ты идёшь, качаясь, а время бежит вослед,
Говоришь о главном, любом, собирая дни.
А когда-то прежде у старых домов в тени
Я лепила осень, а ты вышивала свет.

Ольга ФИКС

Родилась в 1965 году в Москве. Окончила Литературный институт. Печаталась в журналах «Мы», «Крестьянка», «Лехим», в 1997 году издательство «ЭКМО» выпустило роман «Вкус запретного плода» (авторское название «Крольчатник») С 2006 года живёт в Израиле. Печаталась в журналах «22» и «Иерусалимском журнале». В 2018 году в издательстве «Время» вышел роман-антиутопия «Улыбка Химеры».

* * *

А если кончился запас на чёрный день,
А этот самый чёрный день
Ещё и не был, или был
Но так давно?..
Пустует полка у окна,
И свежей краски белизна
Чиста, как снег.
Мне нынче, право, не до сна,
Ночь за окном черным-черна.
Какого цвета будет день?

* * *

Когда у меня будет своя лошадь
Я не стану водить её по улицам
Мы с ней будем гулять в сквере
Взад-вперёд по пыльным дорожкам
А моя собака (которая есть у меня сейчас)
За нами побежит следом.
А прохожие станут
Обходить нас справа и слева.
И только самые занятые и спешащие
Пройдут прямо сквозь мою лошадь
И не замечая моей собаки.

1986, Москва

СУББОТА

Том Диккенса и том Андрея Белого,
Немножечко израильского белого
И хала, испечённая не мной, —
Проходит бесконечный выходной.
Суббота, изречима и нетленна,
Из берегов выходит постепенно
И тянется незримою стеной
Между одною и другою мной.

* * *

Ты задаёшь дурацкие вопросы —
Не задавай дурацкие вопросы.
Зачем тебе дурацкие ответы?
А настоящих ни за что не сыщешь
Ни на земле, ни под землёй, ни в море,
Ни в небесах, что дразнят облаками
И каждое похоже на ответ.
Но слов не разглядеть и с телескопом.
Пойми: никто тебе не растолкует,
Что есть любовь, и отчего так больно
Спросив: «Который час?» в ответ услышать:
«Нет времени. Оно ушло в песок».

* * *

Я истекаю клюквенным соком,
Рыжее небо — жарким Востоком
Сонное счастье — сладкой истомой,
Запахом дыма, запахом дома.
Поосторожней с запахом дыма!
Все мы пока ещё невредимы.
Жарче не будет — ибо куда же?
Мечутся в воздухе копоть и сажа.
День будет вечен. Ночь не настанет.
За поворотом скачущий всадник.

2015

Людмила КЛЁНОВА

Место рождения и учёбы — Харьков (Украина). Окончила Институт искусств. Профессиональный музыкант, пианистка. В 1999 году репатриировалась с семьёй в Израиль. Место жительства — Ашкелон. Член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России, зарубежное отделение. 9 изданных сборников поэзии и прозы, публикации в израильских и международных альманахах. Сотни концертных выступлений. Более четырёхсот песен и романсов на стихи Л. Клёновой написаны музыкантами России, Украины, Казахстана, Израиля, США, Германии.

ГОДАМ НЕ ВЕРЬТЕ!

Как странно судьбы ткут своё панно,
В узор вплетая радости и смуту, —
И мы взрослеем — Время всё равно
Идёт сквозь нас, следы оставив всюду;

И в зеркалах мы старше, чем в сердцах...
Но лишь чуть-чуть успели научиться,
Преодолев сомнения и страх,
Дарить себя... Довериться...
И лица

Уже читать умеем, как слова, —
И сквозь слова услышать их значенье,
И ожидать — иначе! — волшебства,
И не пугаться сумерек и тени;

И, обретая подлинную боль,
Мы обретаем подлинное счастье...
И провожаем к берегу Ассоль...
И душу рвём, не жалуясь, на части,

Ей пожелав дожждаться и согреть,
И чтоб потом, ни в чём не разуверясь,
Встречать заката пламенную медь,
Как мудрой сказки призрачную ересь...

Годам не верьте! Им лететь — удел,
Нам только холод в будущем пророча...
А я — люблю...
И так бездумно-смел
Моей любви бездомный огонёчек...

РЕКВИЕМ

Памяти Эда Д.

Как пусто без тебя... Как пусто...
Как будто в вакуум забросили...
Не жду, что боль меня отпустит,
Не задаюсь уже вопросами.

Пока учу себя поверить,
Понять пытаюсь: это правда ли,
Что ты ушёл сквозь эти двери...
Что в этот Свет тебя отправили,
Меня забыв спросить, смогу ли
Я к этой жизни приспособиться,
Где ты — лишь в гроз тревожном гуле,
Где ты отныне — звёзд лишь собственность...

Полсердца, полдуши, полжизни
Моей ты взял... И я не сетую.
Я у свечи — без укоризны —
Я занята с тобой беседою.
Судьба ни капли не повинна,
Ведь всё заранее предписано.
И от меня лишь половина
Теперь осталась,
Мой Единственный...

БИСЕРНЫЕ РИСУНКИ

Играем в бисер. Честно ли, с интригами —
Нас подчиняет странная игра.
И чья рука моей незримо двигает,
Стряхнув желанья с кончика пера?

Когда на нить эмоций боль нанизывать
Тебя влечёт подлунною порой,
Ты вспомнишь всуе дальнего ли, ближнего —
И на странице — вот он, твой герой.

Изысканными линиями, плавными
Выписываешь тщательно сюжет,
В него вплетая лунности расплавленность,
И блик, и зыбкий промельк в вираже.

Из тихих слёз и бисеринок нежности
Он чётко проступает, не спеша —
Рисунок жизни чьей-то. И, конечно же,
В нём дышит и волнуется душа.

И ты, не зная сам, где быль, где вымысел,
Мечте давно разбитой вопреки
В роман стучишься, что за скобки вынесен,
Куда стучаться, в общем, не с руки.

И вдруг поймёшь, что всё уже прописано
И что герои свято верят в ложь...
А ты всё продолжаешь игры с бисером
И новые рисунки создаёшь...

ОСЕНЬ — НА ПАМЯТЬ

Как хочется на память сохранить
Осенне-листопадное богатство!
Там листьев разноцветные огни
Научат и тревожить, и смеяться.

Они умеют тихо рассказать
О днях, что беззаботно пролетели.
Роса на них — как первая слеза
В преддверии морозов и метели.

Так хочется собрать и унести
Погожих дней последнее причастье,
Чтоб в зимнем обесцвеченном пути
Нести в руках букет былого счастья!

А может, в синей вазе на столе
Составить разноцветья икебану
И спрятать лист кленовый, как билет
В Весну... Хотя она не по карману..

Но листья пахнут свежестью лесной,
Туманом и загадочностью тайны.
И кажется, пока они со мной,
Всё в жизни не напрасно, не случайно...

Алексей МАКСИМОВ

Родился в городе Донской Тульской области. Окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет в Москве и Папский Григорианский университет в Риме. Занимался педагогической, научной и церковно-практической деятельностью. С 2009 года и по настоящее время проживает в Италии, в Риме, священник Русской православной церкви. Автор двух поэтических сборников: «Тетради в клеточку» (2013) и «Письма римского студента» (2016).

МОЛИТВА

*Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу...*

Анна Ахматова

I

Скажи, как научиться жить,
О днях не мудрствуя лукаво,
И знатоком у всех не слыть,
Гоняясь вслед за тщетной славой?

Когда умолкнет болтовня,
Кимвал звенящих медь и хоры,
Идти Ты научи меня
Туда, где с горя гнутся горы.

И был ответ. Он маски рвал,
Сдирая ложь их вместе с кожей.
И гордый падал пьедестал
Самодовольного вельможи:

«Слова, слова! Как много их,
Впитавших смысла и значений.
И ты сложить их можешь в стих.
О, это дар твой, без сомнений.

Но лишь развеется, как дым,
Восторгов пелена густая,
Пойдёшь ли по следам Моим,
Проказу горькую лобзая?»

И стыла кровь. И ветер выть
Не унимался, пряча стоны.
С Креста упало: «В славе быть?
Из терна у неё короны!»

17.05.2012

Рим

II

Казалось бы, так просто жить:
Смотреть на небо и молиться Богу,
Подчас терять знакомую дорогу,
Но снова её в муках находить.

Довериться, но горько ошибиться,
Дружить не с теми и не с теми пить,
Но вдруг найти, как Ариадны нить,
Тех, на кого не страшно положиться.

За солнца луч благодарить, за даль,
За хлеб насущный, что с небес нисходит,
За Руку, что заботливо отводит
От сердца негасимую печаль.

Так отчего же каждый Божий день
Встречаю я поникшим долу взглядом
И счастьем тихому, томящемуся рядом,
Предпочитаю обладанья тень?

Февраль — март 2016

Рим

* * *

Как хорошо, что дождь по лужам
Отбарабанил за окном.
Ещё чуть-чуть — и вновь закружим
С тобою, осень, мы вдвоём.

Ты листьями играть будешь,
Застелешь ими, как ковром,
Все парки, улицы... Забудешь,
Наверно, только этот дом,
Где ты не властна над природой
И нечем здесь тебе сорить,
А посвящённой тебе одой
Я не сумею объяснить,
Как я люблю твой дождь кленовый,
Нагих берёзок стройный ряд
И как идёт тебе бордовый
На жёлтом праздничный наряд.
Но мы увидимся, я знаю,
Пусть не сегодня, пусть вдали
От русских рощ... Я улетаю
К тебе в верленовский Paris.

21.09.2015

Рим

Наталья ПЕЙСОНЕН

(публикуется также под псевдонимом evapishet).

Выпускница РАТИ (ГИТИС), факультет музыкального театра, мастерская Бармака. Член международного объединения литераторов Финляндии «Тайвас». Финалистка и победительница поэтических конкурсов «Ветер странствий» под патронажем княжны Елены Волконской в Риме (2009, 2012), «Мгинские Мосты» (2017). Победительница конкурса чтецов к 125-летию со дня рождения Цветаевой, ФКУ Российский государственный архив литературы и искусства РГАЛИ 2017 (и др.) Автор сборника «До и после тебя».

ПРО ЛЕТО

Лето придёт и бросится на песок.
Лето тебя оденет в льняные платья.
Он тебя выпьет, как виноградный сок.
Ты пропадёшь. В разнузданные объятья
ты попадёшься глупо, на раз-два-три,
у голубой воды, где песчаник сточен,
сердце сорвётся, выпорхнет изнутри.
Нежный противник выпит и обесточен.
Утро разбудит шумом, морской волной,
птицы сорвутся вниз и разрежут небо.
Будет что вспомнить: иссиня-голубой
взгляд, вдоль лопатки маленький оттиск щебня.

МОСКВА-РЕКА

Забери меня в город, где в твоём окне монолит железобетона и край луны,
потому, что мы оба страшно поражены
тем, что вне всяких названий и языка,
потому, что плачет, плачет моя строка.

Забери меня в город, где пробки, смог и люди почти не спят,
где ты либо успешен, либо почти распят.
Я скучаю по всем изьянам и по прямым
улицам, где мы всё ещё стоим.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Я смотрю вглубь тебя, тёплый ветер в спутанных волосах,
левый берег Москвы-реки, на твоих часах
час ночной, на моих же стрелки всегда стоят.
Нам однажды будет по пятьдесят,

и мы будем другими: лучше, мудрее, но точно уже не те,
что смотрели друг в друга пристально в темноте,
у Москвы-реки, на левом её крыле,
в самом лучшем городе на земле.

* * *

Ева пишет ему в ответ ровно восемь строк:
«Я разучилась любить или быть счастливой.
Видно я, мой друг, нахлебалась и сбилась с ног
в поисках сверхъестественного мотива
для простого человеческого (что ли) счастья.
Я давно раздарила подаренные мне платья,
вычеркнув тех, кто, кажется, их дарил.
В общем, та, которую ты любил...
нет её больше, слышишь, вот как-то так.
Дальше живи». Он сжал и разжал кулак,
выдохнул, перечитал ещё, а потом ещё.
Долго слонялся, ёжился под плащом,
вымокнув насквозь, долго курил, молчал,
что-то как будто жало ему в плечах.

Это больней, когда тебя не убьют, а ранят.
«Ева, зачем я знаю, что ты живёшь?»
Если бы можно было разрушить память.
Дождь продолжался, серый московский дождь.

* * *

Когда она пишет мир, я стою за её спиной.
Я вдыхаю краски и запах её одежды.
Под ногами нашими вертится шар земной,
в мастерской нынче ветрено, на белых холстах безбрежны
и случайны контуры, и мы одиноки среди этих её широт:
я молчу о своём, она о своём, и каждый молчит о главном.
Говорят, потеплеет на днях, и зима пройдёт,
она выронит кисти. Медленно, долго, плавно
поведёт по холсту рукой — покажется горизонт,
посветлеет небо, внезапно пахнёт апрелем,
и, возможно, нам неслыханно повезёт,
и получится к морю вырваться на неделю.

Нина ЯКОВЛЕВА

Родилась 18 сентября 1963 года в небольшом российском городке Кострома. С 1971 по 1978 год училась в средней школе № 8 г. Костромы, затем — в костромском медицинском училище по профессии «медицинская сестра». С 1981 по 1986 год училась в Калининском государственном университете (ныне Тверской госуниверситет) по специальности «Биология». В ноябре 2006 года уехала на постоянное жительство в Италию.

НЕДЕЛЯ В МОНТЕРОНЭ

Конечно, чтобы прожить в Монтеронэ неделю, нужно быть итальянцем. А я приехала в Италию десять лет назад, и ещё до мозга костей русская — мой менталитет остался русским. Поэтому и прожила я в Монтеронэ только три дня. А поскольку подвизалась писательствовать, то добавила к реальности немного фантазии, чтобы у читателя возникло полное представление о настоящих итальянцах — тех, кто там живёт и умирает.

Моя подруга из России, которая вместе со мной приехала в Италию на работу, вернулась в свой родной город Ростов-на Дону. А мне оставила в наследство небольшой обогреватель размером со спичечный коробок, номера телефонов знакомых украинок, живущих на острове Искья, и горечь одиночества.

Мы десять лет дружили, помогали во всём друг другу: давали денег займы, носили продукты и выпивку, ездили в совместные поездки на украинских автобусах, обменивались детективами, оставляли переночевать, гуляли по магазинам на виа Рома, ходили есть пиццу в рестораны, купались в море до посинения и укусов жгущими медузами.

Но всё когда-то заканчивается, сменяются картинки в ленте жизни. Вот и подруга Женя меня оставила на итальянском острове Искья одну.

Мне нужна была хоть какая-то работа. Поэтому я стала звонить по всем указанным на клочке тетрадной бумаги телефонам. Да, украинки сразу отвечали, интересовались здоровьем моей подруги, но на вопросы по поводу работы отвечали одинаково: не слышали ничего. Только последняя из списка, по имени Валентина, приветливо зачирикала по-украински:

— Чекаешь роботу? Приходь к фармачие на Монтеронэ завтра в одиннадцать тридцать, покажу роботу. Чао!

Я обрадовалась, что украинка попалась добрая — сразу работу нашла для меня.

Ещё до назначенного времени я уже стояла у аптеки, рассекая воздух и всматриваясь в лица прохожих, — ведь Валентину я никогда не встречала. Но украинцы внешне, как и русские, очень отличаются от итальянцев своим славянским фейсом.

Валентина тоже выделила меня из толпы и приветливо помахала рукой. Полная блондинка в розовой курточке и коричневых брюках, обтягивающих аппетитную филейную часть. Почему-то при личной встрече она сразу перешла с мовы на русский. Для начала она зашла в супермаркет, чтобы купить хлеб и томатный соус. Потом объяснила, что работа будет состоять в том, что нужно ухаживать за девяностолетней бабушкой днём и ночью.

А затем повела меня по узенькой улочке, по которой с визгом проносились мотороллеры и автомобили. Вдоль по улице по обеим сторонам расположились маленькие лавчонки и магазинчики, торгующие сигаретами, лекарствами, лотерейными билетами, фруктами и зеленью.

Улочка, сделав крюк, вывернула на небольшую площадь, увенчанную низеньким храмом, построенным в прошлые века в честь Архангела Михаила. Церковь отгородилась от мирской суеты небольшим железным забором, окрашенным в зелёный цвет. Прямо напротив храма вверх вела монолитная чёрная лестница. Вот по ней мы и отправились в густо заселённый район с милым названием Монтеронэ. Сбоку от лестницы на стене чёрным по белому кто-то написал это слово — «Монтеронэ», — чтобы туристы не заблудились в итальянских трущобах.

А это были настоящие трущобы! Узкие улочки с налепленными один на другой домами. Жители пытались украсить своё безрадостное существование горшками с вечнозелёными растениями — пальмами, кактусами, фикусами и алоэ. Но отгородиться от соседей не удалось никому. На верёвках, натянутых на балконах и под балконами, сушились нижнее и верхнее бельё, полотенца и простыни. Балконы соприкасались между собой и образовывали полотняный шатёр над головой у прохожих. Невозможно было определить, где заканчивается один дом и начинается другой, потому что стены почернели от плесени и утратили прежнюю стойкость красок.

Люди, живущие годами в этом муравейнике, так привыкли друг к другу, что заходили в гости без стеснения и приглашений. Даже двери на ночь не запирались, и окна тоже.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Старые деревянные двери были приветливо открыты для нас. Сразу за ними обнаружился старый овальный стол, покрытый ярко-коричневой клеёнкой. На столе стояли стакан, круглая салфетница и коробка с многочисленными лекарствами. Вокруг стола сидели три женщины, отличавшиеся друг от друга только разницей в возрасте. Они все были одеты в тёплые

вязанные кофты и шерстяные юбки, на ногах болтались растасканные шлёпанцы.

Эта одежда не совсем соответствовала погоде — за окном стоял тёплый октябрь, температура воздуха не опускалась ниже двадцати пяти градусов. Но в помещении пахло плесенью и сыростью. Поэтому их одежда соответствовала комнатной атмосфере.

Бабушку представили сразу — она звалась Либериной. Либериной оказалась и её подруга, а племянница носила имя Вирджиния. Встретили нас тепло и душевно. Бабуля норовила меня поцеловать. Гости инструктировали меня, как будущую сиделку, как нужно ухаживать за престарелой дамой и чем её кормить. Валентина выгащила кучу лекарств, чтобы мне было легче запомнить, когда и сколько давать медикаменты.

Женщины, помогавшие ухаживать за бабкой, сразу ретировались, предупредив меня, что работать я буду и днём, и ночью.

Внезапно настроение у престарелой дамы изменилось, она закричала:

— Шуе-шуге!

— Что это значит? — поинтересовалась я.

— Значит «Выё...сь! отсюда! Проститутки! Я вам покажу!»

Валентина предупредила:

— Не обращай внимания: она не дружит с головой. Ты просто выполняй всё как надо. Книжки читай — я их тебе завтра утром принесу. Пойдём на улицу, дверь закроем.

Мы вышли в проулочек под страшные вопли, издаваемые божьим одуванчиком. По бокам от входа стояли старые стулья, покрытые рваными тряпками. На них мы и приземлились, не забыв закрыть за собой дверь. Бабка всё так же сидела за столом и вопила на всю хату.

Домишко, надо сказать, оказался совсем маленьким: обеденная комната, спальня, кухня и ванная. Мне предстояло спать на диване в пятиметровой обеденной комнатухе. Диванчик был стиснут в углу столом и посудным шкафом. По другой стороне стола разместили крохотный телевизор на тумбочке начала прошлого века. Четыре стула втиснулись в небольшие промежутки между стенами и мебелью. Кухня представляла из себя узкий коридорчик с разваливающимся на куски кухонным гарнитуром. Окно на кухне закрывалось посредством деревянного бруска, прижимавшего раму к стенному выступу.

В столовой окно не закрывалось вообще — запоры вышли из строя (как, впрочем, и в ванной комнате).

В тёмной спальне у самой двери раскинулась двухместная кровать с тумбочкой. Напротив ложа пылился древний трёхстворчатый шкаф, а рядом с ним в чёрных мусорных пакетах лежали одеяла и постельные принадлежности. Кроме этой мебели хаотично стояли по стенам комод и тумба. С потолка спальни свисали куски пожелтевшей то ли материи, то ли бумажных обоев.

Я обратилась к моей протеже:

— Валя, а смогу ли я в этом борделе продержаться хотя бы неделю?

— Обязательно продержись! Тебе тут не надо ничего делать: кушай, книжки читай, таблетки бабке давай.

— Но я сегодня не смогу прийти. Давай я завтра к обеду подойду!

— Хорошо. Я буду тебя ждать к двенадцати. Потом и внук подбежит. У бабки сын умер, остался только внук.

С тяжёлой головой и сердцем я вернулась домой, который показался мне раем после халупы Либерины.

Не спеша в течение утра я собирала рюкзак, чтобы отправиться на работу. Рюкзак почему-то оказался набитым битком. Я брала всё из дома, даже постельное бельё.

К двенадцати часам неспешным шагом подрулила к дому Либерины. Там было тихо. Валентина сидела напротив старушки и перебирала таблетки. Она очень обрадовалась моему приходу и указала на кипу книжек, ожидающих моих жадных до чтения глаз.

Украинка быстро ухватила сумку и выскочила на улицу. А я осталась один на один с бабулечкой, которая сразу заметила подмену и заорала:

— Вот придёт мой внук — он тебе покажет, он вые... во все щели! Ты должна вылететь отсюда как пробка!

Схватив первую попавшуюся книгу, даже не распаковав вещи, я вылетела на улицу, закрыв за собой двери.

Через десять минут на улицу выбежала и старушка. Она привычно зарычала, глядя на меня, как на пустое место:

— Кыш отсюда! Чего расселась у моего дома? Люди добрые, Тереза, посмотрите, кто ко мне пожаловал! Воровка, лентяйка, самозванка! Тереза, иди сюда! Сейчас приедет мой внук! Он тебе покажет!

Я не сдвинулась с места. Продолжала чтение детектива, не обращая внимания на вопли. Неожиданно появилась соседка. Приветливо поздоровалась со мной. Бабка убежала в дом. Соседка представилась:

— Меня зовут Тереза, я живу напротив. Тебе, наверно, тяжело слышать крики Либерины? Она год назад была более вменяема, но кричала всегда. А ты откуда?

— Здравствуйте! Я живу здесь неподалёку, но работы нет — пришлось идти сюда, на день и ночь.

— Ты внимания не обращай. Потихоньку убирай, готовь, выводи Либерину в церковь. Сегодня будет крестный ход — сегодня праздник Святого Архангела Михаила. Либерина любит ходить в храм.

— Спасибо. Я так и сделаю.

— Ты уже накормила бабушку? Дала ей таблетки?

— Она поела с Валентиной, и таблетки ей дала Валя.

— Иди прибери в доме. Когда Либерина была помоложе, то любила наводить чистоту несколько раз на дню. Ты её не подводи!

Мне пришлось оставить интересную книгу и возвратиться в дом. Там было тихо. Дверь в спальню немного прикрыта. Я подумала, что старушка устала от своих воплей и заснула.

Спокойно начала уборку в этой халупе. Чем больше я подметала пол, тем больше сыпалось штукатурки и цемента с обрушивающихся стен. Кое-как я закончила бесполезную уборку. Вышла с книгой на улицу. Сразу же за мной выбежала бабка с криками:

— Люди добрые, посмотрите на эту лентяйку! Она всё время с книгами сидит, делать ничего не хочет! У меня кухня сверкала, как бриллиант! А эта превратила мой дом в помойку!

На этот раз вышла другая соседка и попечяла мне:

— Иди в дом! Прибирайся! Потом поведёшь Либерину в церковь.

Соседка зашла вместе со мной в дом. Стала сокрушаться:

— Посмотри! Повсюду куски от штукатурки! Ты не убирала нигде! Как не стыдно! Права Либерина: ничего не хотят делать эти полячки!

Я опять подметала и мыла полы. На этот раз я убирала и в спальне, и в ванной. Вопли во дворе усилились. Вбежала третья соседка, чтобы проверить, чем я занимаюсь. Она влетела в ванную и придирчиво провела рукой по унитазу, биде и раковине.

— Везде слои пыли! Ты ничего тут не мыла!

— Я как раз всё вымыла с порошком.

— А надо было с жидким моющим средством! Вот тут пузырёк стоит! Снова я мыла удобства и полы, тщательно вытирая тряпками.

Весь уборочный процесс сопровождался воплями бедняги Либерины. Наконец день подошёл к концу. Бабка напялила чёрную вязаную кофту с розочками на брюхе, потому что вещь была сильно разношена и вытянута.

Не спеша направились мы, как две подружки, в сторону церкви. Но затормозили у чёрной лестницы, ведущей на площадь перед храмом. Там сидели товарки, готовые посмотреть на бесплатное представление.

— Привет, Либерина! У тебя новая полячка?

— Ты откуда приехала?

— Из России.

— А как тебя, полячка, зовут?

— Нина.

— То есть Гаэтанина?

— Нет, просто Нина.

— Значит, Анна. У нас всех Аннушек Нинами называют.

— Либерина, сегодня какой праздник?

— Откуда я знаю! Каждый день какой-то праздник — не упомнишь.

— А как церковь нашу зовут?

— Хрен её знает.

— Ну, Либерина! Святого Архангела Михаила! Будет шествие, вынос святых мощей.

— А разве найдены мощи архангела?

— В наше время всё найдут. Прогресс!

— Глядите, а что такое кружится над площадью?

— Это полицейский вертолёт — наблюдают за эмигрантами. Вдруг кто-то мощи захочет украсть?

— Да там нечего красть. Будут статую выносить. За ней люди идут и священники.

— Смотрите! Вертолёт снижается! Говорила, что ищут воров!

Вертолёт пошёл на посадку. В это время слева от церкви появилось шествие. Люди резко затормозили, и статуя Архангела Михаила накренилась.

Те, кто держал деревянную основу, попадали на асфальт вместе с деревянным изображением летящего архангела.

Вертолёт приземлился прямо по центру площади. Из него вывалился молодой человек, одетый в голубой костюм с белоснежной рубашкой. За ним, осторожно ступая, вышла девушка в белом платье до пят и в фате.

— Смотрите, свадьба прилетела на крыльях любви!

— Кто же посмел на площади сесть? Прямо перед процессией!

Внизу происходило какое-то движение. Кто был на земле, обрели наконец опору под ногами. Жених объяснялся со священниками. По жестам было понятно, что священников и процессию он посылал далеко и надолго.

По лестнице вспорхнули девушки-подростки в мини-юбочках и топиках, еле держащихся на аппетитных бюстах. Они передали новости толпе:

— Это двоюродный племянник дона Корлеоне. Он отстегнул хорошие бабки за свадебный виаж на вертолёте. Приземлился перед церковью, чтобы сразу же там и повенчаться.

Внизу уже началось венчание, сопровождавшееся взрывами шампанского и фейерверками.

После этого продолжилось шествие, но бабка уже устала от просмотра бесплатного действия, и мы отправились на покой.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Наутро весь монтеронский улей гудел, обсуждая проделки двоюродного племянника. К Либерине пришли все её родственники, которых она никогда не видела и о существовании которых благополучно забыла.

Все уставились в телевизор, где активно обсуждали на всех каналах это грандиозное шоу. Одни политики требовали взыскать хорошую мзду за самоволие, другие требовали отчёта у местных властей. Мэр Монтеронэ был, конечно, не в курсе событий: он вчера пребывал в Ницце, где обменивался опытом работы с французскими мэрами. Полиция тоже была не в курсе — полицейский наряд вчерашним вечером был отправлен на другой объект.

Старушка купалась в лучах славы — она оставила меня в покое. Я тихо-мирно почитывала на улице детективы. А за бабулей ухаживали её ближние.

Вечером мы всей разномастной компанией вышли погулять к знаменитой монтеронской лестнице. Там уже негде было яблоку упасть — по лестнице спускались и поднимались мамочки с младенцами в колясках, дети с криками гоняли на скейтах, одна девочка в розовой юбочке и розовых роликах показывала класс: спускалась и поднималась по той же дороге, что и младенцы в колясках. Инвалиды и престарелые в инвалидных креслах оккупировали проходы к спуску.

Вдруг откуда-то появились байкеры. Они с рёвом и визгом начали гонки по площади, самые отважные гоняли и по лестнице. Мелькали шлемы, колёса, яркие футболки. Народ бросился врассыпную. Только Либерина никуда не побежала, а сидела на каменном парапете.

У храма снова появился кортеж. Кто-то закричал, что несут скульптуру Святой Терезы. Но байкеров вдруг стало больше — они перекрыли площадь. Процессия затормозила, на этот раз удачно: статуя не упала, и люди тоже устояли. Раздался крик:

— Что же такое происходит? В кои-то веки выносят святых, и всё неудачно!

— А сегодня запланированы гонки на мотоциклах — по телевизору объявляли.

— Ничего, скоро проедут. Они будут делать круг по периметру острова. Сюда уже не заедут.

— Когда же мы увидим салюты?

— Когда закончится соревнование. Будут стрелять после полуночи.

Бабка засобиралась домой, потому что ждать фейерверков не хватало сил.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Следующий день начинался спокойно. Бабуля спала долго и крепко. Я убирала в столовой и на кухне. Но после десяти утра начались вопли. Старуха требовала кофе в постель. А поскольку она пьёт только ячменный напиток, смешанный с порошковым молоком, то я незамедлительно приготовила данный напиток, чтобы успокоить престарелую матрону. Не тут-то было! Бабка заорала:

— Ты что мне какую-то дрянь принесла? Где мой кофе?

Я сварила в кофеварке настоящий ароматный кофе и отнесла бедняге. Ор усилился:

— Это подделка! Это не кофе, а говно! Пей сама эту дрянь! А мне принеси настоящий кофе!

Других сортов кофе в этом доме не нашлось. Я вышла на улицу с книгой, оставив две кружки на столе.

Через десять минут заглянула: бабка причмокивала, посасывая напитки. Увидев меня, опять начала орать:

— Бездельница, проститутка! Мой внук уже идёт сюда, чтобы вставить тебе! Вот посмотришь — вылетишь отсюда! Ничего не делает, поганка, только сидит с книжками в руках! Какое дерьмо эти полячки!

На очередные вопли старухи сбежались соседи. Одна сердобольная тётка, которая звалась Терезой, принесла голодающей обездоленной бабуле два пирожных на пластиковой тарелочке:

— Угощайтесь! У меня на площади свой бар — там все покупают пирожные. Мы печём вкусные сладости. Попробуйте! Сама приготовила в честь моих именин.

Я рванула на кухню, чтобы сварить кофе и полакомиться пирожными. Когда кофе заполнил всё пространство в кофейнике, аромат свежеваренного напитка привёл меня в хорошее расположение духа. Я подумала, что и бабка подобрееет.

— Вот вам новый кофе. Попробуем пирожные?

Я отломил кусочек от аппетитного бисквита и быстро отправила в рот. Что-то бисквит мне показался несвежим. Я отломил ещё кусочек. И поняла, что это пирожное сделано из кабачков. Просто вкус мне был очень знаком — дома в России я часто пекла кабачковые оладьи. Подруги избавлялись от излишеств урожая, а мои дети не любили тушёные кабачки, поэтому я пекла оладьи.

Откуда-то появилась цепкая рука, которая у меня из-под носа выхватила тарелочку с кулинарным изыском. Бабка опять открыла свой рот:

— Мерзавка, жрёшь моё! Это мой дом! Вали отсюда!

Тарелочка перекочевала в холодильник. Об этом я не очень и сожалела. Сожалела я только об одном: зачем согласилась на эту работу?

Опять день прошёл на улице. В дом было не зайти — бабка вопила, как потерпевшая. Хотя с утра дождь лил как из ведра, я спасалась тем, что сидела под балконом второго этажа. Правда, балкон был ненадёжным — куски штукатурки вместе с цементом грозили обрушиться на мою непутёвую голову.

От безрадостного существования я решила пообщаться с моей новой подругой — Валентиной. Та была почти всегда недоступна. Но в какой-то момент я всё-таки до неё дозвонилась:

— Валя, я больше здесь не могу!

— Потерпи, дорогая. Я завтра приду утром, чтобы помочь тебе. Есть проблемы?

— Их очень много. Даже не знаю, как заставить бабку пить лекарства. Она орёт постоянно.

— Завтра утром я покажу, как надо давать лекарства. Не переживай. Держись!

Я еле продержалась до вечера. Старушка отказывалась брать лекарства из моих рук, потому что боялась принять от меня отраву. Соседки по очереди заявлялись в дом, чтобы дать бабуле таблетки по расписанию, которое они давно уже выучили.

Вечером нас подхватили заботливые руки женщин, живущих рядом с Либериной, и мы привычно двинулись по направлению к полюбившейся всем местным жителям лестнице.

Там Либерина активно общалась с аборигенами:

— Здравствуй, Анжелина! Как поживает твоя мама? Хорошо? Передай ей привет. Я к ней на днях забегу.

— Либерина! Мамы Анжелины уже четыре года как нет. А ты хочешь её навестить!

— Не переживайте. Либерина не в себе. Поэтому я ей ничего не сказала про смерть мамы.

— Привет, Альфонсо! Хорошо устроился!

— Да уж, два года как в инвалидном кресле.

— А кто тебя катает?

— Моя сиделка.

— Она полячка?

— Нет.

— Смотрите, процессия с ангелами выходит!

— А сегодня что? Праздник Святых Ангелов?

— Да, Либерины, правильно.

Процессия шустро преодолела площадь и без происшествий покатила дальше телегу со скульптурами ангелов.

— Хвала Господу! Сегодня всё прошло нормально!

В это время из подворотни выбежала собачка — точь-в-точь как гиена. Даже окрас и оскал у неё были гиены. Вся такая пёстро-коричневая, с острыми зубами, торчащими из открытой пасти. Собачонка подбежала к лестнице и начала тщательно каждую ступеньку поливать. Она окропила все десять ступеней и исчезла, как растворилась в воздухе.

Неожиданно Либерины засобирались домой, не дождавшись фейерверка. Сразу легла в кровать и захрапела. Я обрадовалась, что получила передышку в работе. Открыла книгу «Полковнику никто не пишет» Габриэля Гарсиа Маркеса, опубликованную в 1961 году.

Книга оказалась не детективом, но читалась с удовольствием, потому что не было компьютера и Интернета, и мне никто не звонил и не писал.

Вдруг раздались вопли из соседней комнаты:

— Что за сволочь жжёт электричество? Когда прекратятся эти безобразия? Выключи свет! Прекрати тратить мои деньги! Дай мне спокойно поспать!

Пришлось заканчивать чтение и попытаться заснуть в восемь часов вечера.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Утром, не успев продрать глаза, я услышала тихий стук в дверь. Это пришла моя благодетельница Валентина. Она сразу взяла в руки коробку с лекарствами, чтобы преподать мне урок ухода за престарелыми:

— Слышь, сувай все медикаменты в стакан.

— Какие все?

— Все те, которые бабка принимает.

— За целый день?

— А чего церемониться! Раствори в воде все таблетки и сунь ей перед завтраком.

— А как же все? Их надо давать по часам.

— Хватит болтать! Суй сюда всё!

Валентина быстро растворила весь суточный арсенал в водопроводной воде, схватила стакан и бегом рванула к пациентке.

Через минуту выскочила:

— Всё схавала? Теперь ты свободна. Книжки читай, природой дыши. А я дальше по бабкам побежала. У меня таких целый десяток.

Украинка схватила сумочку и выскочила за дверь, оставив меня в глубоком раздумье. А подумывала я о том, не сорваться ли мне сейчас с этой работы. Если с бабкой что-то случится, то повесят на меня, а не на Валентину.

И антитревожные средства, и опиоидные обезболивающие, такие как кодеин и морфин, действуют как успокоительные. Если принимать эти препараты одновременно, их токсическое действие увеличивается. Такая передозировка антидепрессантов может существенно уменьшить и частоту дыхания, и частоту сердечных сокращений, причём иногда до смертельного уровня.

К сожалению, из-за суммарного влияния данных лекарств на дыхательную систему исход их суммарного приёма для человека может быть смертельным.

Исследование 2005 года, проведённое в Сиэтле, показало, что у 38% людей развилась острая печёночная недостаточность из-за того, что они случайно приняли слишком большую дозу препарата или более чем один вид таблеток.

Так что метод, применяемый Валентиной, ускоряет переход пожилых пациентов на тот свет.

После метода шоковой терапии старушка пролежала в постели до полудня. А когда вышла в комбинации в обеденный зал, то закричала:

— Корова! Чего сидишь? Жрать нечего! Иди готовь обед! Сейчас придёт мой внук — он тебе покажет!

Я рысью побежала на кухню, чтобы приготовить что-нибудь из многочисленных продуктов. Даже не было питьевой воды — приходилось наливать воду в пластиковые бутылки из-под крана.

Пакетов с макаронами было много, но все запечатанные. Я показала бабке, она потребовала, чтобы я приготовила пастину из открытого пакета. Такого не нашлось. Тогда старушка швырнула в меня запечатанную пачку и потребовала, чтобы я немедленно готовила обед.

Бабка обнаружила в холодильнике посиневшего цыплёнка и стала его ожесточённо разделывать, приговаривая:

— Всё я должна делать, только я! Эти полячки ленивые! Шевелись, толстожопая! Ищи кастрюлю!

Я стала судорожно искать посудину, но не знала где. Обшарила все шкафы и полки — и не нашла. Оказались кастрюльки под раковиной. Поочередно демонстрировала каждую старушке, но та всё время была недовольна, выкрикивала грубые ругательства. В конце концов дверка от ящика отлетела к стене, потому что еле держалась на петлях, а я её раз двадцать открывала-закрывала. Бабка попыталась поставить дверцу на место, но ничего не получалось. Поток ругательств стал шире и грязнее.

Из синего курёнка мы приготовили похлёбку, которую едят собаки или бомжи. В результате титанических усилий в связи с готовкой получилась каша-маляша из мелких макарон. Бабка слопала всю кастрюльку макаронного супа, не оставив мне ни одной ложки похлёбки.

Обед неожиданно перетёк в ужин: бабка полакомилась курятиной и ушла на покой.

Я осталась за уборщицу — перемыла посуду и комнаты. Попила чай с сухими хлебцами и тоже залезла в койку.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Утро настало неожиданно — кто-то разговаривал за стенкой. Когда я очнулась от сна, то поняла, что бабка бормочет в другой комнате, ещё не проснувшись окончательно.

Пришлось заправлять диван и готовить кофе на двоих. Старушка выползла в лифчике и коротенькой юбчонке. Потребовала завтрак в постель. Опять легла в кровать, предвкушая быстрое обслуживание.

А я вышла во двор и привычно принялась за чтение детектива.

Раздался рёв пароходного гудка, от которого волосы по всему телу встали дыбом. Это ревела Либерина: она вспомнила всех святых и даже представителей ада. Требовала еды и зрелищ. Я от таких звуков перестала даже соображать. Все соседи выбежали из ближайших домов.

Пришлось возвращаться в палату № 6. Сумасшедшая старуха бросила мне в лицо бутылку с водой, а потом и стакан. Об отступлении не было и речи — двор был до отказа забит людьми. Кофе последовал за бутылкой и стаканом, но не долетел до меня.

В это время соседи стали просачиваться в гостиную, чтобы успокоить разбушевавшуюся бабулю. Им через некоторое время это удалось сделать, но только на некоторое время.

Бабка приняла из рук своих знакомых все причитавшиеся ей таблетки. После завтрака она схватила швабру и огрела меня по спине.

Успокоившись от дел неправедных, старушенция вернулась в спальню, прикрыв за собой дверь. Соседи посочувствовали мне и быстро растворились в родных трущобах.

В дверь неожиданно постучались. Это пришли бабкины племянницы. Они спросили:

— Либерина ещё не обедала? Мы ей принесли угощение. Ты уже приготовила обед?

— Нет. Буду готовить.

— Готовь на себя — тётю мы покормим.

Я опять вышла на улицу, прикрыв за собою дверь. Читала уже пятый детектив. Книжки, принесённые Валентиной, подходили к концу.

Через полчаса вышли и племянницы. Пожелав мне приятного аппетита, они отправились домой обедать.

Мне оставалось только приготовить пустые макароны. Я так и сделала. Больше в холодильнике для меня ничего не оставили.

Без стука пришла соседка Тереза. Она посоветовала вечером отвести Либерину в церковь, так как ожидается праздник — День святого Франческо. Тереза объяснила:

— В Италии это самый главный святой. Он — святой всей Италии. Либерина пообедала?

— Да, ей принесли еду племянницы.

— На ужин я принесу пирожные — у меня своё производство. Сегодня приготовили много — ведь праздник!

Тереза ушла, оставив за собой шлейф аромата корицы и шоколада.

В шесть вечера я постучала в дверь к бабке, чтобы напомнить ей о большом празднике. Приоткрыв один глаз, Либерина промычала:

— Пошла ты с твоим праздником....

Я вышла на улицу, чтобы продолжить чтение последней книги детектива. Бабка появилась сразу же после меня:

— Опять с книжками сидишь! Сопровождай меня в церковь!

Переодевшись, я взяла бабулю под руку, и мы пошли по направлению к церкви. Сегодня почему-то народ не толпился перед лестницей. Бабуля уселась на парапет. Потихоньку стал стекаться народ.

Процессия уже шла по направлению к церковной площади. Неожиданно навстречу церковной процессии вышла с примыкающей к площади улочки траурная процессия. Святой Франческо покачнулся и бухнулся на мостовую.

Раздались возмущённые крики:

— Куда прёте, твою мать? Что за похороны тут устроили?

— Посторонитесь! Хороним важную персону!

— Какую такую персону? Мы уронили статую святого по вашей вине!

Прочь с дороги!

— Вы оплатите за грубость! Мы сопровождаем в последний путь двоюродного брата дона Мацци!

— Откуда взялся ваш Мацци?

— Если не знаете, то лучше вам никогда и не знать!

— Постойте, а не тот ли это Мацци, что сидел в одной камере с Короной?

— Он самый. Вот почему у Короны выбиты все зубы!

— Да, фамилия у него соответствующая! Он никого не пожалеет!

После этих слов церковная процессия разошлась по сторонам. Чёрный катафалк покатил дальше, за ним шли молча люди в дорогих одеждах, музыки не было.

— Что они там говорили о каком-то Мацци? Мацци или Пацци?

— Либерина, это главный мафиози! Лучше молчи!

— Он что, меня замочит?

— Синьора, уведи бабку от греха подальше! Ей же лучше будет.

Я подхватила Либерину под белые ручки и потащила к дому. Переступив порог дома, бабка сразу улеглась в койку, не беспокоя ни меня, ни сеньора Мацци.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

С самого утра дождь лил не переставая. Упрямая бабка уже в семь утра была на ногах. Требовала деликатесы, но за милую душу схавала молоко с сухарями. Требовала порядка и чистоты. Но я даже пальцем не пошевелила.

К двенадцати часам дня пожаловал внук под ручку с местным эскулапом. Внука я никогда не видела, но поняла по реакции бабули, что это её долгожданный отпрыск, который должен был прийти и мне вставить.

Либерина была сама любезность. Она не скандалила, не ругалась. Сидела тихо в позе школьницы, выслушивающей нравоучения преподаватель. А внук и врач ей внушали, что нужно пить лекарства. Не пропускать ни одного дня и часа. Бабка должна была выучить наизусть, что она принимает три раза в день восемь таблеток, а не три таблетки в день. Либерина послушно повторяла за мужчинами:

- Я принимаю три раза восемь таблеток. А почему?
- Врач тебе прописал. Поняла? Повтори.
- Мне прописал врач. Зачем?
- Для здоровья. Поняла?
- Для здоровья. А нахрена? У меня есть это самое здоровье.
- У тебя будет его ещё больше. Поняла?
- У меня будет его больше. А куда ещё больше?
- Ты часто нервничаешь. Здоровье может пострадать. Поэтому врач прописал тебе успокоительные. Поняла?
- Мне выписали успокоительные. Кто выписал?
- Вот этот врач. Поняла?
- А кто будет давать эти успокоительные?
- Твоя сиделка. Как тебя зовут?
- Нина.
- Вот видишь, Нина будет давать лекарства.
- А если она даст не те?
- А мы её за это в тюрьму посадим. Поняла?
- Мы её в тюрьму. Правильно! Давно пора! Пусть там сгинет!

Мне пришлось опять выйти во двор. Слышать этот бред уже не было сил. Во дворе под проливным дождём я приняла единственно правильное решение — бежать отсюда как можно скорее. Но для начала надо позвонить моей работодателнице, чтобы приехала срочно. Я позвонила, но телефон Валентины был выключен.

Тогда я решила пройтись по лужам. Спустилась по лестнице на площадку. Мимо меня с визгом проскакивали автомобили — видимо, спешили домой, боялись промокнуть, в отличие от меня. Я посмотрела на забор, окружающий церковь. Там висел плакат: Rogano. Да, у меня и правда на душе было очень погано — надпись соответствовала моему настроению. Потом я сообразила, что это умер человек с такой странной фамилией — Погано.

«Хватит размокать, точно промокашка!» — сказала я себе и отправилась назад, к бабке с её внуком.

Дурдом продолжал работать недолго. Врач и внук вымелись из домика. Не попрощавшись, скрылись за фикусами и кактусами. Я вернулась к моей подопечной. На моё счастье, Либерина закрылась в своей комнате и сладко похрапывала во сне, утомлённая учебными уроками. Обед она уже не требовала — наверно, накушалась рассказами про приём таблеток.

Я не знала, что и готовить, хотя внук принёс полную сетку помидров, макарон и мягкого сыра. На другое у него не хватило фантазии.

В дом ворвался какой-то тип. Он что-то бормотал осипшим голосом. Пришлось будить мою красавицу, а потом я оставила их вдвоём. Опять сидела под дождём, читая последний детектив.

Когда замёрзла, вернулась в дом, где Либерина и мужик поедали сыр из коробочек. Мне ничего не оставили. Старушка пояснила:

— Брат приехал. Только голос потерял, что-то бормочет — ничего не понимаю. Смешно даже. Вот, угощаю бедолагу. Денег у него на еду нет — всё в карты проиграл, балбес. А может, он мне не брат, а племянник? Хрен его разберёшь!

Мужик изображал Му-Му — что-то мычал, с удовольствием вылизывая очередную коробочку с остатками сыра.

Я оставила тёплую компанию и отправилась по магазинам в поисках пищи. Затрещал телефон:

— Нина, привет! Это Валя. Срочно положи мне двадцать евро на телефон! У меня больше нет денег с тобой разговаривать!

Телефон дал отбой. Пришлось перезванивать:

— Валя, привет! Это Нина. Денег у меня тоже нет. Я купила себе поест, осталось два евро.

— Ты чего? Зачем в магазин попёрлась? Тебе надо с бабушкой кушать! Мне твои два евро погоду не сделают. Может, займёшь где?

— Негде. У бабушки уже имеется другой нахлебник: к ней брат приехал.

— Какой брат? Гони его в шею! Это альфонс! Мне некогда говорить, буду деньги искать. Пока!

Возвращаться не хотелось. Но пришлось.

Брат сразу засобирался на выход. Расшаркался и вылетел пробкой из дома. Бабуля разомлела от обильной пищи и снова улеглась в кровать.

Вечерело. Читать было уже нечего. Заняться тоже нечем. Я вышла погулять вокруг дома. Соседи попрятались по своим норам. Внуки и племянники больше не приходили к бабуле.

Два парня уселись прямо на асфальт напротив дома старушки и лениво переговаривались между собой.

Пришлось возвращаться — нужно охранять бабушку от похитителей!

Охранника из меня не получилось — я тоже упала на диван, чтобы немного покимарить.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Проснулась оттого, что на улице кто-то кричал. Оказывается, я проспала до утра. Бабушки в комнате не было. С трясущимися конечностями я выскочила из дома. Крики доносились со стороны лестницы. Рванула туда. А там — толпа народа. Прорвавшись через оцепление, я увидела, что на верхней ступеньке лестницы сидит моя старушка, а в правом её глазу торчит стрела.

— Что тут произошло?

— Либерина умерла.

— Кто её застрелил? Это произошло случайно?

— А ты кто?

— Я работаю у Либерины сиделкой. Кто застрелил бабушку?

- Сама себя убила.
— Стрелой?
— Да, стрелой.
— Как такое возможно?
— Взяла стрелу с земли и воткнула в глаз.
— Вы это видели?
— Ты откуда приехала?
— Из России.
— Ты русская? Иди домой. Тебя никто не заподозрит — ты русская.
— Полиция будет искать.
— Никого не будут искать. Бабка сумасшедшая была. А у вас, русских, тоже мафия есть?
— Иди, дамочка, иди быстрее отсюда! Таких как ты тут тысячи! Никого не ищут и не будут искать.
Собрав вещи и не попрощавшись ни с кем, я ушла из этого страшного места. Конечно, за мою работу мне никто не заплатил.
Утром я проснулась от песни «Атас», которая была поставлена на телефоне вместо звонка:
— Привет! Ты чего убежала?
— Валя, а мне так сказали сделать после того, что произошло.
— Только тебе не заплатят. Знаешь, бабка была сумасшедшей. Тебе работа нужна?
— Да, я опять без работы. Найди мне что-то поспокойнее.
— Я купила целую сумку шмоток у одной нашей. Сейчас я к тебе приду. Очень красивая есть курточка с карманами, тебе пойдёт.
— Денег мне не заплатили. Не могу ничего купить у тебя.
— Ещё блузочка отличная, тебе пойдёт! Если купишь оптом, то и работу я буду искать.
— Каким оптом? Где деньги возьму?
— А чего ты окрысилась? Если не купишь ничего, то я звонить тебе больше не буду.
— Не надо.
Больше я не встречала ни Валентину, ни других «добрых» помощников. Дорогу в Монтеронэ я тоже забыла.

МАГИЯ ФИЛИППИН

Всю зиму я просидела на шее у моего старичка-итальянца. Он ежедневно ворчал и возводил длани к небу, чтобы Мадонна послала русской тунейдке хоть какую-нибудь завалиющуюся работёнку. Конечно, небо услышало его вопли.

Мне позвонила пожилая синьора и скрипучим голосом прокашляла:

— Вы, что ли, ищете работу? Мне нужна сиделка для мужа. Вы разговариваете по-итальянски?

— Добрый день, синьора. Да, я хорошо говорю по-итальянски. Куда можно подойти, чтобы познакомиться?

— А чего нам с тобой знакомиться? Завтра же приходи вечером помочь распаковать чемоданы. Мы завтра утром приезжаем из Неаполя. Вот и можешь нам с обустройством на новом месте. Тебя как зовут?

— Меня зовут Нина. А как к вам обращаться?

— Синьора Наппи. Всё, жду завтра в шесть вечера. Улица Сан-Чиро, напротив церкви.

Конечно, мне показалось немного странным, что работу надо начинать с шести вечера. Но ведь хозяин — барин.

Семья, где мне предстояло трудиться всё лето, оказалась очень богатой. Я с восхищением разглядывала виллу, построенную в стиле модерн: шикарный ухоженный сад, необъятный бассейн с манящей кристально чистой водой. Оказалось, что есть ещё маленький бассейн с термальной горячей водичкой.

Почему-то вещи из чемоданов мне не пришлось вытаскивать. Зато под сенью диковинного дерева мы со старичком, моим подопечным, играли в неаполитанские карты. Его жена объяснила, что карты прописал врач-психиатр для активации клеток головного мозга. А без этой игры её муж будет капризным, даже агрессивным.

Про дальнейшие мои действия в этом райском уголке в тот жаркий июньский вечер моя хозяйка мне ничего не поведала. Только сообщила, что обедать мне придётся дома. То есть она мне сама скажет, когда я смогу перекусить и отдохнуть от тяжёлой непосильной работы. Благо до дома моего десять минут ходьбы. Единственное неудобство — подниматься на гору.

Каждый день с девяти утра и до девяти вечера я играла в карты с азартным дедом. Играть ему не надоедало ни разу.

Когда спадала жара, я выводила этого девяностолетнего старичка на прогулку. Он еле-еле передвигался, всем своим весом опираясь на моё плечо. После трёх-четырёх шагов дедок обязательно уточнял маршрут нашего похода. Это продолжалось до того момента, когда мы садились на затенённой террасе, чтобы опять резаться в карты.

Неаполитанские карты очень отличаются от наших, которые итальянцы почему-то называют французскими. На их картах изображены разные предметы и в разном количестве. Когда партнёры выкладывают эти карты, тот, у кого больше изображений, забирает свои и карты напарника. В конце игры подсчитывают очки и определяют выигравшего.

Старик свирепел, когда я набирала больше очков, чем он. Приходилось делать вид, что я — плохой игрок.

От этих однообразных игр потихоньку стала свирепеть и я. Иногда оставляла дедуся, чтобы занять себя другой работой. Так я сама определила себе занятие — подметание усыпанных листвой дорожек сада. Это приветствовали другие родственники старика, но не его жена.

Чтобы проучить бездельницу, синьора обратилась к другой работнице. В этой семье уже работала женщина-филиппинка, которая не только вела всё хозяйство, но и присматривала за новоиспечёнными работниками. Из-за моей лени и халатности к выполняемым обязанностям синьора приказала помогать этой горничной и делить все её обязанности на двоих.

Так я познакомилась с женщиной из далёких Филиппин. Сначала мне показалось, что этой филиппинке лет тридцать. Невысокого роста, подвижная, спокойная, грациозная, как лань. Оказалось, что ей, как и мне, уже исполнилось пятьдесят.

Но она была настолько проворная, работающая, неугомонная в работе. Казалось, что это не женщина, а робот. Она постоянно находила какое-нибудь занятие, хотя работы у неё всегда было невпроворот. Всё в её руках спорилось, всё она знала: что необходимо сделать в первую очередь, а что — потом. Филиппинка научила меня многим тонкостям, о которых я и не слышала никогда: как правильно гладить, стирать, готовить, как избавиться от запаха мочи (когда есть пожилые люди в семье, существует всегда эта проблема в туалете).

Почему-то сразу эта горничная спросила у меня:

— А ты куришь?

— Немного. На работе я не курю, только в перерыве и после работы.

— А я не люблю курящих.

Об этом разговоре я сразу же забыла. Тем более что у нас с филиппинкой прибавилось работы. Старая помещица решила собрать необыкновенный урожай инжира. Деревья с этими фруктами обильно произрастают на юге Италии. Инжир можно найти во всех дворах и двориках, по обочинам дорог и рядом с морем.

Но семья приехала из центра Неаполя. Любые фрукты для горожан считаются лакомством.

Старуха заставила проворную и стройную филиппинку залезть на верхушку дерева. Как белочка собирает орешки, так и горничная должна срыгать сочные плоды инжира, перепрыгивать с веточки на веточку и успевать наполнять корзинки. Потом осторожно спускать тару вниз, где я работаю приёмщицей. Старушенция сама забирала у меня из рук корзинки и осторожно перекладывала инжир в картонные коробки.

Сбор инжира занял три дня. Ещё неделя ушла на сушку фруктов.

Каждое утро мы взбирались на крышу, где раскладывали вяленый инжир. К шести вечера нам нужно было собрать фрукты в картонные коробки и спускать вниз на кухню.

Через неделю сушённый инжир окуривался специальным химикатом, чтобы не завелись червячки. Окуривание заняло целый день нашей совместной работы.

От этой возни с инжиром филиппинка, которая, как мне казалось, была всегда невозмутима, стала агрессивной и раздражительной. Она уже не заискивала перед хозяевами, а отвечала дерзко и колюче. Как зверёк, которого начали гладить против шерсти. На меня она и вовсе покрикивала. Требовала, чтобы я пошевеливалась и работала активнее.

В этот день с работы я вышла, как с каторги. Села у дороги, чтобы покурить. После выкуренной сигареты встать уже не могла — отнялись ноги. Пришлось звонить моему итальянцу, с которым я уже семь лет сожительствую. Он приехал сразу и на машине доставил домой, ничего не спрашивая и ничему не удивляясь.

Причину моей «парализации» я установила сразу. С отвращением выбросила пачку сигарет, чтобы больше к ним не прикасаться.

На следующий день я вышла на работу. К сигаретам пропал всякий интерес.

Сын старика — успешный, элегантный и крепко сбитый мужчина моего возраста — приезжал в эту летнюю резиденцию раз в неделю, выкуривал по две пачки в день, пепельницы были всегда полны окурков. Вдруг и он перестал курить — внезапно бросил, без всякой на то причины. Об этом с удивлением рассказывала его мать подруге:

— Мой сын курит уже много лет. Я никогда его не видела без сигареты. Представляешь, он бросил курить! Но никому не говорит почему.

Я спросила эту женщину из Филиппин:

— А ты давно работаешь в этой семье?

Она ответила:

— Только второй месяц.

Мне пришла интересная мысль: а не могла ли филиппинка что-нибудь подсыпать, чтобы перевоспитать курильщиков? Кушала я дома, а воду и напитки на работе употребляла.

У этих богачей были многочисленные друзья — они вдруг тоже бросили курить.

Вот такая странная история повального отказа от курения, необъяснимая ни с какой точки зрения, произошла в небольшом райском уголке.

Алёна ЖУКОВА

Ольга Григорьевна Жукова (псевдоним — АЛЁНА ЖУКОВА).

Писатель, сценарист, кинокритик. Член Московского отделения Союза писателей России. Член Союза писателей XXI века. Член Союза кинематографистов Украины. Вице-президент, программный директор Фестиваля российского кино в Канаде — Toronto Russian Film Festival (TRFF), главный редактор канадского международного литературно-художественного журнала «НОВЫЙ СВЕТ». Родилась в Одессе, работала на Одесской киностудии музыкальным редактором. Соавтор сценариев художественных фильмов: «ДИКАЯ ЛЮБОВЬ» и «ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ». В 1994 году эмигрировала в Канаду. Живёт в Торонто.

ДИВАН

Наконец кончилась зима. Это произошло примерно в мае. И тут же без перехода, всяких там оттепелей и капелей шарахнуло жарой. Деревья трещали от лопавшихся почек, покрываясь буйной зеленью, трава прокалывала ещё не до конца стаявший снег, а люди всех возрастов сбрасывали шерсть и мех, подставляя голые животы и колени яркому солнцу. Всё это напоминало съёмку в режиме time lapse. Здорово это на экране получается — за пару минут солнце описывает дугу с востока на запад, день сменяет ночь. Цветок распускается и увядает. Листики, шевелясь, вылупляются, растут, как вдруг скукоживаются, желтеют — и вот уже полетели. А тут и дождь полил, но на глазах загустел и уже крошится снежной пылью, метёт, воеет. Как вдруг опять солнце — и всё полилось, размякло, растопило... Зима — лето. Восход — закат. Тик-так, клик-клак. Стоп. Всё, приехали. Конец фильма.

Алексей Маркин — опытный кинооператор — знал, как делают подобные фокусы в кино. Ещё он знал, как красиво выстроить кадр, куда посветить, где шторку поставить, а куда отражатель. Его глаз всегда умудрялся найти точку и угол, откуда всё может выглядеть иначе — не буднично-скучно, а с эдакой изюминкой, чуть-чуть интереснее, внезапнее. Особенно ему удавались кадры, снятые одним планом, широко, долго,

с рассмотренными по ходу деталями. Умел он мазнуть глазом — вроде мимоходом, а потом повернуться и пристально взглядеться в муху, сверкнувшую изумрудом на солнце, в пятно плесени на стене, похожее на карту мира. А его знаменитые «белые на белом» голуби на окне, за которым заснеженный город, стали просто хрестоматийными. В живописи, например, такого художника, как Алёша, называли бы анималистом. С пейзажами и натюрмортами у него тоже было всё в порядке, а вот с портретами — беда, особенно женскими. Однажды его пригласили на съёмки художественного фильма, но уже по первому отснятому материалу картины о трагической и безответной любви возникли претензии режиссёра, недовольного тем, как выглядит на экране его молодая любовница. Актриса она была никакая, но мордашка, фигурка — всё как надо, а Маркин умудрился испортить. Невесть откуда в лице героини, по сюжету — ангельской кротости и доброты, проступил волчий оскал, остекленевшие глаза ничего не выражали, а ноги косолапили. Алексея вежливо попросили, и он ушёл с картины. Потом опять попытался на телевидении в сериале поработать. Та же история, только хуже. Знаменитая, именитая, недавно после новой пластической операции звезда чуть ли не в суд грозилась подать на телеканал, если оставят крупные планы, снятые Маркиным. Сам Алексей не понимал, как такое происходит. И в мыслях у него не было обидеть актрис — хотел их живыми сделать, передать индивидуальность, приоткрыть душу. А в итоге — уроды. Нет, видимо, не дорос он до живой, тонкой, бесконечно меняющейся женской натуры. Надо искать, думать, работать.

В жизни тоже кое-какая проблема имелась с натурой этой неуловимой. Женщины проходили мимо, пробегали, не повернув головы. Только если навстречу выбежать, поймать, остановить и попросить выслушать, но удавалось это редко. Своего отражения он не помнил и потому часто не узнавал коренастого, плохо выбритого парня в растянутом свитере и дырявых джинсах, насупленно глядящего на него с зеркальных поверхностей витрин, лакированных боков автомобилей и мельхиора хорошо начищенных чайников. «Конечно, не красавец, — думал Алёша, — но бывает и хуже. Не старый, не толстый, не лысый, как Аракелян — продюсер наш хренов. А девицы возле него какие — с ума сойти можно! И чем он их заманивает? Деньги, конечно, красят, но он же скупой как чёрт. Говорят, что у женщин чутьё на суперсамцов, — может, Аракелян секс-гигант? Да нет, в прошлом году он в киноэкспедиции на Алтае устроил скандал в аптеке, что виагра была несвежая. Так за что же его женщины любят? Ладно, любят и любят. А вот за что меня не любят?»

Алексею Маркину перевалило далеко за тридцать, но семьёй он пока не обзавёлся. Оно и лучше при его профессии. Он вроде геолога из советской мифологии — мотался по стране, забывая родной дом ради золотой жилы сюжета для документального кино. А дом его теперь пуст. После смерти мамы он сдаёт одну комнату в квартире на Крещатике, а другую отпирает на время своего возвращения. Комната его напоминает склад ненужных вещей, из которых половина не его, а маминых. Рука не поднялась выбросить.

Он и диван её любимый перетащил к себе. На нём он в детстве раскладывал игрушки, в юности валялся, сгрызая тонны яблок и зачитываясь фантастикой, а однажды чуть не разломал со своей семнадцатилетней подружкой в процессе совместного прочтения Камасутры. Пришлось срочно чинить, забивая гвозди куда попало, а потом по ночам прислушиваться, не рассыпался ли под мамой проломленный диван. Но диван выстоял мамину болезнь, смерть и до сих пор стоит. Но скоро они расстанутся, потому что Алексей Маркин переезжает на постоянное место жительства в другую страну. Почему? А почему нет? Это как при жизни заново родиться. Интересно. Хорошо заговорить на другом языке, есть другую еду, дышать другим воздухом. И потом, кто теперь говорит про постоянное место жительства? Оно постоянное для тех, кто боится, как говорят, начинать с нуля, то есть себя самого называет пустым местом. Алексей же считал самым увлекательным делом процесс выживания в экстремальной ситуации. Ещё в школе он до дыр зачитал «Робинзона» и перечитывал его до сих пор. Правда, страна, в которую он собирался, была совсем не похожа на необитаемый остров — хотя бы потому, что в ней жил его престарелый папаша, о существовании которого Алёша даже не подозревал. Только перед смертью мама открыла страшную тайну Лёшкиного происхождения. Его отцом был вовсе не геолог-полярник, замёрзший в снегах, а канадский гражданин украинского происхождения. Встретила она его в Киеве на конференции переводчиков. Мама переводила канадских поэтов на украинский, а он наоборот — украинских на английский. Он был женат, она не первой молодости. Влюбилась страшно. Сказала, что это были десять дней, которые потрясли её мир. В результате этого потрясения родился Алёша, а мистер Иван Щегол до сих пор не имеет понятия, что в Киеве живёт его сын тридцати семи лет от роду. Ещё мама добавила, что Алёша теперь одно лицо с отцом, и рассказала о письмах, которые писала Ивану всю жизнь. Естественно, они никогда не были отправлены по многим причинам, одна из которых — отсутствие сведений об адресате. Она даже не пыталась их раздобыть — зачем, — но теперь думает, что была не права. Иван через их институт несколько раз пытался её разыскать, но она не отзывалась. Глупость, конечно, но времена были такие, и потом он ведь женат. Нет, не имела права.

— Лёшенька, — погладила она слабенькой рукой сына, — как умру, найди его, передай мои письма.

Обещание, данное маме, мучило его, не давало покоя, но все запросы через посольства, подключение наших людей за рубежом не дали результатов. Скорее всего, что по-английски имя и фамилия канадского папы звучали как-то абсолютно иначе. Например, Иван наверняка мог быть Джоном, а Щегол — каким-нибудь Stchegolom. Поиски почти зашли в тупик, когда неожиданно выяснилось, что Украина и Канада что-то там подписали и ценных украинских специалистов Канада принимает с распростёртыми объятиями. Как говорится, «Шановно просимо, панове!» Алексей Маркин решил проверить, насколько он ценный специалист, — и оказалось, что ещё какой! Канада остро нуждалась в кинематографистах — наверное,

ей хотелось создать свой Голливуд. Алексей готов был этому способствовать за соответствующую плату.

Та долгая зима, внезапно перескочившая в лето, о которой шла речь в начале рассказа, была первой зимой Алёши в чужой стране. Настолько чужой, что он часто вспоминал где-то услышанную или прочитанную байку про первое впечатление Бродского от Нью-Йорка. Когда Бродский посмотрел в окно, то не смог найти рифму. Может, это и враньё, но Алёша мог подписаться под этим на все сто. Он тоже смотрел в окно и ничего не видел, кроме просторного и скучного жизненного пространства. Признавая его комфорт и чистоту, абсолютно не ощущал одушевлённости людей и предметов.

— Ничего, пройдёт, — успокаивал себя. — Иосиф тоже потом Нью-Йорк на всю жизнь полюбил, даже с Питером и Венецией сравнивал — значит, и я «догоню» рифму эту. Торонто — моронто, доронто, может быть, — курортно? Ничего себе курортник! Снега по яйца намело, раскапываться надоело. Никому ты тут на фиг не нужен со своим документальным кино, и операторов своих как собак нерезаных! В подвале жить приходится, потому как дешевле — деньги экономишь, а они рекой утекают. Ничего, прорвёмся! Один мужичок предлагал протекцию на должность развозчика пиццы, а там и квартиру снимем попримичнее. А главное — уже кое-какой план имеется по поиску затерянного папаши. Мама, получит он твои письма чудные! Какая ты у меня была удивительная женщина! Встретить бы такую! Как же! Теперь тем более ку-ку... Живёшь в логове феминизма. У них даже в столице монумент стоит «Женщина — это человек». А кто спорит? Даже можно добавить из нашей плакатной классики: «Человек — это звучит гордо». Я даже согласен объединить эти два лозунга: «Женщина — это звучит гордо», потому что она тоже человек. О, если бы меня слышали местные дамы! Растерзали бы. «Что значит — ТОЖЕ человек»? А я бы им ответил: «Подруги, успокойтесь! Женщина-человек, как и мужчина-человек, — это вымирающий вид, достойный внесения в Красную книгу. Если они вымрут, останутся только особи, отличные друг от друга половыми признаками».

Так в лёгкой эмигрантской депрессии Алексей Маркин пережил долгую канадскую зиму и, получив работу развозчика пиццы, перебрался в квартиру на пятом этаже многоэтажного дома, считавшегося «русским». Район тоже считался русским, но точно так же своим его считали китайцы, корейцы и, конечно, евреи. Евреи тут в основном тоже считались русскими. Дом стоял на улице Голдфинч, что означало в переводе с английского птицу щегла и ещё — золотую монетку, но, как бы там ни было, Алексей посчитал это очень хорошим знаком и снял квартиру, явно переплатив. Чуть севернее можно было поселиться значительно дешевле. В день переезда он увидел диван, стоящий кособоко возле контейнеров с мусором. Он остановился, чтобы рассмотреть получше. В этой стране на помойку очень часто выбрасывали совсем неплохие вещи, а при условии строжайшей экономии, которую он для себя установил до возвращения в киноиндустрию, находка дивана могла сэкономить пару сотен долларов. Диван

сильно пахивал котами, кое-где был расцарапан до набивки, но имел одно громадное преимущество: он раскладывался по европейскому образцу. Откинул спинку — и вот тебе двуспальное ложе. Местные собратья раскладывались гораздо мудренее. Алёша потянул и нажал. Что-то в диванных внутренностях кликнуло, но спинка осталась стоять колом.

— Э, да ты калека! Потому тебя и на помойку спровадили. Нет, такой сломанный и вонючий ты мне не нужен.

Алёша уже отошёл, как вдруг опять вернулся. Он сел, попрыгал на пружинах — они отлично амортизировали. Потом лёг. Даже неразложенный диван был удобен и достаточно широк. Самое удивительное — что, несмотря на, вероятно, почтенный возраст, его поверхность была абсолютно гладкой, без характерного кратера посередине, продавленного чьей-то попой. Это свидетельствовало об отличном качестве пружин или о том, что на нём, кроме кошек, никто подолгу не сидел. Рассуждая, стоит ли тащить старый диван в новую квартиру, Алёша даже не заметил, как сзади подошли двое и на русском языке стали переговариваться:

— Нет, Эллочка, не пойдёт. Подумаешь: «Как дома раскладывается»... Ну почему тут тоже всё должно быть как дома? Мы в другой стране, мире, а ты всё хочешь, как там.

— Вадик, он так похож на мамин! И обивка, и форма..

— Тем более! Слава богу, твоя мама осталась там, где её диван. И потом, вот человек стоит — он первый пришёл, может, он его забирает. Эксьюз ми...

Алёша повернулся к супружеской паре:

— Нет, это вы извините. Я его беру. Он мне очень даже нравится.

Прошёл день или два после переезда. В углу комнаты ещё стояли нераспакованные коробки и чемоданы, но Алёша упорно старался понять, что мешает дивану раскладываться. С механикой было всё в порядке, ничего не сломано, пружинки и крючочки на месте. Ржавчину он удалил, добавил смазку, но спинка так и не откидывалась. Похоже, прежние хозяева даже не пытались устранить поломку. Это было очевидно по мусору, который Алёша выскреб из ложбинки между двух сомкнутых половинок. На таком не поспишь! Его палец извлёк несколько шариковых ручек, вязальный крючок, клоки кошачьей шерсти, прилипшие к размякшей конфете. Но самой удивительной находкой были пять копеек 1972 года с гербом и надписью «СССР».

— Вот это да! Значит, у наших людей стоял.

Лёша перевернул его на попа и увидел надпись, которая не оставляла сомнений в том, что диван эмигрировал вместе с хозяевами. На деревянном днище после серийного номера стоял товарный знак с плохо различимым названием города: то ли Киров, то ли Киев.

— Надо же, может, ты ещё и земляк! Сколько ж тебе годков? И чего это они тебя оттуда потащили? Хотя понятно, — не переставая что-то прикручивать и откручивать, отвечал самому себе Лёша. — Кто же тогда с добром расставался? Волокли мебель, сервизы, казаны и подушки, даже лампочки, а потом выбрасывали, потому как напряжение, да и вообще всё другое. Это

сейчас про жизнь заграничную всем всё известно, никаких иллюзий, один прагматизм, а тогда: «Эх, ох! Америка!»

Диван по-прежнему не раскладывался. Алексей устал и завалился спать на одну половинку.

Утром Лёша проснулся полным сил и энергии. Запах котов почти улетучился. Уходя, он вроде как попрощался с диваном и пообещал вечером продолжить ремонт, а когда вернулся, ремонтировать уже было незачем. Две створки его теперь находились на одном уровне, образуя довольно широкое лежбище, которое во времена его молодости называли «сексодром».

— Здорово, а как это? Сам, что ли? Наверное, смазочка подействовала. Ух!

И Лёша с разбегу плюхнулся животом на упругие пружины. Диван теперь легко складывался и раскладывался. Лёша расстелил широкую постель, вынул из чемодана новенький набор простыней и наволочек. В эту ночь ему снились неразборчиво-приятные сны, какой-то лужок, ручеёк и собачка — рыженькая, маленькая такая, на лисичку похожа, шустрая, всё бегаёт туда-сюда. «Собаки — это вроде к друзьям, — подумал Алёша, хлебая за завтраком йогурт, — а что к деньгам снится? Говно вроде, не к столу будет сказано».

— Слышишь, друг, — он повернулся к дивану, — ты мне к деньгам, того самого, и побольше!

На следующую ночь ему опять приснилась рыженькая собачка. Она жалобно скулила, виляла хвостиком, а из-под хвостика выпрыгивали кучи размером с коровьи лепёшки. Лужок был почти весь загажен. Лёша проснулся среди ночи от страшной вони. В его туалете что-то клокотало, бурлило. Он открыл дверь и увидел, как по стенкам унитаза стекает на пол тёмно-коричневая жижа. Казалось, что чашу с фекалиями держат на огне, а она урчит и хлюпает, доходя до кипения. Надеяться на чью-то помощь в это время суток было безумием. Пришлось самому барахтаться в дерьме, тыча скрученной железкой в зловонное нутро унитаза. Наконец, прощально булькнув, пошёл процесс всасывания, и вскоре от всего остались только гадкий запах и паскудное настроение. Остаток ночи Лёша провёл в душе, а утром, даже не позавтракав и не застелив постель, убежал на работу. Весь день его клонило в сон, и он еле дожил до вечера. Когда, вернувшись домой, подошёл к лифту, увидел объявление о пропаже собачки. На фотографии был точь-в-точь тот же пёс, что снился накануне. Объявление было написано по-русски и по-английски, а в конце обещано щедрое вознаграждение. Он зашёл в лифт, поднялся до своего этажа, но, передумав, поехал вниз. Лёша вдруг понял, что знает точно, где надо искать собачку. За домом был парк, в парке ручеёк, за ручейком полянка или лужок. Там по выходным народ собирается, сосиски жарит. Возле ручья много расщелин и коряг всяких. Может, куда провалилась или застряла среди валежника. Алексей пошёл в парк. Искать пришлось долго, но он точно помнил, что во сне собака бегала вокруг большой ёлки. Там он её и нашёл. Провалившись в яму между корнями, пёсик поскуливал, теряя последние силы без еды и воды.

Алёша освободил собаку и отнёс на девятый этаж их дома — там она жила до своего исчезновения в шумной семье цирковых артистов. Ещё в квартире кроме папы-канатоходца, мамы-гимнастки и сына-клоуна жили толстый кот и попугай. Радости не было границ. Алексея кормили, поили и вручили конверт. Он слабо отнекивался, но хозяин грозно предупредил, что обидится, — и Лёша подчинился. Его провожали всей семьёй к лифту и твердили, что всегда рады и готовы помочь, если что. Уставший и немного захмелевший, он еле дошёл до дивана. Заснул без задних ног. На этот раз ничего не снилось, а если и снилось — не вспомнил бы. В конверте оказалось две сотни. Лёша улыбнулся, восстанавливая ход событий.

— Надо же, собачка точно такая же приснилась, и ёлка, и даже кашки её — к деньгам. Ну прямо вещей сон! — Он посмотрел на расстеленный диван и усмехнулся: — Это как же понимать? Может, ты совсем не простой диванище, а Вещун? Ладно, больно ты много места, братец, занимаешь! Надо бы тебя собрать. Мне пока двуспальный вариант ни к чему, а когда понадобится, тогда и распахнём на всю ширину.

Алёша сложил диван и завалился на него перед телевизором. Сегодня можно было никуда не спешить. Это был его законный выходной. Но расслабиться не удалось. В дверь постучали. Он нехотя поплёлся к двери и, открыв, растерялся. На пороге стояла хозяйка рыжей собачки. На её стройное гимнастическое тело было наброшено лёгкое кимоно, не скрывающее длинных ног и упругой груди. Она томно посмотрела на Алексея и попросила разрешения войти. Алексей посторонился, пропуская в комнату грациозно виляющую бёдрами женщину. Она объясняла своё неожиданное появление тем, что только что испекла пироги и решила принести. «Ведь мы так благодарны, так благодарны! Так хочется сделать что-то приятное!» Гимнастка села на диван, изящно откинувшись на спинку, и в тот же момент её ноги взлетели к потолку. Диван резко принял горизонтальное положение, продемонстрировав обалдевшему Лёше прозрачные трусики на мускулистых ягодицах соседки. Лёша бросился к ней со словами: «Вы не ушиблись?» Но беспокоиться было не от чего. Циркачка продемонстрировала ловкость и быстроту реакции, а потом целый час удивляла выносливостью, гибкостью и хорошим чувством ритма. После, еле отдышавшись, Лёша искоса поглядывал на лежавшую рядом взмыленную партнёршу. «Ничего себе, — думал он, — давно такого не припомню! А чего это она вдруг завелась? Неужели из-за собачки? А может, с мужем поссорилась? А муж у неё, кстати, опасный тип — горячий кавказский мужчина. Зарезет — глазом не моргнёт! Вот влип! Надо бы как-то намекнуть, что, мол, пора ей домой. Вот если бы муж уехал куда-нибудь далеко и надолго...» Алёша ёрзал, складывая в мозгу вежливую фразу-напоминание, что, мол, не задалась ли её семья, как Эльвира (наконец он вспомнил её имя), заговорщицки подмигнув, сообщила, что завтра муж улетает в Тбилиси, а потом в Москву и раньше, чем через полгода, не вернётся. Алексей почти не удивился.

Когда за Эльвирой захлопнулась дверь, он подозрительно осмотрел диван. Раскладывался и складывался тот абсолютно нормально,

но не покидало ощущение, что иногда диван проделывает это самопроизвольно, причём словно читая Алёшины мысли. Он ещё раз попытался проанализировать события последних двух дней.

— Приснилась собака — скорее всего, не случайно. Объявление висело у лифта три дня — значит, когда я переезжал, то просто не обратил внимания, но глаз запомнил и спроецировал в подсознание. Вот она и приснилась. Хорошо, а почему в парке, у ёлки? Откуда я мог знать? Дальше — шутил по поводу говнеца, которое к деньгам снится, так на тебе... Всю ночь выгребал. А секс? Ведь только сказал «разложу постель, когда понадобится» — так сразу и... Что за чертовщина! И про мужа её стоило подумать... Чепуха! Обычная мебель — диван как диван. Может, уже головой еду от эмигрантской жизни, будь она неладна! Он прилёт, закрыл глаза, и мрачные мысли, вроде ядовитых змей, обвились вокруг души. Они шипели и жалили, отравляя ностальгической тоской. Алёша, как живьём, увидел крымское побережье, Коктебель, молодую маму и себя — маленького мальчика, бегущего с фотоаппаратом за разлетающимися от него сварливыми чайками. Всегда он хотел только одного — остановить мгновение бесконечно меняющегося мира. Удержать то, что уже никогда не повторится. Не будет точно такого же рассвета и заката, той же игры света в воде, той же птицы на ветке. И людей уже тех же не будет. Всё неповторимо, но можно прокрутить плёнку...

— Раскисать не надо, — сказал самому себе, — можно поехать на озёра, взять камеру и самому снимать, для себя, чтобы глаз работал. Неужели опять пролёт по всем предложениям и объявлениям?! Им же нужны были квалифицированные специалисты! Ну вот он я — замечательный кинооператор, с кучей призов и заслуг. Берите! Хоть фильмы мои посмотрите, ленивые бюрократы!

Алексей заснул с мокрыми глазами. Сквозь сон он слышал, как звонит телефон, но просыпаться не хотелось, иначе, максимально приближая трансфокатором притаившегося в кустах тигра, он упустит момент броска, молниеносного нападения на жертву — и потеряет роскошный кадр.

Уже был глубокий вечер, когда Алексей продрал глаза. Сначала ему показалось, что за окном раннее утро, но часы свидетельствовали об обратном. На автоответчике было сообщение. Алёша нажал кнопку и от услышанного текста опустился на пол. Ему звонили из офиса крупного телевизионного канала Discovery, его любимого, на котором шли круглосуточно фильмы о природе, и предлагали интервью на вакантную позицию кинооператора в сериале «Сафари». Он вскочил, забежал вокруг стола, немножко пошлёпал себя по щекам, опять прослушал сообщение. Взял карандаш, бумагу, записал телефон, имя. Понял, что теперь пиццу будет развозить кто-то другой и что его прекрасное Завтра началось уже сегодня. И тут от этой мысли про завтра, которое начинается сегодня, голова его развернулась к дивану.

— Понедельник начинается в субботу — так, что ли? Ты что же, тот самый? Так, не надо путать: тот транслятором был, преображал обычную реальность в сказочную — русалки там, коты говорящие. А ты

что делаешь, не врубаюсь. Желания исполняешь? Да нет. Засорения канализации я не просил, и не больно нужна была эта аэробика постельная. Ты чего вытворяешь? Стоп, что-то крыша совсем съехала. Глупости! Ряд совпадений. При чём тут диван — мебель как мебель. Знаем, где все чудеса происходят, — в голове больной. А жаль, неплохая была бы история. Лёг, приснилось, что мультон выиграл, — утром получите и распишитесь!

Но больше ничего волшебного не происходило. Собранный диван тихонько стоял в углу. Снилось на нём обычная невнятная чепуха, зато в реальной жизни всё было удивительно здорово. Интервью с руководством телеканала прошло замечательно. Один из сотрудников, правда, был шибко любознательный — вероятно, потому, что его бабушка и дедушка когда-то, лет сто назад, приехали в Канаду из Одессы. Он долго объяснял Лёше, что Одесса — это где-то недалеко от Киева, может, знает город такой? Лёша возбудился: да кто ж не знает! Тогда этот потомок обрадовался и сказал, что его любимый писатель Айзек Бобель — тоже из Одессы. Нравится ли Алексу писатель Бобель? Алёша оторопел: он знал Айзека Азимова, но Айзека Бобеля — не имеет понятия! Любознательный загрустил: «Ну как же, он — мировая знаменитость! Вы не любите литературу?» Алёша pokrылся испариной. Нет, очень любит. «А этот Айзек что писал?» И только когда в потоке английских слов он уловил знакомое сочетание «Беня Крик», понял, о ком идёт речь. Господи, Исаак Бабель, родной и любимый! Как всё же странно они произносят наши имена и фамилии! Вот с отцом, наверное, та же петрушка. Пойди выуди из моря фонетических несовпадений Ивана Щегла — зашибёшься...

Несмотря ни на что Алекс Маркин произвёл на интервьюеров хорошее впечатление, а о фильмах и говорить нечего. Через неделю он уже работал в съёмочной группе канала Discovery.

После первого дня работы, проезжая мимо знакомых улочек, заметил, как закатное солнце стекает апельсиновым соком по кирпичным стенам домов и вспыхивает золотыми шарами в окнах высоток. Он раньше не замечал, какой красивый город пролетает за окном автомобиля и сколько в нём улыбающихся людей. Купив большой букет цветов, торт и шампанское, решил так: «Если муж Эльвиры не уехал, то ничего страшного — вместе посидим, отметим. А если его нет, то тогда тоже посидим и отметим, но уже у меня». Эльвира обрадовалась сразу двум обстоятельствам: тому, что Алёша зашёл, но больше — тому, что они сейчас уйдут. Муж уже дней пять как уехал, а сынишка, ясное дело, спит и видит, чтобы мамка пореже дома сидела.

Когда, наконец, после шампанского и Эльвиркиного коньяка они разложили диван, в голове у Алёши набирала обороты хмельная карусель. Почему-то слышались цокот копыт, ржание лошадей и мотив «цыган очки». Ему казалось, что он лихо отплясывает вприсядку, выделявая дикий коленца, а потом взлетает в седло и с гиканьем уносится в степь.

Среди ночи он проснулся от головной боли и озноба. В глаза бил яркий свет луны, низко висящей на усыпанном звёздной шелухой небе. Он пошарил рукой, чтобы натянуть съехавшее одеяло, но пальцы нащупали что-то влажное и колюченькое.

— Эльвирка! — простонал он. — Принеси водички, умираю!

Но, приоткрыв глаза, понял, что рядом никого нет, а рука его елозит по мокрой траве, на которой он, собственно, и лежит. От неожиданности он отрезвел и попытался сесть. Это не сразу удалось, а когда сообразил, как с четверенек повернуться так, чтобы опять не упасть, увидел дивной красоты картину, которая привела его в ужас. Вокруг простиралась степь, синяя от лунного света. Остервенело трещали цикады, рядом стояла лошадь. Он, дрожа всем телом, повернул голову и заметил невдалеке костёр, возле которого сидели люди. Кто-то встал и пошёл к нему. По колышущейся вокруг ног длинной юбке, широким рукавам кофты и шали на плечах он понял, что это женщина, причём, скорее всего, цыганка. Так оно и было, за маленьким исключением. Цыганка подошла ближе, и он признал в ней Эльвиру.

— Золотой мой, — запричитала она, — замаялся совсем! Уже не мутит?

— Эльвирочка, что это? Мы где, в степи? А ты цыганка? У тебя и лошадь есть, а ты не говорила!

— Яхонтовый ты мой, совсем заболел. Ты же сам кричал: «К цыганам!», я тебе всё втолковать пыталась, что не нужны они нам, и потом, где их тут возьмёшь, в глуши канадской? Если бы ты к индейцам захотел — дело другое. Но ты, как ребёнок, просил. Я позвонила ребятам нашим, они в русском ресторане халтурят — цыган изображают, — вот и приехали. Я с ними тоже иногда балуюсь — «цыганочку» пляшу. Тебе, кстати, очень понравилось, всё просил плечами потрясти, за грудь хватал. А лошадка — она не наша, просто мужик тут хороший ферму держит, мы сейчас у него. Не степь это — поле. Пойдём, сладенький, пойдём к огню. Чайку попьёшь.

— А я подумал, что диван этот опять... Ой, плохо мне, Эльвирочка, с ума сошёл, всё чудеса мерещатся! Как же это, ничего не помню! А скажи мне: я-то сам не танцевал? На коне не скакал?

— Ещё как! Еле остановили. Ты у меня любого цыгана за пояс заткнёшь! Только перебрал чуток — бывает.

— Мне на работу завтра, давай домой поедем.

— Поедем, рубиновый, поедем. Ты спи, спи... Довезём тебя с песнями в кибиточке, а ты спи, драгоценный, ни о чём не горюй. Дорога тебе дальняя, вечерняя, случайный интерес в казённом доме, хлопоты пустые. Утро вечера мудренее...

Лёша слушал эту невнятицу, проваливаясь в мягкую пустоту. Где-то звякнуло, потом опять и уже непрерывно затрещало.

Будильник неистовствовал. Лёша стукнул по нему. Звон прекратился, но не в голове. Он лежал на диване абсолютно голый. Рядом на спинке стула висели джинсы, трусы и рубашка. Произведя насилие над собственной личностью, Лёша поднялся и, пошатываясь, пошёл в ванную. Встав под горячие струи душа, намылил голову. Что-то твёрдое уткнулось в ладонь. Он медленно извлёк из волос не то веточку, не то колочку и сразу всё вспомнил.

— Чёрт, не может быть! Так это не сон?! Сколько же мы выпили? Ни черта не помню. Эльвирка-зараза, цыгане какие-то, лошади... Так, пора завязывать с нею. Хотя при чём тут она — сам хорош! Надо ей позвонить, извиниться. Кто бы мог подумать? Когда же я лёг? Но сейчас вроде получше. Голова не болит, словно и не пил ничего. Всё, на работу пора. Вечером разберёмся.

Он немного опаздывал, поэтому диван остался стоять разложенным, с ворохом смятых простыней и раскиданных подушек.

Телефон Эльвиры не отвечал. Лёша оставил шутивное сообщение, ласково назвав Эльвиру «моей цыганочкой», но она не перезвонила. Алёша не выдержал и вечером, как бы интересуясь, не желают ли они посмотреть фотографии зоопарка, постучал в дверь её квартиры. Открыл сын. Фотографии ему очень даже хотелось посмотреть, а вот про мать сказал, что она ещё вчера ночью улетела к отцу. Там возникли какие-то проблемы, и она срочно рванула. Алёше пришлось весь вечер развлекать семнадцатилетнего обалдуя и выслушать художественный пересказ трёх фильмов, одного сериала и страшную тайну о беременности коварной подружки с грудью четвертого размера. Когда эта пытка кончилась и парень ушёл, обессиленный Лёша свалился на диван. Всё, что случилось прошлой ночью, так и осталось покрыто мраком.

Сон, который снился Лёше на этот раз, казался продолжением вчерашнего кошмара. Опять играла залихватски скрипка, крутилась карусель, на ней мигали лампочки и скакали лошадки, а цыганка-Эльвирка вынимала из-за пазухи карточки с цифрами. Первой была цифра 4. Сползая с карточки, четвёрка увеличивалась и вдруг, перевернувшись, превратилась в стул, на который запрыгнула рыжая собачка. Она держала в зубах цифру 16. Цыганка пыталась отогнать попугая, который кружил над её широким декольте. Он изловчился и вонзил клювик в складочку между грудей, вытащив оттуда карточку с числом 23. В его зелёный хвост вцепился толстый кот; попугай выронил карточку, и цифры на ней поменялись местами — теперь это уже было число 32. Цыганка замахала руками, закричала на них — все присмирели, и она, хитро подмигнув, приложила палец к губам. Щёки её надулись, губы вытянулись трубочкой, и прямо изо рта выпрыгнул шарик. Он стал раздуваться, и на нём ясно были видны три цифры: 410. После всей этой белиберды вся компания захлопала, заверещала, зазвучали фанфары:

— Выиграл! Миллион Миллионыч Маркин! Слава победителю, золотому нашему, яхонтовому... Ура! Пей до дна, пей до дна...

Лёша вскочил в холодном поту. За окном светало. Он прислушался — в углу комнаты что-то шебуршало. Он зашвырнул туда подушку и, кажется, попал. Оттуда зло мявкнули и бросились наутёк. Лёша в утреннем сумраке разглядел толстого кота. Он готов был биться об заклад, что это был Эльвиркин.

— Ах ты, подлец, как ты сюда попал?

Но кот, проигнорировав грубое обращение, чухнул по направлению к балкону и выскочил в приоткрытую дверь.

— Вот скотина, по ночам квартиры потрошит!

Лёша встал, чтобы закрыть дверь, и в этот момент увидел в окне попуга, который, свернув голову набок, укоризненно смотрел на Алексея. Попугай вежливо поздоровался, сказав, однако, «Добрый вечер» вместо «Доброе утро» и, потоптавшись на подоконнике, слетел вниз. Лёша похлодел. Он ущипнул себя. Было больно. Часы показывали половину шестого утра. Сна не было ни в одном глазу. Он автоматом налил воду в чайник и сел за стол. Немного подумав, взял карандаш и бумагу и написал числа 4, 16, 23, 32, 410. Чего-то не хватало, или что-то было лишним. Дважды повторялись числа 4 и 1, и какой-то непонятный ноль в конце. Должно было быть шесть цифр, если это числа лотереи. Шесть из сорока девяти. Тогда, конечно, миллион, даже несколько. Алёша подошёл к дивану и погладил его по упругому боку.

— Это уже серьёзно. Значит, так. Если я выигрываю на этих числах, то памятник тебе поставлю! Представляешь — памятник Дивану? Громадный такой чёрный диван из мрамора, или лучше в бронзе, на всю ширину площади, а на нём, в уголке, лежит ма-аленький человечиска, ничтожный такой — спит, скрючившись, колени обхватив. И все сразу въезжают, кто тут главный. Понял? Сегодня куплю карточку лотереи. Проверим, какой из тебя джинн! Так, хорошо, а чего же ты туману напустил возле чисел этих? Ну, допустим, 4, 16, 23, 32, 41, а потом что за ноль? Бред! Если они не по порядку и 0 надо прибавить к единице, чтобы получилось десять, то тогда опять одного числа не хватает, два раза ведь четвёрка. Что-то не так. Думай, Лёша, думай...

В этот день Алекс Маркин не мог работать. Творческий процесс не шёл, семья канадских гусей довела до бешенства. Гуси не хотели взлетать и плавать. Они только лениво щипали траву и рыли ямки. Он матерился на непонятном для окружающих языке, гуси в ответ шипели, а съёмки не шли. За обедом он покрывал салфетку колонками цифр в разных вариациях и только вечером по дороге домой наконец заскочил в магазин и заполнил десяток карточек. Завтра был розыгрыш, джекпот составлял двадцать миллионов. Ночью он практически не спал — ворочался с боку на бок. Диван после того цыганского табора он так и не складывал, постель не убирал, бутылки не вынес и, конечно, не мыл посуду. Сейчас волновало только одно: завтра, возможно, он станет миллионером. Что это значит? Как теперь жить и где? Лучше всего переехать в тропики, мечтал он, или, наоборот, на Аляску. Надо объездить весь мир, научиться управлять самолётом и яхтой, купить супер-дупер-кинокамеру и оборудовать свою студию. Да! Научиться снимать женщин, причём во всех смыслах этого слова. Многомного красивых женщин с разных точек, в разных ракурсах, при разном освещении — женщины-лани, женщины-пантеры, кошечки, птички, рыбки. Наконец его сморило, и он заснул.

На следующий день идти на работу не хотелось, но до розыгрыша оставалось больше двенадцати часов. Лёша лежал, смотрел в потолок и не мог встать. «Можно было бы прикинуться больным, — подумал он, — но, наверное, не стоит: а вдруг с миллионами пролёт? Хотя вряд ли. Всё,

что случилось в последнее время, каким-то странным образом связано с диваном. Скорее всего, он энергетически воздействует на подсознание, и я могу видеть во сне то, что должно произойти. Предположить, что сам диван материализует сны, — это уже слишком! Во-первых, мало ли что может присниться — это же опасно, кто может себя во сне контролировать? Даже представить страшно, нет, слишком фантастично! Другое дело — первая версия: она как-то более материалистична. Удобная конструкция дивана расслабляет, раскрепощает область подсознательного — и срабатывает обычная животная интуиция, которая у человека, как у существа сознательного, в обычной жизни сильно угнетена. Вот и всё. Значит, я увидел эти числа не зря, и кричали там “Выиграл, выиграл!” тоже не просто так. Ладно. Пора вставать, прибрать квартиру и подготовиться к новой жизни. А кстати, ведь сегодня ещё кое-что приснилось».

Лёша пытался вернуть ускользнувший сон, но, кроме смутного образа женского затылка, ничего вспомнить не мог. Однако образ был приятным. Светлые волосы, собранные в пучок, тонкая шея и красивые плечи. Очень красивые плечи — не прямые и не покатые, а вроде закругленного изгиба отполированного дерева. «Теперь таких не делают», — подумал он, и перед глазами всплыл деревянный подлокотник маминого дивана, а на нём — выгнувшееся тело семнадцатилетней подружки. И вдруг такая радостная и тёплая волна поднялась в душе Алёши! Он вспомнил, что тогда первый и единственный раз в жизни был по-настоящему влюблён. Он мог часами щёлкать фотоаппаратом, ловя каждый жест и ужимку светлоглазой и светловолосой девочки. Её фотографиями завесил все стены; не было миллиметра на её теле, который не был бы им запечатлён. Потом, когда она ушла к другому и потребовала уничтожить все снимки и негативы, он подчинился. Отдал ей всё, кроме одной фотографии. На ней она сидела спиной к камере и смотрела в окно. Волосы, заколотые высоко на затылке, открыли шею и плечи. Свет, льющийся из окна, казалось, пронизывает её насквозь. Что-то похожее приснилось сегодня.

— Ну, всё понятно. Ожидание счастья — и мой мозг выживает из глубин подсознания образ, который когда-то и был этим счастьем. Но на этот раз, диван, ты не прав. Миллион — это значительно интереснее.

Числа на шариках, скатывающихся по желобку аппарата, не имели ничего общего с Алёшиными. Лотерея закончилась. Ни одно число не сошлось. Лёша сидел на прибранном диване и тупо глядел в телевизор. Он развернулся и врезал, как под дых, по спинке дивана.

— Издеваешься, да?! Какашки — пожалуйста, сколько угодно, всю ночь! Работу от восхода до заката — извольте, а чтобы в кайф пожить и быть счастливым — так накося выкуси! Что же не сработало, а? Ведь ни одно число не сошлось! А может, это другая лотерея, а, диванчик?

Прошло около полугода, и опять наступила зима. Эльвира прилетела ненадолго — чтобы забрать сына и завершить кое-какие дела. Они решили вернуться в Россию. Её муж в Москве организовал замечательное шоу — театрално-цирковую программу, с которой они теперь собирались объездить полмира. Алёшу она встретила в подземном гараже. Сначала

ей показалось, что он её не узнал, а потом — что сама обозналась. Человек, который безразлично кивнул в ответ на её восторженное «Алёшенька, как я по тебе скучала!», был угрюм и бледен. Он что-то вяло бормотал про то, что уже недолго осталось и скоро он разбогатеет. Ещё немного — и будет разгадан секрет приснившихся чисел. Он уже сыграл почти во все лотереи этой страны, скоро выйдет на мировую арену. Пару раз чуть не взял большой куш, но пока что-то мешает. У Эльвиры сжалось сердце, грешным делом она подумала, что Лёшенька обезумел. Надо было спасти парня. Она чмокнула его в щёку и предупредила, что сегодня вечером зайдёт. Лёша не возражал.

Впервые после той неудачи в лотерее и распущенных кулаков Алексей разложил диван. Всё это время он спал на одной половинке и в одиночестве. Сны вообще не снились. Волшебство кончилось. Его жизнь превратилась в подобие рулетки. Все деньги, которые зарабатывал, он спускал на игру. В доме валялся ворох лотерейных билетов разных цветов и фасонов; он постоянно что-то зачёркивал, вычёркивал, тёр по карточкам монеткой, вносил в клеточки заветные цифры. Но судьба смеялась над ним. Уже ничто не радовало. Работал он по-прежнему на телеканале, но ведущим оператором проекта не стал. В последнее время его материал изобиловал пустыми, скучными планами. Животные, казалось, вот-вот сдохнут перед объективом его кинокамеры. Ведущим взяли нового парня, и это обстоятельство абсолютно не огорчило Алёшу. Про отца он вообще не вспоминал. Мамины письма так и лежали в коробке от обуви, и он чуть не выбросил их на помойку, но остановился — наверное, подсознание сработало.

Эльвира тихонько поскреблась в дверь, Лёша крикнул: «Открыто!», но глаз от экрана монитора не поднял. Там крутилась виртуальная рулетка. Эльвира присела рядом на диван и провела коготком по Лёшиной спине. Он реагировал слабо. Тогда она перешла к решительным действиям и уже через минут сорок смогла добиться стойкой эрекции. Диван бодро пружинил, радостно поскрипывал и терпел все выкрутасы истосковавшейся гимнастки. Алексей заснул со счастливой улыбкой на лице. Эльвира поцеловала его в губы и тихонько вышла.

Боже мой! Какой дивный и светлый сон приснился в эту ночь Алёше! Он стоял у зеркально-чистого озера. Солнце проникало до самого дна, а на дне были видны знакомые улицы и дома — казалось, что их город просто опустился под воду и что теперь вся жизнь проплывает перед его глазами. Проплыл Алёшин автомобиль и плавно занырнул в подземный гараж многоэтажного здания телевизионной компании. Машины сновали вокруг, как разноцветные рыбки. Одна — серебристо-белая, как селёдка, — юркнула в гараж, и из неё выплыла светловолосая девушка с удивительно красивыми плечами. Лёша погрёб в её сторону. Она легко рассекала воду и оставляла вокруг себя сверкающий след пузырьков. Лёша чувствовал, что не хватает воздуха и он сейчас утонет, как вдруг она подхватила и вынесла его на поверхность озера. На берегу сидели мама и сухонький старичок. Они читали вслух письма, которые вынимали из обувной коробки, а потом делали из них журавликов и пускали в небо. Журавликов было

много, они кружили над озером. Один подлетел к Алёше и упал возле ног. На его крыле были написаны знакомые числа. Выстроившись в ряд, цифры теперь напоминали номер телефона, который Лёша, конечно же, сразу запомнил. Впервые за много месяцев он проснулся со спокойной душой. Лотерейный кошмар отступил. Алёша даже не сомневался, чей это был телефон. Конечно, отца. Вот что это были за цифры!

«Как же я сразу не понял — вот идиот! А ведь диван-то работает только в разобранном состоянии! Точно! Сны снятся, а тем более реализуются, если его раскладываешь. Хорошо, а почему тогда приснился выигрыш? Что это значит? Будем считать, что выигрыш впереди, а сейчас надо позвонить по этому номеру».

Приятный женский голос ответил, что Иван Щегол год назад умер, а говорит с Алексом нотариус Мария Берг. А кем, собственно, приходится мистер Маркин покойному? И когда Алекс брякнул, что сыном, на другом конце провода возникло некоторое замешательство. Рассказывать всю историю по телефону Алексу не хотелось, да и нотариус вдруг спросила: а не Наталкой ли звали его мать? Когда Алекс ответил утвердительно, Мария сказала, что им необходимо встретиться. Договорились на вечер в знакомом обоим ресторанчике. После разговора Алёшу не отпускали угрызения совести. Он ругал себя, что плохо искал, занимался ерундой, забыл, для чего ехал и что обещал своей замечательной маме. Он взял с собой её письма. Теперь это было уже никому не нужно, но так, на всякий случай. А вдруг эта нотариус подумает, что он самозванец или будет качать права по наследству? А ведь она, оказывается, знает мамино имя! Интересно, откуда?

В ресторан вошла стройная светловолосая женщина. На вид ей было не больше тридцати. Она лучезарно улыбнулась и протянула Алексу руку.

— Я вас сразу узнала, — сказала она по-русски, но с заметным акцентом. — Вы очень похожи на мистера Голдфинча.

Заметив удивление на его лице, объяснила, что Иван Щегол — это был литературный псевдоним, а на самом деле существовал человек по имени Айван Голдфинч, что является переводом фамилии Щегол на английский. Вот почему, вероятно, Алекс не мог его разыскать.

— Я живу на улице имени моего отца?

— Ну что вы, Айван Голдфинч не стал знаменитостью. Он был просто очень хорошим человеком, прекрасным переводчиком и замечательным семьянином. У вас, Алекс, есть брат и сестра.

— Думаю, что они не очень обрадуются этому обстоятельству, — кисло заметил Алёша.

— Напрасно: они бы мечтали с вами встретиться. Дело в том, что жена Айвана, Моник, оставила его сразу после рождения первого ребёнка, а девочку, которую она родила через пару лет неясно от кого, он усыновил уже после её смерти. Моник плохо кончила. Она была алкоголичкой. Так что в момент встречи с вашей мамой Айван, хоть и формально был женат, жил один и воспитывал маленького сына. — Мария выложила на стол увесистую папку. — Вот тут письма, которые Айван писал всю жизнь вашей маме.

В Алёшином горле застрял ком, и он положил рядом свой пакет.

— Она тоже писала...

Мария, как девчонка, всхлипнула и закрыла глаза руками.

Потом они до полуночи сидели и читали вслух письма. Мария покраснела от вина и чужой любви. В ресторане было жарко. Она заколола высоко волосы, сняла пиджак — и Алёша забыл, о чём говорил. Тонкая бретелька ажурной маечки соскользнула с круглого плеча. Это было оно — то самое, как во сне! Дальше тоже всё происходило, как во сне. В этот вечер они поняли, что замечательно понимают друг друга, через несколько дней — что замечательно друг другу подходят, а через пару месяцев вообще уже не представляли, как жили порознь столько лет.

В конце зимы, которая опять кончилась чуть ли не в мае, Алёша сделал Марии предложение. Она приняла его вместе с колечком и заявила, что уже присмотрела хорошенькую квартирку для их семьи. Алёше пришло время расстаться со своей холостяцкой жизнью. В период ухаживаний он ни разу не разложил диван и всё чаще ночевал у Марии. Она снимала комнату неподалёку от их телекомпании. Мария лишь однажды зашла к Алёше домой. Попытка уложить девушку на диван закончилась неудачей. Увидев засаленные бока дивана, торчащую со всех сторон набивку, она брезгливо присела на краешек и, через минуту подпрыгнув, потащила Алёшу гулять.

Дело подходило к свадьбе и переезду на новую квартиру. Алёша не представлял, как объяснить Марии, что с диваном он не расстанется никогда. Он уже не сомневался в его волшебных свойствах и поэтому боялся экспериментировать. А вдруг из подсознания вылезет страх перед женитьбой — и что? Прощай, Мария? Нет — он будет последним дураком, если потеряет такую девушку! Диван так и стоял уже полгода неразложенным, а Лёша старался лишний раз на него не садиться. На всякий случай он зафиксировал его механизм таким образом, чтобы исключалось внезапное откидывание спинки. Тем не менее отказаться совсем от этого чуда он не мог. Важно было найти убедительные доводы, чтобы Мария согласилась перевезти это ободранное старое чудовище в новенькую, чистенькую, суперсовременную квартиру. Она оказалась большой любительницей уюта и свивала семейное гнёздышко только из качественных материалов. Неважно из чего — соломки или пёрышек, — всё должно было быть стильно и красиво. Ясное дело: диван никак не мог вписаться в этот интерьер. До переезда оставалось меньше недели, а свадьбу назначили на конец месяца. Алексей не знал, как правильно объяснить невесте, что диван не простой, а волшебный. В процессе рассказа, в котором фигурировали Эльвира, цыгане, лотерея и девушка с красивыми плечами, Мария всё тревожнее вглядывалась в жениха. Под конец она расплакалась и попросила Алёшу в ближайшее время обратиться к психиатру. Она ушла, попросив не провожать, а лучше лечь, отдохнуть и завтра же позвонить врачу. Лёша упал на диван и в остервенении заколотил по нему кулаками, потом, извиняясь, гладил и целовал. В эту ночь он аккуратно разложил его. Лёша лежал, сложив на груди руки, и смотрел в потолок. Всё очевиднее вырисовывалась ситуация: Мария или Диван. Абсурд! Какие-то сомнительные чудеса вместо

замечательной жены, дома, семьи. Сколько можно быть идиотом! «Сейчас позвоню ей, скажу, что это всё была глупая шутка. Кстати, кретин, зачем про Эльвирку-то рассказал? Нет, точно, никакой диван не поможет, если в голове пусто». Но Мариин номер не отвечал — он оставил ей сообщение, в котором каялся, признавался в любви, просил прощения за сегодняшний бред. После этого показалось, что на минутку провалился в сон, который и на сон-то был не похож. Алексей видел, что лежит на диване и смотрит телевизор, а там идёт церемония награждения «Оскаром». В номинации «Лучшая документальная картина года» приз вручается фильму «Роман в письмах». Режиссер Алекс Маркин. Алёша держит золотую статуэтку, потом поднимает над головой и говорит, что благодарен маме и папе за их любовь, жене Марии за её терпение и понимание, а ещё любимому дивану — за вдохновение и поддержку. В зале хохот и овация.

Вряд ли теперь, после всего случившегося, хоть у кого-то могут возникнуть сомнения в том, что приснилось всё это зря. Конечно же, Мария не оставит Алексея и станет его женой. Она будет отчаянно бороться с его помешательством и нежеланием встать с дивана. Алёша, лёжа на диване, начнёт писать сценарий об истории любви Ивана и Наталки. Он заметит удивительную вещь: отца и мать разделяли тысячи километров, но письма друг другу они писали чуть ли не в один и тот же день и почти одинаковыми словами. Сценарий получится совершенно изумительным. Известный голливудский продюсер ухватится за него, пригласит двух звёзд и знаменитого режиссёра. Фильм получит «Оскара», а во время вручения статуэтки Алексей скажет, что если бы не его диван, то не стоял бы ему тут.. Все нашли эту шутку забавной, хотя немного надуманной. Никто в зале, кроме жены Марии, конечно, не мог себе представить, что это — самая что ни на есть чистая правда.

Александр АМЧИСЛАВСКИЙ

Родился в Москве, жил в Израиле, с 1998 года живёт в Торонто. Публиковался в журналах «Новый Свет», «Этажи», «Дружба народов», «Нижний Новгород», «Крещатик», «Под небом единым». Лауреат премии Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» за сборник стихов «За тонким полотном» («Время», Москва, 2017). По профессии — учитель русского языка и литературы, художник-реставратор, художник-ювелир.

18-Й ГОД

Курит поэтка волшебное зелье, курит,
чёрные раньше, нынче седые кудри
тонкой рукой свивает, тоской веет,
Господи! — просит и верит, не верит, верит,
молит о воздухе свежем, держась за стены,
даже в побелке запах и привкус сена,
что там, на улице? — тот же фонарь, аптека —
может, и не было, видимо, не было века,
тот же фонарь, только жёлтым течёт светом,
будто бы выстрелы хлопают мокрым ветром,
и разгоняется, бьёт по своим чечётка,
катится яблочко, стынет лихая чёлка.
Вновь восемнадцатый, курится зелье злое,
люди становятся улицей, слой за слоем,
лес вырубается, девочка прячет ветку,
бабку за дедку, тётку за дядьку, детку за репку,
курит поэтка, плачет в тонкие руки,
люди становятся снегом в фонарном круге,
дальше уже ничего, ничего не видно —
тот же фонарь и снежинки вокруг, нимбом.

Январь 2018

ИЗ ЦИКЛА «СНЫ». 3.

Не мучайся, кудрявый, ни к чему,
ведь это, право, стыд и труд напрасный,
Господь распределяет кровь и краски,
когда и как захочется ему.
Ну что тебе нелепая игра —
неведомое слово гнать по следу,
куда милее радужность костра,
падающая слепых к большому свету,
не требует признаний, как в плену,
излечивает мелкие недуги —
сиди себе, поглядывай на угли,
всегда с луной рифмуя глубину,
цепляй печаль игрушечным смычком,
дотягивай, что древние сказали,
подхрапывай с открытыми глазами
и долго проповедай ни о чём.

Зачем же нынче жалуешься мне,
что радужными красками не хочет
ни кровь алеть на розовом коне,
ни сердце надрывать полночный кочет,
зачем стоишь монеткой на ребре,
оторопелый, вытянутый в струнку,
и нищенски протягиваешь руку,
мечтая о другом поводыре?
Ты знаешь, мальчик, я не то чтоб зол,
но родины другой тебе не выдам,
и мир иной останется невидим,
как сон сегодняшней, который только сон.

Июнь 2018

* * *

Лето красное зелёною травую
глаз отводит от желтеющих проплешин,
хочешь — радуйся, а хочешь — безутешен
оставайся под сосною гробовою,
всё, что хочешь: плачь, печалуйся, кручинься,
отнимай у толстых плакальщиц работу
или свету сине-белому учиться
с видом в небо, лес и ветреную воду
выбирай — успеть к осеннему подсчёту,
кто их знает, мастеров от бухгалтерий,
всё беспомощнее августовский шёпот,
всё внезапнее мельканье богаделен.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Длится лето, мальчик, мы пока что можем
пересматривать, что раньше пролистали,
даже в смерть входить открытыми глазами,
зеленеющей маслиной в доме Божьем,
сыром козым, тяжелеющей пшеницей,
неожиданным созвучьем — как сумеем,
лето красное сменяется осенним,
облегая на прощанье плащаницей.

Август 2018

* * *

Ходишь по садику, улыбаешься поздним розам,
Удивляешься: скоро снег, а они, красные, горят и горят,
с нами понятно — никакой забор не спасёт, не выйдет ростом, —
но эти маленькие бесстрашны, Господи, как строчки из тропаря.

Что там твердил поэт, помнишь? — о величии замысла,
знаки искал на земле, упрямец, а они не трудятся, не прядут,
не боятся, птицы небесные, что завтра снег, финал, занавес
и Бог весть, где приют,

не боятся, а нас, пациентов глазного яблока,
мучает сезонная скоропись, мелькает — не уследишь,
только и признаёшь: как же прекрасна вся эта нерукотворная азбука,
даже для сомневающих в наличии души.

Ноябрь 2018

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ

Родился 2 августа 1950 года в Чимкенте, но с трёхлетнего возраста жил в Москве. Окончил химический факультет МГУ. Поэтический дебют Кенжеева состоялся в коллективном сборнике «Ленинские горы: Стихи поэтов МГУ» (М., 1977). В юности публиковался также в периодической печати («Комсомольская правда», «Юность», «Московский комсомолец», «Простор»), однако рукопись первой книги поэта пролежала в архивах Союза писателей Казахстана 20 лет и была издана только в 1996 году издательством «Жибек Жолы». В начале семидесятых Кенжеев становится одним из учредителей поэтической группы «Московское время» (вместе с Алексеем Цветковым, Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским). С 1982 года жил в Канаде. В настоящее время — в Нью-Йорке. Лауреат многих международных литературных премий, в том числе — Русской премии и Премии В. Сирина (Набокова) за 2016 год.

* * *

Давай о былом, отошедшем на слом,
где лезвием брились опасным,
тушили капусту с лавровым листом
и светлым подсолнечным маслом,
страшились примет и дурных новостей,
не плавил платины в тигле,
точили коньки и ушастых детей
машинкою времени стригли —
там с неба струился растрёпанный свет,
никто ещё, в общем, не умер,
и в марте томился в газетке букет
мимозы (привет из Сухуми!).
Пластмассовый штырь, дорогие края,
трамваев железные трели.
Куда они делись? Бог знает, друзья.
Как всякая тварь, отгорели
вальажным салютом над местной Москвой,
золой в стариковских рассказах.
Есть список небесный, на каждого свой,
ореховых и одноглазых

грехов. Поскорее зови, не трави,
другого уже не попросим.
Напрасно ли мы в потерпевшей крови,
как вирус, минувшее носим?

* * *

Продай мне по дешёвке пресс-папье,
старьёвщик. Я пристроюсь на скамье —
на парковой, ребристой и зелёной, —
а рядом будет в шахматы играть
пенсионер (судьбы не выбирать),
простоволосый юноша влюблённый
рассматривать в айфоне молодом
возлюбленной в акриле голубом
любительские фотки: плеск оркестра,
всё на продажу, как она стара-
ется, возвышенна, добра —
позирует невесело, но честно.
Подглядывай, любитель бытия,
корреспондент вселенского жнивья,
так лучший город мира непохабен
хоть и причастен мировой тоске.
Здесь solusrex на клетчатой доске,
здесь непременно умный чичибабин
схватился бы за вечное перо,
чтобы воспеть дурацкое метро
(без барельефов, с грубою бетонной
колонной), чтобы взвиться нараспев.
Но я другой. Я от рожденья лев
охлаждённый, может быть, влюблённый
любитель шахмат. Тронул — так ходи.
Лишь не гадай, что будет впереди.
Там ангелы, нас проглотив, не охнут.
А пресс-папье не разгоняет страх,
не осушает пены на устах,
но без него чернила не просохнут.

1980 (1)

на околице столицы
где кончается метро
где студенты бледнолицы
пьют подземное сидро

нет скорее даже пиво
на скамейке серой пьют
и рассматривают брезгливо
богоданный неуют —
машет хвостом тощий бобик
улыбается дитя
лилипуты бедный гробик
поднимают ввысь кряхтя
кто невесел кто плачевен
кто-то просто невелик
их ещё вспоёт пелевин
наш непалец многолик
вобла есть но нету нельмы
счастье есть но нет письма
спят немые панельны
мног'этажные дома
где вы тютчевские звезды
дух смирился век зачах
ах в блевотине подъезды
мусор в баках тьма в очах
не тверди что жизнь трясина
рудниковая вода
пиво пенится и псина
беспородная всегда
не предчувствуя удоя
жестких подвигов в цеху
видит облако младое
слышит бога наверху

* * *

Я почти разучился смеяться по пустякам,
как умел, бывало, сжимая в правой стакан
с горячительным, в левой же нечто типа
бутерброда со шпротой или солёного огурца,
полагая, что мир продолжается без конца,
без элиотовского (так в переводе) всхлипа.
И друзья мои посерьёзнили, даже не пьют вина —
ни зелёного, ни креплёного, ни хрена.
Как пригубят сухого, так и отставят. Морды у них помяты.
И колеблется винноцветная гладь, выгибается вверх мениск
на границе воды и воздуха, как бесполезный иск
в европейский, допустим, суд по правам примата.
На компьютере тихий вагнер. Окрашен закат в цвета
побежалости. Воин невидимый неспроста

по инерции машет бесплотным мечом в валгалле.
Жизнь сворачивается, как вытершийся ковёр
перед переездом. Торопят грузчики. Из-за гор
вылетал нам на помощь ангел, но мы его проморгали.

* * *

Когда зевес, с олимпа изгнанный,
разжалованный в львиный зев,
на тощем стебельке колышется
и вспоминает нараспев
свои победы над титанами
(был кипяток — и нет его),
над нимфами над безымянными
(он был большое божество),
как похищал европу жаркую,
пел над эгейскою водой,
где нынче турция, слал молнии,
ругался с герой молодой —
ох, я и сам, лишаясь голоса,
в косяк трамбуя анашу,
уже не чехову, а хроносу
ночные жертвы приношу.
Кто кается, кто дурью мается,
а в греции сыра земля,
и неохотно раскрывается
цветок под тяжестью шмеля

Лада МИЛЛЕР

Родилась в России, детство провела на севере — в Воркуте, юность — в Саратове. Образование — Саратовский медицинский институт. В начале девяностых переехала в Израиль. В настоящее время живет в Монреале (Канада), работает врачом. Вторая основная специальность — литература (поэзия, проза).

КАНАДА

РАССКАЗЫ ИЗ СБОРНИКА «МУРАШКИ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ»

ПРО КРЫШУ И ЯЙЦО

— Ну, если не остров, так хотя бы крыша, — сказал ты и повёл меня по крутой лестнице вверх.

Крыша оказалась тёплой, плоской и родной с первого взгляда, и пусть она была не самой высокой в городе, но вид с неё открывался замечательный, даже кусочек моря можно было увидеть — тот самый, про который мы с тобой вчера сказали, что берём его с собой навсегда.

«Навсегда» — беспощадное слово.

Похоже на другой берег моря. Тот самый, который не то что достичь, даже нарисовать невозможно — он всегда в тумане.

Но иногда это самое слово сбывается.

И тогда возникает крыша.

Здесь так просторно дышится и так тесно обнимается, что становится понятнее то, что происходит между нами.

Впрочем, мы давно уже один организм, как птица и её яйцо, так что слово «между» — лишнее, ведь «между» предполагает границу, грань, разделительную полосу. А это совсем не про нас.

Если вы такие же сумасшедшие, как и мы, — тогда вперёд! Забирайтесь по этим ступенькам, выше, ещё, ещё, ещё чуть-чуть, и я расскажу вам про то, что крыша — это то самое счастье, которое так хочется взять в руки, прижать к груди, убаюкать, зацеловать.

Потому что здесь, на крыше, всё по-другому, не как у всех.

Другая система координат, где за точку отсчёта принят не ноль, а глазок прицела, в который заглядывает время и обещает не разлуку, но встречу.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Другая планета, где деревья растут головами вниз, одежда шьётся из облаков, а дома никогда не запираются.

Другие органы чувств: не зрение, а проникновение в суть вещей; не слух, а угадывание родного дыхания; не обоняние, а пионы в каплях росы; не осязание, а наслаждение деталями; не вкус, а насыщение и вечный голод.

— Ну, если не остров, так хотя бы крыша, — сказал ты и повёл меня по крутой лестнице вверх.

И не важно, что мы уже были здесь двадцать лет назад, а может, и в прошлой жизни.

И не важно, что сегодня это всего лишь кафе, где смешливые официантки предлагают вам кофе со вкусом будущего.

Главное — именно здесь можно поймать за хвост беспощадное слово «навсегда».

Синюю взъерошенную птицу.

Увезти её с собой в далёкий город, где нет таких высоких крыш.

И ждать, глядя друг другу в глаза, когда же она снесёт яйцо — голубое, в крапинку.

Чтобы дать ему наше имя.

Схватить в охапку, подняться по крутой лестнице вверх.

Положить на тёплую плоскую крышу.

И ждать, когда из него вылупится крохотный птенец.

Тот самый, который потом, пару жизней спустя, снесёт своё собственное яйцо, для которого мы снова будем искать крышу.

И так — без конца.

Потому что счастье — это лишь ожидание обладания.

И не важно, что время не остановить.

Оно всё равно работает на нас.

Слышишь?

Робкое потикивание, от которого внутри восторг?

Это не часы. Это стучится наш птенец.

Впустим?

РОЖАТЬ НЕ БОЛЬНО

Рожать не больно. Больно потом.

Мальчик родился без пятнадцати восемь утра. То есть все были уверены, что родится девочка. Я даже придумала имя: Джулия. Вылупился мальчик. Орать не стал. Тихо крякнул и задышал.

Муж держал меня за руку, но смотрел в сторону. Брат сидел за дверью родильной комнаты и мечтал о сигарете.

Мимо него проходил верующий еврей. В лапсердаке, с цацками, бородачка жидкая. Пожал брату руку.

— Первый? Не бойся. Всё будет хорошо. Ты только молись.

Брату было шестнадцать, и молиться он не умел. Потому что мы совсем недавно приехали из России. В России тогда мало кто молился.

Через два часа младенца принесли на кормление. Он лежал смиренно, моргал круглыми глазёнками. Не плакал. Ждал.

Я дотронулась до его пальчиков. Погладила. Он схватил меня за палец. Сделал вид, что улыбается. «Показалось», — решила я.

Села рядом и стала наблюдать за его лицом. Он продолжал крепко держать меня за палец. Если мы и разговаривали, то очень тихо.

Соседка по палате, дородная женщина в белой широкой сорочке и цветном платке на бритой голове, вздохнула и покачала головой.

— Первый? Не бойся. Всё будет хорошо. Ты только молись. И давай-ка я тебе помогу. — Давай, давай, — засмеялась она, увидев недоверие на моём лице. — У меня четырнадцатый, я всё про них знаю. Тебя как зовут-то?

— Мария, — прошептала я.

— Красивое имя.

Она за одно мгновение распеленала моего мальчика, подхватила его цыплёночье тельце, ловко уложила на правую руку спинкой вверх, подмыла крохотную попу под проточной водой, прямо в раковине.

Младенец даже не пискнул.

Вытерла. Завернула в чистое. Протянула мне. Я сдёрнула рубашку с плеча. Грудь вывалилась и чуть не покатилась — такая тяжёлая! Женщина бережно уложила мальчика на мой ещё не опавший живот. Отошла. Взяла молитвенник, зашевелила губами, стала качаться, будто маятник.

Ребёнок поворочался, устраиваясь удобнее. Приник лицом. И заснул!

— Ишь, видать, хорошо ему с тобой! Привык к запаху. Теперь молоком ротик-то ему измажь, измажь — так на новый запах и потянется.

Я вдруг поймала себя на мысли, что понимаю всё, что она мне говорит.

А ведь это был иврит. До сих пор я знала несколько расхожих фраз про погоду и войну, умела считать до ста и писать своё имя справа налево.

«Так, иврит я уже знаю, — подумала я. — Осталось научиться кормить грудью».

И я стала давить двумя руками на эту большую румяную грушу, чтобы из неё вышло то, что накормит и спасёт этого будущего мужчину, даст ему силу и разум, доброту и смелость.

Брызнуло молоко — на больничную рубашку, на простынь, на ангельское личико. Мальчик облизнулся.

Тут отворилась дверь палаты, и пришли все. А очередная подружка моего брата спросила, стесняясь:

— Так ты скажи: как оно — рожать?

И я ответила — почему-то уже на иврите:

— Рожать не больно. Больно потом.

Одинокой дудочки песня
Обгоняет меня, босую.
Тонкоплечий кувшин несу я,
Как вино в его горле тесно!

Пятки круглые прячут след свой
Меж камней и змеиных норок.
Нрав мой кроток. А век недолог,
Словно привкус лепёшки пресной.
Сладкий август делает больно...
Под оливами, в смуглой лени,
Расстелю своё тело вольно,
Расцеплю тугие колени.
Первый крик разобьётся оземь,
Вздрогнет ночь, расплескает сливки.
Взгляд его безмятежно-оливков.
Он родится без четверти восемь.

На третий день мы вернулись домой.

Был поздний август. Звёзды высыпали на небо — поглядеть на Спасителя. Потому что каждый новорождённый — чей-то спаситель. А имя придумать несложно.

Мы стояли у окна. Небо казалось таким родным. Но таким бездонным.

И вдруг стало страшно. За него. За себя. И даже за эти любопытные звёзды.

Но сверху прозвучало — уж и не помню, на каком языке:

— Первый? Не бойся. Всё будет хорошо. Ты только молись.

ЧУВСТВО РОДИНКИ

Понятное дело: до Адама у Евы были другие мужчины.

Евы вообще полигамны.

ПолиАдамны, то есть.

Ещё Евы хитры — именно поэтому свалили всё на Адама.

Даже полигамность.

Наша Ева была не только хитра — она была прекрасна.

Красоту её венчала крохотная родинка на щеке — бархатная, улыбчивая; вроде ничего особенного, а глаз не отвести.

Вот на эту-то родинку Адам и попался.

До Адама у Евы были другие мужчины, но именно Адама она выбрала для того, чтобы прилепиться окончательно.

И не только телом.

— Дорогой, — говорила она бывало, срывая очередное яблочко, — а не прогуляться ли нам?

Адам отрывался от созерцания свеженарисованных облаков на холсте (все Адамы немного художники) и поворачивался к женщине.

Она стояла перед ним голая, спиной к солнцу, и солнце обнимало её, просвечивало через, возносило над.

Надо сказать, вот этот самый миг, когда мужчина поворачивается к женщине, за спиной которой солнце, наяву ли, во сне, — этот миг есть райское блаженство, ибо всё уже назначено и определено, но ещё ничто не свершилось.

Это и есть то прекрасное сейчас, имя которому — бессмертие.

При одном условии, конечно.

«Ах, эти условия! — воскликнете вы. — Никогда и ничего безусловно и задаром!»

— Помилуйте, — отвечу я, — моё-то совсем крошечное.

Родинка. Бархатная, улыбчивая, ничего особенного. Но магнитит — ах!

У Адама к Еве было чувство родинки.

Слово «любовь» в то далёкое время ещё не придумали, а значит, и не исказили.

Чувство родинки его было настолько велико, что невинная на первый взгляд и на первых слух фраза «А не прогуляться ли нам?» обростала совершенно иным — скрытым и невероятным смыслом, в который хотелось не просто верить — ему хотелось поклоняться. Равно как и той, которая её произносила.

И это была первая ошибка Адама.

«Прогуляться» на Евином языке означало выскочить потихоньку за ворота Райского Сада, а проще сказать, через давно облюбованную дыру в заборе, спуститься вдоль берега бирюзового Евфрата — дальше, дальше, ну побежали же, какой ты смешной...

А там — заросли ивняка и пеночки переполошились.

Прогулки их ни для кого из окружающих уже давно не были секретом, но Ева на любой откровенно заданный вопрос умела так широко раскрывать глаза и хлопать шёлковыми ресницами, так невинно и пышно розоветь, что вопросы отпадали сами собой, как лопнувшая кожа с перезрелых райских яблок, а вопрошающие вздыхали, отходили, лениво завидовали.

Но иногда (а правду сказать, всё чаще и чаще) те же вопрошающие поворачивали удивлённые лица к своим Адамам и проговаривали непривычные слова, уперев кулачки в бока:

— А не прогуляться ли и нам?

И другие Адамы, оторвавшись от своих холстов (все Адамы, как вы помните, немного художники), вздрагивали, углядев родинку в непривычном месте, и, что называется, шли на голос.

И это была их вторая ошибка.

Что касается последствий, они всем вам прекрасно известны.

Подобные прогулки не могли кончиться не чем иным, как ...

Как интересно устроены слова! И кто их только придумал? Послушайте сами.

Родинка. Бархатная, улыбчивая, магнитит — ах!

Чем, по-вашему, могло кончиться чувство родинки?

Родами, чем же ещё!

Ева родила.

Был месяц нисан — чудесный, обманчивый весенний месяц.

Адам принял младенца на руки, наклонился над Евой, над самой её родинкой, приник губами к бархатной радости и произнёс те самые слова, которые ждёт каждая Ева на свете:

— Знаешь, а ведь мне, кроме тебя, больше никакая Ева и не нужна. Не так уж я и полигамен, как оказалось.

И это была третья ошибка Адама.

Ева удовлетворённо улыбнулась, ребёнок вцепился беззубыми дёснами в пахнущий яблоками сосок, Бог покачал головой и занялся починкой райского забора.

С тех самых пор больше всего мы любим Адамов за их ошибки.

А они нас — за родинки.

Даже если родинка эта на первый взгляд и не видна.

Зато тому, кто сумеет её разглядеть, Эдем гарантирован.

Тот самый, который чувство родинки и есть.

Название у него такое.

Михаил СПИВАК

Писатель, сценарист, редактор, член Союза журналистов России. Живёт в Канаде. Автор нескольких книг. С 2010 года — главный редактор газеты «Перекрёсток Виннипег». Соучредитель издательства «Litsvet» и заместитель главного редактора литературного журнала «Новый Свет». Публиковался во многих периодических изданиях. Автор на канадском радио «Голос Альберты» и телеканале RTV. Сценарист документального сериала «Вещдок» на телеканале «Интер». Литературные премии: «Бриллиантовый Дюк» премии де Ришелье (2017), Пантелеймона Кулиша (2017), «Сад божественных песен» Григория Сковороды (2016), Н.В. Гоголя «Триумф» (2016), «Золотой асык» (Казахстан, 2016), Вениамина Блаженного (2015).

ТРЕНАЖЁР

Уже за тридцать Зоя поняла, что молодость не вернуть. Нужно бороться и трепетно её остатки лелеять. Особенно следить за фигурой, которая вдруг от обилия сладостей поплыла, а кое-где — в самых когда-то прекрасно волнительных для мужских глаз и рук местах — стала покрываться «апельсиновой коркой». Зое казалось, что на пляже отдыхающие посматривают на её чуть раздавленные бёдра с порицанием: мужчины без интереса отворачиваются, прикованные вниманием к более стройным девушкам, а женщины высокомерно переглядываются и даже ничуть не ревнуют своих благоверных. И тогда Зоя твёрдо решила: никаких лишних калорий и смертный бой целлюлиту!

Диеты и раздельное питание на кухне. Фен-шуй в спальне. Крем для похудения в ванной. Борьба велась по всем направлениям.

Муж Виталий пыхтел, двигая мебель, и уже неделю (вынужденно за компанию) давился сельдереем. Его робкое: «Поджарь мне отбивную с картошкой!» было воспринято в штыки. Слова не мужа, но мальчика выглядели предательством в битве за красоту. Малодушные грозило отлучением не только от стола, но и от постели. Хотя последнее от обилия петрушки и сельдерея само собой отодвинулось на второй план, не выдержав борьбы со спазмами голода.

Виталий тщетно всматривался в стройные ноги жены и плоский живот, не находя там ничего даже отдалённо напоминающего уродство. Зоя выглядела идеально, женственно, она была совершенством, но переубедить её Виталий не смог. Вместо любовного поцелуя за оду её очарованию он оказался «слабовольным подхалимом, готовым изменить общему делу за сытную похлёбку». Попытки уговорить жену — «Ты действительно прекрасна» — только добавляли негатива. Она топала ножкой и роняла слезу: «Я толстая, как чушка!»

В двадцать три года Зоя весила на целых два килограмма меньше. Как можно было не заметить «такие ужасные отложения», как?!

Муж, как всегда, оказался виноватым.

— Если бы ты следил за собой, то и мне бы не позволил распуститься!

Виталий действительно каждый год семейной жизни набирал по килограмму и за десять лет наел солидную «мозоль». Теперь он молча, как грустная корова, хрустел зеленью, понимая, что семейная жизнь дала трещину. Если уж Зоя что-то вбила себе в голову...

Через неделю она записалась в фитнес-центр. Стройные мужчины-легкоатлеты и мужчины с огромными бицепсами и железобетонными торсами теперь обращали на Зою внимание, шутили и заигрывали. Виталий в этом не сомневался. Он сам одно время ходил в «качалку», ещё до женитьбы. Надолго его не хватило, но впечатления остались. От обилия вокруг стройных, подтянутых женских фигур можно было заработать косолазие. Теперь он стал ходить вместе с женой, оберегая от потенциально навязчивых поклонников.

Возможно, тем бы история закончилась. Через неделю Виталий планировал поехать с Зоей на Алтай — насладиться красотами природы в компании любимой жены. Эта поездка стала бы важным шагом к примирению супругов.

Мечты остались мечтами. Не спросив разрешения, Зоя истратила деньги на велотренажёр: многофункциональный, с USB-интерфейсом и четырьмя встроенными программами, мониторингом и анализом физической активности.

— Правда, он симпатичный? — сияла улыбкой Зоя и гладила светящийся дисплей. — Папочка у нас теперь станет стройным и красивым!

Виталий остолбенел.

Покупку поставили в спальную комнату, чтобы не портить интерьер зала. Сказать, что Виталий отнёсся к подарку прохладно, значит не сказать ничего. Лучше бы Зоя забыла о дне рождения мужа. Подарок она сделала себе.

— На нём ты больше времени проводишь!.. — язвил Виталий.

И наткнулся на обидный ответ:

— Мне он больше удовольствия доставляет.

Отношения в семье стали отчуждёнными и холодными. Скрипя от злости зубами, Виталий просыпался под монотонное жужжание педалей и сыпал под них же. Он ненавидел проклятый велосипед, на который постоянно наткнулся спросонья. В попытке сохранить семью Виталий порывался продать, а затем кому-нибудь подарить «Колю» (так жена почему-то стала

называть тренажёр). Виталий старался выяснить, был ли в прошлом среди Зоиных поклонников Николай, но так ничего и не узнал.

— Не смей продавать Колю! — возмутилась Зоя коварным планам супруга. — Это мой подарок!

Виталий поморщился. Он давно забросил сельдерейную диету, но готов был снова питаться травой, только бы избавиться от «драгоценного Коленьки»!

Сам он скрипучего надоеду прозвал «педальным животным». Мысленно разговаривал с ним на повышенных тонах и даже угрожал ему.

Впрочем, в скором времени Виталий осознал свою ошибку, подружился с «Колей» и более того, проникся к нему искренней симпатией. Случилось это, когда Зоя уехала на праздники к маме. Поначалу Виталий лелеял тайный умысел: разобрать механизм и вывести какой-то блок из строя, а потом удивлённо гнуть брови: дескать, я тут не при делах. Жена всё равно доказать ничего не сможет.

«Теперь ты в моей власти!»

Виталий рассматривал тренажёр со всех сторон, как забойщик обречённую на смерть скотину. В одной руке «убийца» держал крестовую отвёртку, в другой — разводной ключ.

«Посмотрим, что у тебя внутри, — он замялся. — Как твой корпус разбирается?»

Действительно, начальнику отдела маркетинга — человеку далёкому от техники — не так легко справиться с полностью скрытым механизмом. Велотренажёр будто смеялся в ответ, поблёскивая литыми (а может быть, штампованными?) частями кожуха. Открутить сиденье или снять электромотору — не вариант. Сразу раскроется злой умысел.

Виталий поскрёб затылок. Ревновать жену к бритому качку из спортзала — это полбеды. Но ревновать к велосипеду... Есть в этом что-то противоестественное. Хотя почему? Женщины ревнуют своих мужей к компьютеру. Танки им, видите ли, не нравятся! Хорошая игра. Не слишком интеллектуальная, но всё не глупее велосипеда.

От хаоса мыслей Виталий вспотел. Скинул рубаху и машинально повесил на руль.

Зазвонил телефон. В трубке послышался взволнованный голос шефа. Контракт горит, клиент нервничает. Имеется реальная опасность не получить своевременную по договору выплату. Праздники отменяются. Нужно срочно ехать и сладкими песнями убаживать клиента: «всё хорошо, прекрасная маркиза!..» Виталий повесил трубку. Скинул домашние шорты на сиденье тренажёра. Облачился в стильный, подходящий моменту сладкопения костюм, поправил галстук и выскочил за дверь.

Домой он вернулся под вечер, уставший и голодный. Лениво посмотрел на крестовую отвёртку и разводной ключ. Казнь велосипеда откладывалась на завтра. Галстук Виталий повесил на руль с левой стороны, убрав оттуда футболку. Рубаху и пиджак повесил справа. Брюки перекинул через сиденье. Удобно. Не надо лезть в шкаф, вешать на плечики. Всё под рукой.

«Хм... — подумал Виталий, — какая полезная многофункциональная вещь!»

Носки он разместил на педалях. Вот, теперь в спальне полный порядок!

«Ты, Колян, не сердись на меня, что голову хотел тебе свернуть. Зойка все нервы вытрепала. Нормально жили, любили друг друга. Нет, какая-то подруга-дура ей сказала про целлюлит — и как вожжа под хвост попала!»

«Коля» понимающе мигал электронным дисплеем. Германский дизайн, продуманный до мелочей. Развесить на нём можно половину гардероба, и брать удобно. Угодила Зоя с подарком, пусть и непреднамеренно. Виталий кинул футболку на дисплей и впервые за несколько месяцев безмятежно уснул.

Праздники промчались быстро, а с ними улетучилась и размеренная жизнь.

— Коленька, что с тобой сделал этот изувер?! — в ужасе воскликнула Зоя и строго подступилась к мужу. — Ты зачем достал свои вещи из шкафа?

— Отсюда их удобней брать, — честно ответил Виталий.

— Немедленно убери назад!

— И не подумай!

— Тут им не место.

— А по-моему, самое то.

— ...и заниматься мне мешают!

— Велосипед мой. Ты его подарила мне на день рождения. Использую, как хочу.

Майки и рубахи полетели на пол, и остальной гардероб следом. Педали снова зло зажужжали. Это был вызов. Впервые за все годы брака Виталий пошёл на принцип. Он рывком распахнул створки платяного шкафа — и к куче его рубаш на полу добавились платья и блузки жены.

Слёзы, упрёки, обиды... Всю следующую неделю супруги не разговаривали. Перемирия не получилось ни через неделю, ни через месяц. Зоя по привычке давила и ждала извинений от Виталия, но терпение мужа лопнуло. Жена, сама того не замечая, переступила его болевой порог. Теперь никто не хотел уступать. Тренажёр окончательно стал яблоком раздора. Муж упорно развешивал на руле свои майки. Жена их с таким же постоянством швыряла на пол, а потом собирала свои раскиданные по дому платья. Холодное отчуждение быстро сменилось жаркой ненавистью.

— Живи со своим велосипедом!

Впервые Зоя, уходя жить к матери, назвала тренажёр не по имени.

Время шло, страсти постепенно улеглись. В спортзале Зоины ухажёры оказались в основном женатыми, а все шутки и подмигивания так и остались весёлыми разговорами. В душе поселилась тоска. После работы душу царапало одиночество. И уже снова хотелось с мужем на Алтай.

Зоя забросила спорт, набрала свой прежний вес и ещё два килограмма сверху. С тоски она стала заглядывать на сайты знакомств. Никому не отвечала, только смотрела. Была уверена, что там либо сексуальные извращенцы, либо женатые мужчины, которым скучно. А в один из дней она наткнулась на знакомую фотографию. Её собственный муж (они так и не оформили развод) улыбался, оседлав велотренажёр. Зое стало обидно и больно. Волна противоречивых чувств нахлынула на неё. Как он мог?! Он совсем не страдает? Это казалось самым обидным. Зоя захлопнула страницу сайта. Она

уверяла себя, что является жертвой мужской чёрствости и непонимания. Такой спутник ей не нужен!

Через неделю Зоя снова заглянула на сайт. Просто посмотреть на фотографию... Ещё через три дня она робко в письме спросила: «...ты уже себе кого-то нашёл?»

Ответ пришёл в тот же день: «Нет, и не ищу... профиль давно создал и забыл закрыть».

Ни единого намёка на примирение. Зоя подождала день.

«Как настроение?»

«Не жалуюсь».

Виталий оставался лаконичным.

«Ему хорошо без меня? Наши отношения ничего для него не значили? — думала Зоя. — Дурацкий повод для ссоры. Хочу помириться. Только пусть он первый предложит».

Ещё через два дня: «Чего не пишешь?»

«О чём писать?»

Зоя набралась смелости, вспомнив, что сама стала причиной разлада в семье. Ей понадобилось ещё несколько дней, чтобы признать этот факт для самой себя.

«Я соскучилась...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Она боялась открыть письмо — вдруг там обидный отказ! Лучше утром прочитать. Но сон не шёл. Зоя села к компьютеру.

«Зла не держу и всегда рад тебя видеть, — писал Виталий. — Приходи. И Колян обеими педалями за».

Больше Зоя не волновалась за лишнюю пару килограммов. Она надела короткую юбку и плотно облегающие лосины, демисезонные сапожки на каблуке и лёгкий белый свитер. Просто и со вкусом, как любил Виталий. К счастью, разлука не была слишком долгой и чувства не успели совсем забыться.

— Ты стройнее стал, — заметила Зоя и спросила с лёгкой ревностью в голосе: — Снова стал ходить в спортзал?

Она вспомнила, как обращают на себя внимание мужчины, переполненные тестостероном. Представила мужа, любезного с молоденькой девушкой. Но Виталий хитро подмигнул Зое, взял её за руку и повёл на балкон. Там стоял новенький спортивный велосипед.

— Езжу, когда погода позволяет, а в остальное время хожу быстрым шагом в парке по два-три часа в день. Сплошная экономия, и для здоровья на свежем воздухе полезнее. Не ради красоты, а чтобы чувствовать себя лучше.

Последние сомнения исчезли. Зоя игриво взглянула мужу в глаза. Виталий помнил значение её томного, с лукавым прищуром взгляда. Второго приглашения Виталию не потребовалось. Зоина кофточка повисла на руле тренажёра... Полезная всё-таки в быту вещь. Мир был восстановлен.

А «Колю» затем подарили тестю Виталия. Ему доктор кардионагрузки прописал.

ХУДОЖНИЦА, ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

Рисунки военных лет, как вся та жуткая эпоха, пронизаны болью и страхом, голодом и тяжёлым трудом, иногда — доблестью и героизмом, верой в неминуемую победу, но они редко похожи на хронику повседневной жизни. Тем интереснее творчество Хельги Вайс, юной в 1941 году еврейской девчушки из Праги, отправленной вместе с родителями в концлагерь. Дневник с её уникальными рисунками нашли в груди кирпичей, оставшейся после победы союзников и уничтожения лагеря, в котором содержалась семья Вайс. В рисунках Хельги, несмотря на отчаянное положение, ясно видна надежда на будущее, умение приспособиться к жутким условиям и даже любить. Да, свою первую любовь Хельга встретила именно там — за кирпичной стеной концентрационного лагеря...

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ ДО ВОЙНЫ

Хельга родилась в 1929 году в семье Отто и Ирены Вайс. Отто был талантливым пианистом, который в Первую мировую войну получил ранение, был вынужден оставить любимое занятие и начать работать в банке. Будучи сам творческой личностью, Отто Вайс поддерживал и развивал в дочери талант начинающей художницы.

Беззаботная жизнь закончилась с началом Второй мировой войны. На первых страницах дневника Хельги отражена угроза нацистского вторжения: тревога и воздушные налёты, изгнание еврейских детей из школ, а взрослых — с рабочих мест, жёлтые звёзды на одежде. Пугали девочку и зловещие разговоры о «транспорте», который увозил людей в неизвестность...

ЗА НИМИ ПРИШЛИ

Хельга видела, как её друзей с родителями хватили и, под шум и крики, выталкивали из квартир, отправляли на железную дорогу, откуда их транспортировали в трудовой лагерь. Этот лагерь существовал как перевалочный пункт. Там евреев заставляли работать перед отправкой на уничтожение в лагерь смерти. Всего происходящего 10-летней Хельга не знала, не всё понимала, но увиденное вызывало у неё возмущение. Она постоянно спрашивала своих родителей, что происходит, и злилась, потому что родители отмалчивались и что-то недоговаривали. Но что они могли сказать, как объяснить ребёнку, почему вокруг творится насилие и несправедливость?

Каждый день Хельга думала, что самое плохое уже случилось, что теперь всё постепенно наладится. Это была своего рода детская надежда... и каждый раз случалось что-то ещё более ужасное. Хельгу и её семью арестовали. Их квартиру заняли немцы.

ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ ТЕРЕЗИЕНШТАДТ

К вопросу уничтожения людей нацисты подошли с германской обстоятельностью. На первом этапе, в трудовых лагерях, из заключённых выжимали максимум пользы на тяжёлых принудительных работах, а потом измученных людей отправляли в лагерь смерти.

Семью Вайс отправили 4 декабря 1941 года в трудовой лагерь Терезиенштадт. С собой в заключение Хельга смогла пронести карандаши и краски, и по совету отца стала рисовать то, что видела вокруг. В лагере мужчины и женщины находились в разных бараках, но иногда им удавалось общаться. Сначала Хельга жила с матерью, но позже детей перевели в отдельные бараки.

Юные друзья по несчастью, они действительно сдружились, пытались наполнить свою жизнь придуманными праздниками и пирами, которые устраивали из утаённых или сворованных остатков еды. На одном из ранних рисунков Хельги изображена целая телега с хлебом. Имелись у Хельги и другие жизнерадостные рисунки. Как дети лепят снеговика. И музыканты, играющие на скрипках.

Хельга, помня совет отца, не забывала рисовать повседневную жизнь: общие душевые, очередь за едой, прибытие новых заключённых, медицинский кабинет. На одном из рисунков показан день рождения подруги Хельги, девочки-ровесницы Франки. Сам рисунок представлен фантазийной композицией из прошлого, настоящего и будущего. Вот 1929 год — обе девочки ещё младенцы в палате роддома; в 1943 году подруги уже стали подростками — делят двухъярусные нары; а затем мечта о будущем — в 1957 году подруги уже стали мамами, катят коляски... Рисунок дополнен записью о том, что Франка погибла в Освенциме, не дожив до своего 15-летия.

В Терезиенштадте 15-летняя Хельга встретила свою первую любовь — 25-летнего парня по имени Ота. Они держались за руки и тайком целовались. Хельга написала, что Ота не был «бешеным, как парни других её знакомых девочек». Ота относился к своей юной подруге с уважением и любовью.

Рисовать в лагере было делом опасным. Пойманных с рисунками детей вместе с родителями отправляли в тюрьму для политических заключённых на верную смерть. Хельга прятала рисунки под половицами барака.

В лагере слово «транспортровка» обрело осязаемо зловещие формы. Люди не просто таяли в тумане неизвестности, они превращались в топливо прожорливой нацистской машины смерти — сгорали в ней навсегда. Хельгу напрямую это коснулось в сентябре 1944 года. Тогда в лагере объявили, что «транспортируют» 5000 мужчин. В списки попали отец Хельги, дядя и её молодой человек Ота.

Был пост Судного Дня (еврейский Йом Кипур). Хельга ничего не ела в надежде, что немецкий поезд сойдёт с рельсов и сломаются грузовики. Но тщетно... Транспорт подали с ужасающей пунктуальностью.

В последний перед отправкой вечер, следующий после Йом Кипура, отец Хельги и Ота демонстрировали женщинам хладнокровие. На русский манер они крутили самокрутки, вместо табака используя высушенную чайную заварку. Беседовали и даже смеялись... Только перед самой отправкой отец обнял Хельгу и её мать. Они стояли и не могли сдержать слёзы.

«Не важно, что происходит, мы обязаны оставаться людьми — тогда мы не умрём, как скот», — сказал перед расставанием отец Хельге.

Спустя несколько часов дорогих ей людей отправили в Освенцим, где от них не осталось даже надгробия. В те дни Хельга закончила иллюстрированный рассказ и спрятала свой дневник в кирпичной стене, где он и пролежал до конца войны. А через несколько дней после мужчин конвейер смерти поволок в жерло новую партию — на этот раз женщин и детей. Там оказались и Хельга с матерью. Тогда наставления отца приобрели особый смысл...

ВОПЛОЩЕНИЕ СМЕРТИ В ОБЛИКЕ ЧЕЛОВЕКА

Хельгу, её мать и других заключённых погнали в товарные вагоны железнодорожного состава, который следовал на восток — в Польшу. Хельга не знала, хорошо это или плохо, пока не оказалась на железнодорожной платформе Освенцима. Лагерь встретил их дымящимися трубами крематориев. Возле железнодорожной платформы безмолвными тенями сновали «скелеты» в грязных пижамах — это были заключённые лагеря. Они укладывали доски, а надсмотрщик жестоко избивал их дубинкой.

Перрон Освенцима стал вратами ада, которые отворил сам сатана! Новоприбывших встречал доктор Менгеле, устроивший тут же «сортировку смерти». Он внимательно осматривал заключённых, выстроенных в длинную очередь, и пальцем указывал, куда отправлять людей. Женщин с детьми, пожилых и обессиливших ставили слева — им «доктор Смерть» отказал в праве на существование. Других выстраивали справа. Временно сохраняли жизнь тем, кого Менгеле выбрал для садистских медицинских опытов либо собирался отправить на изнурительные физические работы.

Хельге было всего пятнадцать, что означало прямой путь в крематорий. Но она постаралась выглядеть и вести себя старше своих лет, как «пригодный человеческий материал» для работы. Девушке повезло оказаться справа. Свою мать она выдала за старшую сестру, солгав относительно её настоящего возраста. Так обе женщины отправились в рабочий барак, но не в газовую камеру. Из 15 тысяч отправленных в Освенцим из лагеря Терезиенштадт детей не больше тысячи пережили ту сортировку на станции. Детей разлучали с их матерями.

Лагерь Терезиенштадта на фоне Освенцима казался теперь санаторием. Десять дней, проведённых в Освенциме, были хуже трёх лет в Терезиенштадте.

Хельгу и её мать Ирену спасло стремительное наступление Красной армии. Гиммлер приказал уничтожить газовые камеры и крематории, а узников отправить в лагеря на территории Германии. Сначала Хельга попала в лагерь Флоссенбург, а затем заключённых погнали 16-дневным пешим «маршем смерти» в лагерь Маутхаузен. Многие узники погибли от истощения. Хельге снова чудом удалось избежать смерти, но она уже была больная и обессиленная.

ВЫЖИЛИ...

В мае 1945 года союзные войска освободили узников лагеря Маутхаузен. Хельга настолько была измождена, что, по её словам, даже не смогла ощутить радости от свободы, когда распахнулись ворота.

Хельге и её матери посчастливилось вернуться в Прагу, в ту же квартиру, из которой их забрали три с половиной года назад.

Дневник с рисунками разыскали уже в мирное время.

Хельга стала взрослой, вышла замуж, у неё родились двое детей. Все три поколения — сама Хельга, её мама и дети — жили в той самой квартире. Потом дети выросли, обзавелись собственными семьями. Мать Хельги так и не вышла замуж, она умерла в преклонном возрасте. Затем скончался муж, а сама Хельга осталась одна в квартире, которую не хотела покидать — так много воспоминаний с ней было связано.

Ещё в лагере девушка решила жить полной жизнью. В Праге она брала уроки рисования и стала профессиональной художницей. Многократно представляла свои работы на выставках в разных странах, включая Германию. Хельга Вайс отмечена многими наградами. В 2013 году её детское творчество было официально опубликовано под названием «Дневник юной девочки Хельги — история жизни в концентрационном лагере».

ЙОЗЕФ ШМИДТ: ЗАБЫТЫЙ ТАЛАНТ

ЗВЕЗДА ЗАЖГЛАСЬ

Йозефа Шмидта часто сравнивают с другим великим оперным певцом — Энрико Карузо. Порой их имена объединяют. Шмидта в прошлом называли «Карузо радиоволн», теперь чаще используют такие обороты, как «еврейский», «немецкий», «буковинский» Карузо. В этом отражаются место рождения Шмидта, его этнические корни и психологическое стремление людей, слышавших его пение, ассоциировать выдающуюся личность с собственной историей и культурой. Своим его называют в Украине, Австрии, Германии, Румынии; по праву евреи считают его представителем своего народа. В конечном итоге консенсус не был достигнут, и Шмидт превратился в гражданина мира, кем он сам себя считал. Он знал несколько языков, среди которых идиш, румынский, французский, английский и немецкий; учил иврит.

Йозеф Шмидт родился в бедной еврейской семье 4 марта 1904 года в деревне Давидени (ныне Давыдовка) Черновицкой области. Тогда эта территория входила в состав Австро-Венгерской империи; после Первой мировой войны, в 1918 году, перешла под контроль Румынии, а в 1940 году досталась Советскому Союзу. Теперь это территория Украины.

В 1914 году Йозеф с родителями переехал в Черновцы, которые в те годы, будучи столицей эрцгерцогства Буковина, считались одним из видных европейских культурных центров.

Музыкальные способности у ребёнка проявились очень рано. Мальчик обладал природным слухом и постоянно пел. В Черновцах он поступил в гимназию, брал там уроки музыки (скрипку, фортепиано и вокал) и участвовал в детском хоре в городской синагоге. Овладевал сложной техникой канторского пения. Впоследствии он стал брать уроки вокала у лучшего

педагога города Фелиции Лерхенфельд-Гржимали — племянницы профессора Яна Гржимали, одного из основоположников русской скрипичной школы.

Талант Шмидта по достоинству оценили в 1924 году. Событием, определившим дальнейший жизненный путь певца, стал грандиозный успех на его первом сольном концерте в зале Музыкального общества, который теперь стал областной Черновицкой филармонией.

ЕГО ПЕСНЯ ШЛА ПО СВЕТУ

После блистательного выступления в синагоге еврейская община города собрала деньги, позволившие молодому таланту обосноваться и продолжить обучение в Берлине. Там он совершенствовался в вокале в Берлинской академии музыки у профессора Германа Вайссенборна, который, зная о бедности своего ученика и признавая его дар, не брал платы за обучение.

Бедой певца был маленький рост — около 150 см, — из-за которого он не мог быть принят в оперный театр. Но Шмидту улыбнулась удача. На Радио-Берлин организовали Музыкальную студию, задачей которой была постановка опер в прямом эфире. Тогда не существовало магнитофонной записи — петь приходилось вживую. Была проблема найти хорошего тенора. Шмидт принял участие в конкурсе молодых исполнителей и своим пением поразил известного голландского баритона Корнелиса Бронсгиста, который сказал молодому человеку: *«Тебе не нужно больше искать работу — ты всё будешь петь здесь»*.

Мировая слава пришла к Шмидту в 1929 году. Буквально после первого выступления редакцию радиостудии засыпали письмами тысячи поклонников с просьбой рассказать о певце и продолжить транслировать его выступления. Некоторые слушатели признавались, что пение Шмидта исцеляет, снимает депрессию и даже останавливает потенциальных самоубийц. На радио с 1929 по 1933 год Шмидт спел главные партии в 37 постановках.

Из газетной заметки:

«...в “Аллилуйе” Моцарта Шмидт создаёт конкуренцию любому колоратурному сопрано. С Монтеверди его пение ведёт назад к историческим истокам сольного пения. Итак, непрекращающийся финиш тенора. Высокие, выше, самые высокие тоны, которые он с лёгкостью повторяет».

Выступление Шмидта в Вене в 1932 году прошло с триумфом. Билеты после объявления о предстоящем концерте раскупили за 5 часов.

В 1934 году певец отправился в турне по Ближнему Востоку. По пути дал концерты в Бухаресте, Софии, Афинах, Стамбуле. Везде был успех.

Билеты в Тель-Авиве, Ришон-ле-Ционе, Хайфе и Иерусалиме были сразу же распроданы. Но желающих попасть на концерт оказалось так много, что концерт в Тель-Авиве повторяли ещё четыре раза. И всё равно далеко не все желающие смогли услышать пение любимого актёра. Там же он записал две уникальные еврейские молитвы «Ki lekach tov natati lachem» (*«Потому, что Я дал верное учение»*) на иврите и «Ano avdoh» (*«Я твой слуга»*) на арамейском языке.

В Голландии газеты писали: «Когда Шмидт поёт, кинотеатры пустеют». В июле 1936 года прошёл концерт под Биркховеном, в 25 километрах

от Амстердама. Более 100 тысяч слушателей явились туда, чтобы увидеть и услышать великого артиста.

ЛЮБИМЫЙ ПЕВЕЦ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

По странному стечению обстоятельств, 30 января 1933 года, когда к власти в Германии пришли национал-социалисты, немецкое радио транслировало выступление Шмидта, исполнявшего в тот день бóльшую часть передаваемых песен. После каждого сообщения о ходе выборов диктор объявлял: «И опять поёт наш любимец Йозеф Шмидт».

Впрочем, недолго он был «любимцем немецкого народа». Очень скоро ситуация в стране изменилось. Артистам-евреям стали запрещать выступать в концертах. Дошла очередь и до Шмидта. Менее чем через месяц его уволили с радио.

Любопытно, что рейхсканцлер Йозеф Геббельс был хорошо знаком с творчеством Шмидта и даже 9 мая 1933 года присутствовал на премьере фильма «Эта песня идёт по свету», в котором Шмидт исполнил главную роль. Фильм изначально планировали назвать «Народный певец», но скоро создатели поняли, что ни они сами (среди них было много евреев), ни Шмидт больше не являются «народными». Поэтому фильм переименовали.

Сценарист Эрнст Нойбах — венский еврей, переживший Холокост, — после войны утверждал, будто бы Геббельс предлагал Шмидту 80 тысяч рейхсмарок в месяц (*почти 200 тысяч евро на 2017 год*), если тот согласится выступать на германском радио и станет «почётным арийцем». Сведения эти крайне сомнительны, учитывая не только баснословный гонорар, но и одержимую превосходством арийской расы личность Геббельса.

В декабре 1933-го Шмидт перебрался в Вену и оттуда продолжал часто ездить на гастроли.

Несмотря на то что у Шмидта были миллионы поклонниц, знавшие его как грустного, одинокого маленького человека и готовые его утешить, он никогда не был женат. Однако это вовсе не означает, что он был неопытен в любовных делах. Пресса периодически пыталась разнюхать пикантные подробности его личной жизни. Известно, что самые долгие отношения у него были с 24-летней польской еврейкой Лотте Рейг (Lotte Reig), бывшей замужем за Отто Кохом, тоже евреем. Это были бурные отношения, полные скандалов и страсти. В 1935 году мадам Кох заявила, что беременна от Шмидта. Его реакция на это неизвестна. В том же году во время гастролей он получил телеграмму о том, что у него родился сын (его ли?) — Отто Кох-младший, — который дожил до наших дней в Антверпене.

В 1937 году Шмидт дважды побывал в США с гастролями: дал шесть концертов в Карнеги-Холл, ездил с выступлениями в штаты Огайо, Пенсильвания, Колорадо, Северная и Южная Дакота, Алабама, Техас и Флорида. В Голливуде ему всего за 3 минуты пения в фильме предлагали 10 тысяч долларов (*171 тысяча в переводе на доллары 2017 года*). Он подписал договор о намерениях на 1940 год и совершил роковую ошибку: вернулся в Европу — к маме, друзьям, поклонникам...

За пять дней до аншлюса Австрии, весной 1938 года, Шмидт со своей спутницей Лотте Рейг и её сыном Отто покинули Вену и колесили

по неоккупированным странам Европы, которые одну за одной покорял Гитлер. Так, в 1939-м, после нападения Германии на Польшу, Шмидт оказался в Брюсселе. Там сбылась его последняя мечта: несмотря на маленький рост он был принят в Брюссельскую королевскую оперу Ла Моннэ.

Кроме записей на немецком и итальянском сохранились записи Шмидта на английском, французском, испанском и голландском языках.

ПАДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

В 1940 году, после присоединения Буковины к СССР, Румыния выступила союзницей Германии. Уже не оставалось сомнений в участии европейских евреев. Шмидт получил от матери письмо, в котором она умоляла его покинуть Европу. Певец не послушал — тянул с отъездом до ноября 1941 года, находясь в Ницце. Тогда он оформил визу на Кубу и заказал билет, но по роковой случайности или по чьему-то злому умыслу этот билет достался кому-то другому. На территории Франции было оставаться опасно. Правительство Виши всячески содействовало гитлеровцам в поисках и отправке евреев в концентрационные лагеря.

До этого богатый человек, Шмидт теперь влачил нищенское существование. Ему не давали выступать, и все активы в банках были заморожены нацистами.

Подруга Шмидта Лотте давно бросила его и бежала с сыном и новым любовником в Нидерланды.

Последний свой концерт певец дал в городке Монт-Дор в августе 1942 года в пользу таких же беженцев, как он сам. Этот концерт организовал Габриэль Пигэ, епископ Клермон-Феррана, который упорно добивался от властей разрешения на его проведение. Учитывая цель концерта, Шмидт отказался от гонорара, хотя крайне нуждался.

Из Франции Шмидт с большим риском нелегально перебрался в Швейцарию, в Цюрих. По прибытии он обратился к друзьям и в еврейские агентства с целью получить документы на легализацию. Но вместо этого получил повестку с требованием незамедлительно отправиться в лагерь для беженцев в поселок Гиренбад в 30 километрах от Цюриха.

Шёл октябрь 1942 года. На полуразрушенной фабрике, где располагался лагерь, было очень холодно. Не было тёплой одежды и обуви. Кормили плохо. Днём интернированных отправляли на земляные работы. В начале ноября Шмидт заболел простудой и стал испытывать сильные боли в груди. Его поместили в госпиталь. Там Шмидта посетили тенор Макс Лихтегг и баритон Марко Ротмюллер. Они пообещали, что сделают всё возможное, чтобы вернуть певца на концертную сцену. Однако врачи отнеслись к жалобам больного халатно, посчитав симулянтом, и после недолгого осмотра и несложных процедур отправили назад в лагерь.

Утром 16 ноября комендант лагеря отпустил совсем больного Шмидта в сопровождении товарища в трактир «Вальдегг», чтобы тот мог отдохнуть и согреться. В трактире Шмидту стало плохо, и он скончался до приезда врача. Прибыл раввин, тоже из заключённых, и прочитал кадиш. Вечером тело покойного отправили в Цюрих.

Пятнадцать заключённым позволили сопровождать катафалк, но вышел весь лагерь. Швейцарские охранники не стали препятствовать процессии.

Похоронили Шмидта на еврейском кладбище. На похоронах присутствовали девять человек, среди которых был Марко Ротмюллер. На памятнике выбили надпись: «EIN STERN FALLT» («Звезда падает») — как отзвук его знаменитого фильма, снятого в Австрии: «Звезда падает с неба». Шмидту было 38 лет...

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА НА ЗАПАДЕ И ЗАБВЕНИЕ НА ВОСТОКЕ

Однако история не заканчивается с его смертью.

После войны Румыния отошла в зону интересов Советского Союза, что привело к закрытию границ с Западом. Мать Шмидта, пережившая войну и профашистский румынский режим, не смогла попасть на могилу к сыну. Она умерла в 1950 году.

Несмотря на то что в странах восточного блока имя Шмидта было предано забвению, выяснилось, что на Западе после войны многие компании грамзаписи сохранили пластики с его выступлениями. Прекрасный голос вместе с трагичной судьбой вернул певцу славу.

От автора. Предыстория этой статьи такова. Позвонили мне из еврейской общины города Виннипега с вопросом, могу ли подготовить лекцию для сеньоров — аудитории от 65 до 90 лет с «хвостиком». Тема какая? Любая, только не политика и не религия, а то люди в возрасте, разволнуются... Договорились побеседовать о выдающейся еврейской личности — Йозефе Шмидте. Сеньоры остались довольны, а один из них, очень пожилой профессор Исраэль Пилат, расчувствовался, сказал, что, хоть и был тогда ребёнком, помнит выступление Шмидта в Черновцах. Однако не уточнил, был ли то концерт 1924 года или один из более поздних.

В этой статье использованы материалы, любезно предложенные мне экспертом, исследователем творчества Шмидта Леонидом Флейдерманом, и статья Яна Некерса (Jan Neckers), автора биографии Шмидта для Opera Nostalgia.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Родился в 1947 году в городе Фрунзе (ныне Бишкек, Киргизстан). Народный поэт КР, заслуженный деятель культуры КР, лауреат Государственной премии КР, литературных — Русской премии, Премии им. Фазиля Искандера и др., автор 12 поэтических сборников, ряда книг переводов поэзии Запада и Востока. Автор многочисленных журнальных публикаций. Доктор филологических наук, профессор. Живёт в Киргизии.

ВСТРЕЧА

вслед за скорбной молвой
ни о чём не расспрашивая
тёмным ликом светлея в распаде годов
сокровенною поступью ксения некрасова
всё минует заставы больших городов
мы встречали во тьме эти тени заснеженные
на изломах проспектов в просветах полей
их слепые глаза с отрешённою нежностью
проводжали года как толпу журавлей
одинокое небо начертано начерно
звонкий возглас обломит сосульку — и звон
серебристой утратою час обозначивая
ксеня! — молча кричит перекрёсткам времён
сколько слов виноватых об этом ни сказано
виноватыми кажутся только слова
среди горькой изночницы ксения некрасова
всё читает рассветы светла и слаба
неуслышанной — ей не уютиться над осенью
но продлится над осенью ласковый вздох
под родимой брусчаткой историей тёсанной
оскорблённо-обугленный жив скоморох
серый ветер и дождь
а над ними всесильная
и вселюбящая — светит странствий звезда
и с усталой улыбкой некрасова ксения
видит солнечный сон уносясь в никуда

* * *

В Париже, в несусветном марте,
короткий коротая век,
считает звёзды на Монмартре
беспутный граф Тулуз-Лотрек.
Он трость купил у антиквара
с бутылью хитрою внутри —
смеётся, пробку открывая:
«Я пьян задолго до зари!..

Прямей луча пути кривые,
светил таинственная связь.
Поместья бросив родовые,
он жив, в борделе поселясь.
Амбре конюшни и прогресса,
как он, не ведает никто,
лишь грешный ангел, клоунесса
под куполами шапито.

Душа ужасного Лотрека,
как некий джинн, заключена
внутри житейской лотереи —
в сосуде красного вина.
Над ним небесный облак вышит,
от коего пророк зачах,
геенна огненная дышит
в его улыбчивых очах.

На жёлтом зареве Лотрека,
уроненные на холсты,
мне молча видятся от века
его погибшие черты.
Жизнь провожая, точно гостью,
что слишком заждалась такси,
и я взмахну вот так же тростью
впотьмах веселья и тоски.

СОБЕСЕДНИКИ

Перелётные души на старте сбиваются в стаи,
подставляя крыла либеральным воздушным путям.
Здесь любая судьба состоялась из горя и стали,
из чего она слепится, птаха счастливая — там?

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Что за крылья вручают — мечта на свету, оригами! —
высоко и светло, позади только кухонный чад.
Здесь икары ещё облетают отчизну кругами,
неокрепшие перья на отчую землю летят.
Их нетрудно понять, им же можно, смеясь, оправдаться:
этот мир — терминал, да и просит природа своё.
Вот и кружат вверху, позабыв притяженье гражданства,
ибо не приземлиться на прежнее это жнивье.
А земля велика и не слишком придирчива к грязи,
горечь смоем потоп, остальное — в пожарах сгорит.
Пусть же славят полётом всю скудость и однообразие,
пусть прощаются с детством, прилипчивым, как гайморит.
Пусть простятся,
круги нарезая над ширью заветной,
от межи до межи отмеряя свои рубежи,
оставляя ненужное этой земле безответной —
скорбный скарб, воск воскрылий,
частички души...

Ирина ЧУДНОВА

Родилась в январе 1974 года в Ростове-на-Дону, детство провела в городе Ясный, в Оренбуржье. В 1991-м поступила на геолого-географический факультет Ростовского государственного университета (ныне ЮФУ). В 1993 году уехала в Китай, училась в Китайском геологическом университете (город Ухань), после защиты переехала в Пекин, где и живёт по настоящий день. Переводчик, фотограф, журналист-фрилансер. Автор многих журнальных публикаций.

...И ЛАСТОЧКА МУТИРУЕТ К СОВЕ

I.

..и ласточка мутирует к сове — чей глаз как жёлтая полоска из-под двери, а ты лежишь на свежей простыне, тебе шесть лет: ты мал, пуглив, безмерен и любопытен. Тени на стене рисуют крыльев мах и посекундно меняются: ты замер беспробудно, ты жмуришь страх, ты в доме и вовне. Ты — ветер, и колышешь кроны ив, движением ресниц стреножишь время сторожкое, лишь потому раним и чётко, что на долгий миг доверил сердечный стук дверному косяку и замер ожиданьем скрипа несмазанных петель.

Она безлика, но ощутима. Смерть. Она в дому.

Пространство упирается в глаза, рождая красный отсвет на сетчатке, клонируются тени — отпечатки совиных крыльев. Майская гроза — и та не заглушит их чёткий след: полночный шорох, метроном печальный; назад тому две ночи умер дед. Сосновый гроб стоит в угрюмой спальне — потусторонней мебели предмет. Там сладковатый обморок сирени тревожит надзеркальный креп и забивает ноздри.

Эхо тени и тени эха — дед был глух, и слеп, и молчалив, бездвижен, недвижим, лишь вязкий сип, надсадный голос лёгких подсказывал, что дед пока что жив. Босая смерть облизывала стёкла на всех часах. Сырой рассвет

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

день ото дня худел. Замком гремел, как тощая сиделка,
когда входило утро. Стрелка на дедовых часах умаялась вконец,
замкнув собой дыхание и боль. Ловец разжал ладонь — и загнанная
белка легла ничком в сердечном колесе.

Теперь ты учишься не доверять росе:
сирень, гроза и все, и всё вокруг тебя подыгрывает смерти. Ещё минута —
и светает.

Там что-то шаркает... застыть? кричать? ...вот-вот!

Но это бабушка идёт. Дверь, наконец, скрипит.

И всё в тебе мгновенно засыпает.

II

Ты ни за что губами не коснёшься уже чужого дедовского лба.
Но первым твой ком земли ударит в крышку гроба. Отступит смерть.
Сова и ты — вы оба сочтёте ласточек в промытой вышине
над кладбищем. Поверх чужих могил. И ты почувствуешь,
как дед тебя любил: сурово, сдержанно, необычайно —
что было сил — и в отходном бреду.
Так ложечка кружится в чашке чайной и увязает в сахарном меду.

Бабуля доживёт до взрослых лет. Твоих. Уйдёт внезапно.
На кладбище соседка и сосед поедут. Там ты осознаешь: дед
не был отпет как следует. На ватных ногах домой вернёшься.
Молод. Сед. Глядеться в толщу лет — чужих, своих, непрожитых,
нестрашных, какие есть. Назавтра съешь обед — тот, что был сварен
бабушкой. Домашних харчей забудешь вскоре вкус и цвет.

До той поры, когда... Сирень. Сосна. Снята на отпуск дача на берегу
реки. Луна и ласточки. Любовь. Полоска света прорежется из-под
дверной доски. Но детские секреты рассказывать не станешь милой.
С ней меж свежих простыней так славно, так легко молчать про это,
как отсчитать по списку кораблей свою судьбу.
Гроза. Начало лета. Стрекогут насекомые в траве,
цикады и кузнечики — поэты.

..и ласточка мутирует к сове.

28–30.01.2018

Пекин, Байваньчжуан — Луницэ

НАДМОДЕРНИЗМ

(аллюзивное)

Н. Зонову

В час, когда всё дотла догорело, осталась одна зола
и дожди остудили прах, ты в землю воткнул два кола,
на белый повесил тулуп из зайца, на красный — картуз,
и кровавое солнце лепилось на спину в бубновый туз.

С колотушкой явился февраль, нарыдал поднебесье чернил,
гопота расколола фонарь над аптекой в метель — ты чинил,
подобрал наконец башмачки, что в тот месяц всё падали на пол.
Положил эти ночи на дюжины стонущих плеч —
хорошо б наконец от зимы отдохнуть и прилечь,
но слезилась зануда-свеча, воск в клепсидры истории капал...

Небо узкое хмурится, жрёт провода и плюёт шелуху ворон,
ежедневно в Останкине башня играет реквием солнечных похорон,
и в окрестных домах реновацией грезят глазницы,
но страшатся её, подтянув по-хрущёвски балкон
к подоконнику. Если тебе не спится и чтобы не спиться,
забаррикадируйся вирусом, космосом с тысячи тысяч сторон.

И, сполна отработав свой ад, номерку на ноге вопреки,
я, быть может, узнаю, в какую манипулу встанут мои стихи
и какой позвоночник им флейтой положит посмертный Вергилий.
Надевай же на правую руку митенку с левой руки,
на той самой подножке, на плахе трамвайной тоски,
на которой пристало стоять, пока нас до конца не забыли.

Пока нас наконец не зарыли. До дыр замусолив тетрадь —
если надо стихи объяснять, прощай лошадь у бабы отнять
на скаку — пусть пожар до венцов нижних избы-читальни залижет,
как котят. Так-то, брат Геродот-Герострат, жги глаголом —

они не горят, я же вижу!

*04.02-26.03.2018**Пекин, Луницэ — Москва, Тимирязевская*

Алина ДАДАЕВА

Родилась в Узбекистане в 1989 году. По образованию журналист. Проживает в Мексике.

Публикации: журналы «Звезда», «Дружба народов», «Новая Юность», «Звезда Востока», *Asymptote*, *ModernPoetryinTranslation*, альманахи «Новые писатели», «Буквы на камнях», «Междуречие». Финалист Волошинского конкурса, премии Дмитрия Горчева и конкурса «Русский Гофман». Лауреат переводческих конкурсов «Читающий Петербург» и «Евразия».

* * *

Х. V.

Если мир под водой, рыба просится на ковчег.
 Не оставь, человек, помоги отыскать плавник.
 Каждой твари по паре век
 (пусть и нету век)
 над глазами, глядящими в глубину,
 куда луч не проник пока, но река — потоп,
 значит, ближе к солнцу, значит, потом — рассвет.
 Не оставь, человек, я тебе пригожусь, верну
 этот долг с лихвой, хоть распятем, хоть сходом в ад,
 хоть твердыней вод, только чтобы след
 мой двоился, как мир, который ушёл на дно.

* * *

Памяти С. И.

Лысая женщина поглаживает траву,
 влажную от росы,
 бормочет: какие волосы,
 какие волосы...
 У меня такие же были,
 голову мыла — в неделю четыре раза,
 заплетала французские косы в четыре ряда,
 длинные, как ужи,

боялась, задушат тебя, покамест сплю,
рядом с собой не ложила —
всегда в колыбелью.
Снова теперь отрастут хорошие —
всем волосам трава.
Только ты меня справа положи, слева
тени много, покуда зазеленею,
последними соками изойду.
Давно в зелёный выкраситься хотела,
да страшно было.
Обалдела баба — скажут, думала,
со свету сживут, думала,
без того, что ли, мало мне, думала.
Стакан на старость мою
выливай в траву —
пусть растёт густей,
у меня лучше всех пусть растёт.
Воды не жалея, но не так,
чтоб потом мне лежать в воде.
Подстригай меня чаще — я ж давно
хотела по моде, да всё как-то ничего.
К сентябрю покороче можно,
но не так, чтобы до конца.
А ведь и нету его — конца,
нету его.

* * *

Листья падают, как солдаты, в грязь,
превращаются в перегной.
«Не ходи за мной, — говорила им смерть, —
нечего тут толпой,
нё на что тут смотреть
раньше времени: лист, человек, бог,
будешь ждать и лежать,
набухать, удобрять, проращать,
пахнуть скисшими розами и росой,
морокком, молоком.
Все мне дети едины, да между ног
вас разом не унести,
а поле уже полно́
младенцами в алых мундирах —
как летели, так и смешались, смеясь в полный рот,
кто их теперь такими весёлыми поберёт?
кто с земли тебя подберёт?»

Сергей ПАГЫН

Родился в 1969 году в Молдавии, в городе Единцы. Окончил филфак Бельцкого пединститута. С 2000 года — главный редактор регионального издания «Норд-инфо». Автор пяти книг стихов. Дипломант Международного поэтического конкурса имени Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна». Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

* * *

Ты говоришь — и смерти нет...
Есть осень, ветер, табурет
у мокрого порога.
Ещё есть тыква-голова,
в тазу опавшая листва
и капля-недотрога,

что на верёвке бельевой
висит, горит сама собой...
И шерсть дрожит овечья,
репёём уловлена сухим,
и надо всем домашний дым
беззвучной длится речью.

* * *

Оса на тёплой глиняной стене,
ореха лист, слетающий беззвучно...
К всеобщей подготовлен белизне,
осенний мир является поштучно.

И помнишь ты ещё наперечёт
и тыквину на лавочке, и грушу,
дымок костра, разлуки горький рот,
во сне твоём неясном промелькнувший.

И шуришься, и плачешь на свету,
и ничего о будущем не знаешь,
но словно впрок ты сада пустоту
слезою безголосой наполняешь.

* * *

Есть в жизни жизнь — крылатая, другая...
Когда скворчина на сад осенний стая
находит с шумом,
сыплется листва...
И ты в кричащем хаосе отлётном
сидишь на лавке в страхе безотчётном,
и медленно кружится голова.

Как будто кто-то латку снял с прорехи —
и хлынуло,
и падают орехи,
и птичья бездна бьётся меж ветвей.
О, сколько в ней пугающего чуда
и жажды неба дальнего — как будто
небес окрестных не хватает ей.

* * *

Репейника сухого семена
клюёт синичка голою зимою,
в которой есть другая тишина,
сквозь ветер говорящая со мною

и с крохой этой...

Пение и речь
незримого мгновенного другого.
Не донести, не спрятать, не сберечь
ни щибета, ни музыки, ни слова.

Я только знаю, только чую: вот —
в вороньем этом ветреном вертепе
синичий бог в шиповнике живёт
в своём цветущем несказанном небе.

Марина ГАРБЕР

Поэт, эссеист. Родилась в Киеве, Украина. Эмигрировала в 1989 году. Магистр искусств, преподаватель английского, итальянского и русского языков. Автор четырёх книг стихотворений. Училась в Италии, жила в Люксембурге. В настоящее время живёт в США, штат Невада.

* * *

Думали, что синица замёрзла, — с вечера
здесь щебетала глупая птичка певчая.

А поутру, когда, наконец, оттаяла,
ахнули хором: это ведь Полетаева

Танька из проходного двора, с четвёртого!
Там ещё колесо от пикапа чёртова

к чахлой сосне соседом на руку скорую
крепко прилажено. Вспомнила, нет? Которую

на перекрёстке, возле ларька при булочной,
мы обзывали, хлебом соря, придурочной,

вторя друг другу, будто в лесу аукая,
звали её растяпой, тетерей — хрупкую,

в съехавшей шапке, в жутком пальтишке ношеном,
слёзы глотавшую, хлебное наше крошево,

наши смешки, снежки, подковырки, окрики,
шуточки о её несуразном облике:

пух и перо — шея, запястья, талия.
Где твои крылья, Танечка Полетаева?

Глаз не видать, вечно лицо отвёрнуто —
в холод подъезда, в тьму коридора, в комнату,

где ото всех портьерами занавешена
детского одиночества стынть крошечная,

где на обоях чёрные делятся полосы,
жирно тушуя робкое право голоса.

Не доносилось тихое: «Сделай что-нибудь», —
только снега мягко стелились по небу,

как простыня, сыпя крахмалом прачечной, —
всех приберёт прачка рукой горячечной,

каждому да воздастся, а нам — сторицею.
Что же ты плачешь над неуёмной птицею?

Эко щебечет, предупреждая: палево!
Все запоём. Танька — и та оттаяла.

* * *

Г.Б.

Детские тайны — скромная предоплата
за маету, что выпадет нам обоим, —
вспышки, смешки и шепотки в палатах
после отбоя.

Вместо романых, бишь романтичных, вместо
сказок (увы, не всё, что блесит, — злато), —
спешность признаний, выдыханных в подъездах
после заката.

Всё потому, что в нашем метро бессонном,
тёмном в конце, впрочем, темней в начале,
морок, любовь-морковь — да ничего нам
не обещали.

Свет папиросный, вырванный календарный,
выпорхнув из подземки, прибился к чайной,
нет ничего нашей любви бездарней
и не случайней.

Позолотив пальцы пылью шафрана,
чаю глотнув, горло отгав наспех,
в спешке тепло не выронить из кармана
на́ снег.

Не отвечать фарам на недомолвки,
не различать птиц воронье масти,
в реках витрин видеть себя воровкой
счастья.

Под огонёк скорой, под вызов ложный,
под похоронный марш, под фанфары свадьбы —
тихо нести, тайно и осторожно,
не расплескать бы.

Время слежалось в паузах зимних пазух,
каждый из нас — бродяга и безбилетник,
будь же любим за всех нелюбимых сразу,
двадцатилетних.

Вынырнуть Эвридикой на левобережной,
сжав в кулаке зёрна граната, сдачу,
мелочь наречий — «пьяно», «легато», «нежно» —
пряча.

* * *

Наша певчая родина — безголоса,
но, как мёртвая, сраму не имеет, ведь
на смешки невзирая, на взгляды косо,
на свои обещания ввек и впредь
не трепать окраины и кордоны,
не тревожить рыбок, поправших сеть,
ежедневно с понурым аккордеоном
выходила на пристань — петь.

Наша родина — целый оркестрик звучный,
вытрясала медь, выбивала звон,
в оркестровой яме держа сподручно
балалайку, ложки, аккордеон,
дожидалась рассветного часа, знака,
чтобы грянуть музыкой наповал
и какой-нибудь озорной гуляка
обязательно родине подпевал.

Кто стыдился пошленьких «трали-вали»,
отводил от гиблых подмостков взгляд,
где огни за речкою догорали
и в который раз погибал отряд,
и пока за горло слеза держала,
из толпы блатарь подъезжал на «ты»:

так чего, пижон, тебе не хватало —
красоты, изнеженный, чистоты?

Под конец разборок и катавасий,
распустив портовых, очистив пляж,
наша родина — не Орфей, не Марсий,
а другой мифический персонаж —
уходила, бросая гроши на ветер,
подбирая палёной соломы прядь:
отплывающим нечего ей ответить,
провожающим некуда отступить.

Но когда ветерок, раскачав качели,
разойдись, гонял голубей в порту,
в перекурах пижоны в котельных пели
не о пьяной родине на ветру —
о заморских странах и какаду,
о далёком, — покуда на самом деле,
как в жаровне, звуки её свирели
угольками вспыхивали во рту.

* * *

Это нам не Марсель и не Пиза —
здесь бытует с утра допоздна
привокзальная наша отчизна,
вавилонская наша возня.

Всё здесь вылеплено из воска:
взвод еловых, отряд снегирей,
шевеливые цепи киоска,
полутень возле райских дверей.
Полоумная баба немая,
не вставая с оплёванных плит:
«Задарма батьківщини немає», —
посиневшей губой говорит.

Сизокрылый проказник отпетый,
осмелевший от говора птах,
теревит известковые гетры
на построенных строем стволах.
Значит, скоро весна, значит, скоро
первомайского праздника фарс,
и усатый, как наш участковый,
вспыхнет Зевс на плакате анфас.
Он, когда-то любимый учитель,
в старом кителе встав у дверей,
говорил: почему вы молчите
о бескрайней отчизне своей?..

Потому что, от края до края
обойдя перекошенный свет,
мы узнали: отчизны немає,
да и нас, к сожалению, нет.
Кто уехал, как будто и не был,
кто остался, как будто не жил,
остаётся лишь майское небо —
постоялых дворов старожил.
Остаётся картинка, картонка —
к ней всегда будь готов, пионер:
снежный ангел в обличье ребёнка
покидает предпраздничный сквер.

Нас так долго и строго учили
поклоняться горбам и гробам,
что жильцы в коммунальной квартире
по свинцовым читали губам,
брали жёсткую «Правду» в уборной
на вокзале за малую мзду,
правду гипсовой музыки горна
дилетанта в пришкольном саду,
правду солью приправленных прений
в тесных кухнях, в хрущёвском тепле
ненаписанных стихотворений,
тихо тикающих в столе.

Остаются святилище ночи,
прихожан меховые бока,
ветерка шутовской колокольчик,
металлический вкус языка,
на котором в заснеженном парке
мы в далёком начале пути,
батьківщині, как старой лекарке,
говорили: не навреди!
Голос лета с приветом от Фета,
голой ветки торчащая кость,
остаётся вот это, вот это...
Жаль, не помню, как раньше звалось.

Вера ЗУБАРЕВА

Ph.D. Пенсильванского университета. Поэт, писатель, литературовед и режиссёр, автор 18 книг поэзии, прозы и литературной критики на русском и английском языках, лауреат многих международных премий. Родилась в Одессе. Проживает в Филадельфии. Автор литературоведческих монографий, а также книг поэзии и прозы на русском и английском языках. Первый лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной, лауреат Муниципальной премии им. Константина Паустовского, Третьего Международного конкурса им. Александра Куприна и других международных литературных премий. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Автор многочисленных публикаций в журнальной периодике. Главный редактор журнала «Гостиная», президент литобъединения ОРЛИТА и проекта «Русское Безрубжье».

СТИХИ О ВОЛКЕ

1

Я думаю, ты всё же постучишься:
Ближайшее соседство — за версту,
А вечер погрузил моё жилище
Почти по окна в темень и листву.
Сползает со столба лианой провод,
И в лампе на исходе керосин.
И это ли не долгожданный повод,
Чтоб постучать без видимых причин?

Невесело, запущенно и дико
Мой дом произрастает из земли,
И вытоптана кем-то ежевика,
Которую собрать мы не смогли.
А слева от чернеющей дорожки
Наткнёшься ты, когда придёшь ко мне,
На скользкое негодное лукошко,
Где ягоды подгнившие на дне.

Тут без труда я приручила волка —
Всё оттого, что сходно с ним живу.
Его глаза — зелёных два осколка —
Пускай сверкают по ночам во рву.
Хоть изредка скорблю, что не волчица,
Но не ропщу. Что, думаю, с того?
В конце концов, ведь кто-то постучится:
В твоём обличе он, иль ты — в его.

2

Уже декабрь. Тверда земля в саду.
Её свело морозами без снега.
Печально, у растений на виду,
Замёрзло детство позднего побега.
Все ночи так привычно холодны,
Что забываю сетовать на холод,
Как забываю многое — и город,
И прежний ракурс ледяной луны.

У маленького низкого окна
Сутулюсь, сжав концы платка локтями,
И мне то ночь безбрежная видна,
То я сама в оконной дряхлой раме.
Там продолжает комната моя
Своё житьё-бытьё полупрозрачно
И тонет в перспективе декабря,
И в ночь произрастает многозначно.
И в отражённый дом помещены
Деревья, ров у сломанной калитки
И тощий волк, что воет вдоль луны,
Претерпевающая полнолуныя пытки.
И я сутулюсь посреди дорог,
Озвученных той литургией волчьей.
И в руки, плечи с каждой новой ночью
Врастает серый подданный платок.

3

Да, пишу. Негодная хозяйка —
Я не запасла на зиму дров.
Чаще стынет ручка-наливайка,
Ставя кляксы на начала слов.

В том ли грусть, что буква исказится
И дрожит чернильная строка?

Ты ещё когда прийти решился,
А всё медлишь, будто жизнь — долга.

Что ж ты медлишь? Иль боишься волка,
Что на перепутье двух миров
С первобытным чувством злого долга
Ни на миг не покидает ров?

4

Волк бродил и бродил по обочине
В поисках человеческих слов.
На снегу следы многоточиями
Огибали гибельный ров.
Не писалось. Листы пустовали
На чёрном дощатом столе.
Первый снег наконец-то издали,
И слали, и слали к земле.
Ты читал этот снег прошлогодний,
Нам обещанный на год вперёд?
Ах, какие погibli корни
В тот из снега изъятый год!
Ничего, победила природа,
Хоть слегка повредила в уме.
И какая юродивость всхода
Удивить нас готова к весне?
Что-то я разболелась не в шутку.
Не заводится в печке огонь...
Погоди, не мерещься минутку
И горячечный лоб мой не тронь!..
Я твоя только в мыслях, а в теле —
Тот огонь, что ушёл из печи.
Поскорей бы прижились метели,
Чтоб не слышать — кричи, не кричи.
Отсырели проклятые доски.
Израсходован зло коробок.
Вы сегодня — читатели-тёзки,
Ты и поиском занятый волк.
У, как близко ты ходишь, как внятно,
Как сухой распалёшь мой бред!..
Только снег вами понят превратно,
А листы — это белые пятна
В родословной азов, буки, вед.

Наталья РЕЗНИК

Родилась в Ленинграде, окончила Ленинградский политехнический институт, по образованию — инженер. С 1994 года живёт в США, в штате Колорадо. Имеет многочисленные журнальные публикации. Автор двух стихотворных сборников и одного сборника короткой прозы, вышедших в Москве в издательствах «Центр книги Рудомино» и «Бослен».

* * *

Из меня вырываются сотни кошмарных зверушек,
И рыдают, и просятся вон, в окружающий мир.
Это значит: я выросла, кончилось время игрушек,
Пионерии, школы, дворов, коммунальных квартир.
Это значит, закончилась прошлая жизнь понарошку —
Та, где мама и папа, с которыми всё нипочём.
Да, я взрослая: чищу на собственной кухне картошку,
Двери в собственный дом открываю своим же ключом.
И чудовища эти, которых не сыщешь капризней,
Бьются, мечутся, просят чего-то, исходят слюной.
Как я выросла поздно из детской игрушечной жизни!
И чудовища странные выросли вместе со мной.
Их незрячи глаза, а их зубы огромны и остры.
Слишком тесно во мне. Слишком громко рычат и ревут.
Выпускаю наружу безумных некормленных монстров.
Если рядом стоишь, не взыщи — и тебя разорвут.

* * *

За границей ветров и погодных прогнозов
Смены света и тьмы,
За пределами стойких январских морозов,
За границей зимы,
Надо льдами, снегами и холодами,
Только над и вовне
Я живу — в мире строчек и слов. И словами
Затыкаю щели в окне.

* * *

Я останусь каждой фразой,
Фотографией, штрихом.
Забывай меня не сразу
И не думай о плохом.
Думай, что союз непрочный
Было год не разорвать.
Забывай меня построчно —
Так труднее забывать.
Забывай меня, но долго.
А во мне на сотню лет
Ты останешься осколком
Справа — там, где сердца нет.

* * *

В детстве мне сутулиться
Мама запрещала,
И Тверская улица
Вся по швам трещала,

Если неуверенно
Я по ней гуляла,
Если вдруг, как велено,
Плечи расправляла.

Всё валилось, рушилось,
На куски ломалось
Там, где неуклюже я
Просто распрямлялась.

И чужие стены я
Походя разбила.
Места мне, наверное,
Слишком мало было.

Александр НЕМИРОВСКИЙ

Поэт, прозаик, программист, антрепренёр. Родился в Москве. С 1980 до 1986 года выпустил 7 сборников в тогдашнем самиздате. С 1990 года живёт в Калифорнии. Регулярно печатается в различных литературных альманахах и изданиях в США и в Финляндии. Автор 4 книг стихов: «Без Читателя» (1996), «Уравнение разлома» (2009), «Система отсчёта» (2012). «На втором круге» (2014). Член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России (зарубежное отделение).

РИВЬЕРА МАЙЯ

*Древние индейцы майя верили, что человек
был сделан из кукурузы
(археология)*

Из рюмки тянет запахом агавы.
Февраль над Мексикой
склоняет пальмы в пояс.
И происк
альбатроса над тарелкой,
на стол накрытой,
упрощает нравы.
(По телефону текстики
безделья.
Здесь южный полюс
в представлении сеньориты
издалека, залётом на неделю,
с его жарой, что нравится кокетке.)
Луны дорожка, приходящая на конус,
в барашках волн светящиеся клетки.
Здесь танец с карточкой
заводят официанты,
не по ранжиру барина представив.
(Под ветром кофточка
на девушке взлетает
и вновь пристанет,
лишь порыв утихнет.)

Мы — меценаты,
если так прикинуть, —
нельзя нечаянно
ошибаться с чаевыми,
ничем не выйдя:
ни лицом, ни телом грузным
у барной стойки над салфеточным молчаньем.
(Шаг вдоль, шаг в сторону, вращение плечами.)
Лишь пеликан, пикируя отважно,
стал однозначно понимать по-русски.
Потомок майя ест початок
кукурузы —
uno cerveza
или dos — уже неважно.
Гитара под сомбреро. Джаз ночами.
Ривьера Мексики, исполненная песо.

01.03.2018

THE WINE TRAIL (ВИННЫЙ МАРШРУТ)

Намёк на свет. Так розовой полоской стилиа
Запущен день. Бежит строка из-под портьеры
Ночи.
И произносит птица, сдвинув крылья,
Заклинание восхода. И ты не прочь бы,
Пославши всё, отправиться, к примеру,
На пляж, забраться на вершину,
Вместо того чтоб складывать и что-то умножать,
Там в полной мере грудью задышать
Вдали от смога.
Но бытие в контраст природе беспричинно.
Пирога
Памяти, где арифметика — весло,
Сгребёт людей в, коллекцию записанных нейронов
И так оставит. Расставанья на перронах
И встречи в аэропортах. И, если повезло,
Картинка чёткая надолго сохранится.
Как хорошо, когда всплывают лица
В подробностях, событиям назло!
Я помню столики и зонтики —
Цвет голубой
На фоне неба, тоже голубого.
Винарню, лето — мы с тобой
В Сономе.
Под ломтики
Поколотого сыра
Вино поэзии, налитое в бокал.

Оскал
Оставленного мира
За стеклом.
И мы вдвоём.
Как просто жить, когда б коротким мигом
Являлась жизнь!
Душа растёт, сменяются вериги —
Под них пляши.
И я пляшу. И даже если часто
В сомненьях
Серый,
Проржавевший день,
Надежда-свет, что память неподвластна
Изменениям,
Есть вера.
Ну, хотя бы веры тень.
Темно. Восход ещё в намёке.
Когда вдруг мозг
Как вспыхнет, вспомнив
(Какая блажь
Зажжет нейронов токи?)
Неважный гост,
Бокал вина в Сономе
И весь пейзаж.

16.07.17

ЖИВОПИСЬ

Я пишу твои руки —
И чернила бросает в жар.
Зарубки
На памяти — кляксы коротких встреч —
Скрадывают черты лица.
Математически бесконечный,
Но ограниченный земной шар
Хранит наши тени образца
Прошедшего века.
За концом перешейка
Из чёрного снега
Между весенних луж
Город дребезжит вдогонку: «Не уезжай!»
Трамваем на конечном кольце
У метро.
Развернувшись, ещё можно до него добежать.
Ещё... Оказалось, что кедровые
Лапы не задерживают кружево
Солнечных змей.

Они всё равно слепят. Я пишу твои волосы,
И ветер выкручивает из пальцев
Моё перо,
И чем далее, тем больше приходится на него нажимать.
Здесь, размечен на полосы,
В перспективу точки, идёт фривей.
По нему поспешить и добраться
До въезда в домашний рай.
Там давно решено всё, что надо ещё решать.
И оттуда ровней
Поверхность, кажется, оборачиваясь назад.
Но обману зрения не доверяй.
Чуден сад,
Что в конце лишений
Явил приют.
Я дышу
Размеренной океанской волной,
На которой, раскинувшись, спишь.
Я пишу
Твои плечи, изгибы шеи,
Но, набегающие одна за одной,
Брызгами размывают
Бумагу времени, покрывая
Седыми хлопьями тень твою.

27.08.17

54 СЕНТЯБРЬ

Спасибо Тебе. Иногда поднимаешь к груди,
Чтоб смотреть Твоим взором, куда разрешает душа.
И увидеть не то, что ещё впереди,
— С этим ясно, —
А чтоб попытаться понять Твою руку
В движенье карандаша,
В ней зажатого.
Чтоб в отсутствие звука
Этот в частном
Заложенный смысл согревал, а не жёг.
Чтобы не было жарко
На коротенький миг,
Ощущая до рези в глазах
Твой пронзительный свет.
Благодарность, что я, не сорвавшись на крик,
Пережил этот шок.
Да за то, что сумел унести, Ты не наказал.
Только нет.
Не на землю смотрел я — она не жива.

Ослепил меня сад колосющихся душ.
Это чушь.
Конечно же, полная чушь.
Только странные в горле застряли слова.

08.09.2017

ПОСТИМПРЕССИОНИЗМ

Река Рона. Утонувший корабль
Зацеплен лохматым канатом
За корму и притянут к причалу.
Сентябрь
Погоняет туристов дождём из ваты
Облаков, кое-где, нечаянно,
Обшитой солнцем по кромке.
Городок Арль,
В бесконечной печали
По Винсенту заполнен коммерцией
Из памятников его полотнам.
Остальное — обломки
Рима. Когда-то стоившие сестерции,
Сегодня бесценны, судя по толпам,
Их обступившим плотно.

Сувенирная лавка.
Остов Европы,
Обираемый на продажу,
Помещён в рамку
Природы вдоль горной дороги к пляжу,
Где постоянны: цвет воды
В Колюрской бухте под скалой замка,
Укравших
Недоеденное рагу,
Трамонтана, причёсывающая сады
Ветра гребнем,
Чтобы утром снег, запудривший Канигу,
Сверкал, как масштабный штрих
На времени,
Заодно замечая его следы.

19.08.17

Ирина ЕВСА

Родилась в Харькове. Школу окончила в Белоруссии; в 1987 году окончила в Москве Литературный институт им. А. М. Горького. С 1979 года — член Национального союза писателей Украины. Член международного Пен-клуба. Поэт, переводчик, составитель множества книг и антологий. Автор двенадцати поэтических книг. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Радуга», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Человек на земле», в альманахах «Стрелец», «Союз Писателей», «Новый Берег», в различных сборниках и антологиях. Лауреат премии Международного фонда памяти Б. Чичибабина, премии «Народное признание», конкурса «Литературный герой», премии журнала «Звезда», премии Н. Ушакова. За книгу стихотворений «Трофейный пейзаж» награждена Международной литературной премией имени Великого князя Юрия Долгорукого. Сборник стихотворений «Юго-Восток» (изд-во «Арт Хаус медиа») в («) в 2016 году стала победителем конкурсов «Русская Премия» и «Волошинская Премия».

* * *

Говорит приёмыш, пасынок, лишний рот:
«Ладно, я — урод, нахлебник, дурное семя,
но сарай твой скрёб и вскапывал огород,
а когда повальный, помнишь, был недород,
я баланду хлебал со всеми.

Я слепым щеглом в твои залетал силки,
на твоём крючке висел лупоглазым карпом.
А когда по рёбрам били твои сынки,
я в ментовку на них не капал.

Кто тебя тащил, когда ты была пьяна,
избавлял от вшей, от пуль заслонял спиною?
Что же ты меня выталкиваешь, страна,
и отхаркиваешься мною?»

А она в ответ: «Ты воду, манкурт, вари
из другой страны, что, пасынкам потакая,
согласится слушать все эти “твой”, “твои”,
не кривясь брезгливо. Что ты застыл? Вали,
если есть на земле такая».

* * *

Верка ропщет, ропщет: «Надо же так суметь!
Ты за что, Господь, ему уготовил смерть?
Он же был непьющий,
в хоре Твоём поющий,
сроду не делал зла.
А этого Ты козла,
за которым три ножевых,
оставил в живых».

Надька ропщет, ропщет: «Что-то я не пойму:
Ты зачем, Господь, упёк моего в тюрьму?
Нож из руки не выбил —
Видел же, что он выпил!
Сам, что ль, до крови лаком?
Может, в петлю прикажешь мне?
А семерых по лавкам —
раздать родне?»

Ропщет Любка: «Планов не угадать Твоих:
дал сперва двоих, потом отобрал двоих.
Один — смирный, смурной.
Другой — шальной, заводной,
лют бывал после водки,
но со мной — теплел.
Все эти цацки, шмотки —
к чему теперь?»

И гуськом плетутся, охая, бормоча.
Слева и справа густо цветёт бахча,
перекликаясь пчёлами. У развилки
озадаченно тормозят.
Одной — к тюрьме. Другой — напрямиком к могилке.
А третья хлебнёт из пластиковой бутылки —
и назад, назад.

ЛЮБОВЬ

И она лопочет, не поднимая глаз,
к мусорному ковьяля баку:
«Не посылай мне, Господи, в этот раз
ни кота, ни собаку,
ни мужика: всё спать бы ему да есть.
Дай управиться с тем, что есть».
Огибает лужу с голубем по кривой
И видит его.

Он ворчит, к помойке яростно волоча
сдохшую батарею:
«Западлю платить врачам, этим сволочам!
К яме бы поскорее
без приبلудных тварей и сердобольных баб
самому доползти хотя б!»
Отдышавшись, в бак закидывает старьё
И видит её.

— Нет, не может быть, чтоб это была она —
в заскорузлой шапке, в тапках, дугой спина!
И ползёт зигзагом, словно с утра под мухой.
К слову, я частенько ей наливал вина
в угловом раю на улице Веснина —
ну, когда она ещё не была старухой.

А она, забыв про свой сколиоз, артрит,
по двору плывёт, точней говоря, парит
(подбородок вздёрнут, плечи — назад), срывая
с голубых кудряшек вязаную фигну,
потому что может, ясно же и коню,
не узнать её, как позавчера в трамвае.

ПОДРУГИ

...а Людмила теперь — улитка. Во тьме ночной
по бетонке ведёт узор слюдяной слюной,
вычисляя дневное сальдо,
на бескостной спине качая свой сундучок:
вдруг какой-никакой приклеится слизнячок,
невзыскательный бомжик сада?

...а Марго — не жена ни разу, а стрекоза.
У, зараза! Опять с утра залила глаза:
на шиповник садится косо.
Проползают по стеблю глянцевого жуки.
Но зачем ей сиюминутные мужики,
их щипки, если есть «колеса»?

...а Настюха мухой носится по двору,
прибирая к лапкам вкусное, подобру-
поздорову слинять не хочет.
Увернувшись от настигающего шлепка
мухобойки, под холку лающего щенка
занырнув, — дребезжит, щекочет.

...а вдоль крыши горизонтальные кружева
растянув, из дыры выходит чернеть вдова
(мол, арахна я, ну и ладно!),
и тринадцать пунцовых клякс предьявляет на
опустевшем брюшке, не ведая, что она —
урождённая Ариадна.

Все четыре привычно день обживают врозь.
Но как только последний луч попадает в гроздь,
в тын, что жимолостью исколот,
тени женских фигур к некрашеному столу —
волоска не сронив, следов на сыром полу
не оставив — текут из комнат.

«Где Людмилка? — бурчит Марго. — Эта шлендра где?»
Черепками закат горит в дождевой воде.
Ариадна бесстрастно вяжет,
языкатой Настюхе делая знак: молчи!
Точно зная, кем хрустнул мокрый башмак в ночи.
Но, сглотнув, ничего скажет.

* * *

«Не бросай меня, — прижимается, — будь со мной.
Будь моей опорой, крышей, моей стеной...»
Он кривится: «Боже,
поменял бы Ты назойливый звукоряд!
Столько баб на белом свете, а говорят
все одно и то же».

Тьма слетает в сад бесшумно, как нетопырь.
Отсыревший воздух — резкий, как нашатырь, —
заползает в окна,
и зрачками волка
две звезды горят, насаженные на штырь.

Он снимает её ладонь со своей груди.
Ну давай: обличай, долдонь, городи, гунди —
всё равно уеду
из югов твоих, горели б они огнём!
Под кроватью — сумка, паспорт на дне, а в нём —
мой билет на среду.

«Ха! — глумится она, — твой паспорт и впрямь на дне.
Тащит краб его в зубчатой, кривой клешне,
а билет мурена,
не икнув, сглотнула. Спи, болтовнёй не мучь.
На крючке — халат. В кармане халата — ключ.
Дверь снесёшь? А хрена!»

Так полвека они, уставившись в потолок,
продолжают в ночи мучительный диалог,
губ не разжимая.
И когда она вдруг смолкает часу в шестом,
он толкает её, спеша убедиться в том,
что она — живая.

Александр КАБАНОВ

Родился в 1968 году в городе Херсоне. Украинский поэт, живущий и работающий в Киеве, пишущий на русском языке. Автор 12 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др. Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» — за высшие достижения в современной поэзии, — премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии и др. Стихи Александра Кабанова переведены на: украинский, английский, немецкий, французский, нидерландский, финский, грузинский и др. языки. Кабанов — главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры», один из основателей украинского слэма.

* * *

Стол, за которым сидит река, два старика на одном причале,
сыр — это бабочка молока, смех — это гусеница печали,
что происходит в твоих словах: осень, чьи листья, как будто чипсы,
тьма — это просто влюблённый страх, это желание излечиться.

Мы поплатками на сон клюём, кто нас разбудит, сопя носами,
волк, заглянувший в дверной проём, окунь с цветаевскими глазами,
звон колокольчика над волной, новой поэзии сраный веник,
мир, сотворённый когда-то мной, это отныне — пустой обменник.

Вот он стоит на исходе лет — шкаф, предназначенный быть сараем,
в нём обитает один скелет, судя по библии — несгораем,
пёт и отлёживается бока, книги — рассыпались, одичали:
сыр — это бабочка молока, смех — это гусеница печали.

04.01.2018

* * *

Смотрю в разбитое окно осенними, ночными днями,
как человеческое дно мерцает сорными огнями,
последний бьётся уголёк, обогревая разум смрадный,
и наступает рагнарёк — бессмысленный и беспощадный.

Когда спадает пелена и разлагается притворство,
ты видишь: это не война, а скотный двор и мародёрство:
как будто выстроились в ряд все инвалидные коляски,
здесь будет кладбище и сад, от украины до аляски.

Ползут, свистят в одну ноздрю, культями воронов пугают,
в разбитое окно смотрю: кого нам бабы нарожают;
взлетает чучело совы, и по тропе из кокаина
за всадником без головы бредет ослепшая конина.

Дырявой флейты горький звук — и вот из логова оврага
к нам выдвигается паук в фуфайке узника гулага,
он за собою, на цепи, ведёт вдоль каменных балясин...
...господь, помилуй, укрепи, но этот юноша — прекрасен.

Он был когда-то сорванцом, грядущий царь в багряной тоге,
а станет сыном и отцом, и первым паханом при боге,
так может быть прекрасным то, что описанью неподвластно,
к примеру — ласточка в пальто на счастье склеивает лапы,
и если нет у бытия любви и грани для повтора,
пусть этой ложью буду я — чудовище в окне собора.

03.09.2018

ДРУЗЬЯМ

Быть голосом, которым не поют,
и на него не отыскать управы,
быть голосом, который узнают
и подражают люди, звери, травы,

и птицы носят у себя внутри
слепые и надломленные зёрна,
я голос твой — не слушай, а смотри,
и вкус его прокручивай повторно.

Ни блогосфера, ни блатная тварь
не помешают твоему молчанию:
я голос, я буквальный, как букварь
пустых страниц в эпоху одичанья.

Я просто жил с тобой в одной стране,
в прекрасное мгновение распада,
и этот голос — знаю точно — не
для первого и для второго ряда.

01.07.2018

* * *

Вот булгаков китов не любил, говорят,
а вот морфий любил, говорят,
от рождения — русский, по правде — бурят,
украинской судьбы шелкопряд.

На андреевском спуске он что-то спускал,
а затем, на подъёме, строчил,
и выщеживал морфия чёрный бокал
из последних булгаковских сил.

Было смутное время сплошной пустоты,
концентрация всех и всего,
говорят, что подольские братья-коты
до сих пор вспоминают его.

Вот таким михаил афанасьевич был,
и поставлен в классический ряд —
потому что свою украину любил,
но об этом молчат, говорят.

16.03.2018

* * *

Мы ползаем, как дети, по земле,
окапываясь в мыслях о сезаме,
и пьем портвейн, и плачем в феврале
горючими и чёрными слезами.

Пусть будет нефть поэзии густа,
как чешуя днепровского налима,
и ёлочка — шестая часть куста —
на новый год горит неопалимо.

Плодитесь, размножайтесь на ветру,
но в тихий час, впадающий в сахару,
мы отнесём зародышей к ведру —
на ужин ихтиандру и икару.

О чём поет на кладбище хасид,
кому откроет женщина скворешню?
Но этот сад вниз головой висит:
кровь приливает — я люблю черешню.

26.05.2018

Надежда ЖАНДР

Родилась в Ленинграде, живёт в Финляндии с 2000 года. Образование филологическое (специальность — «Немецкий язык и литература»). Продолжила обучение в Финляндии, в университете города Вааса (немецкая литература и литературоведение). Автор пяти поэтических сборников, печатается в периодических изданиях и антологиях. Надежда Жандр является членом Зарубежного отделения Союза писателей России (Санкт-Петербург), Международного ПЕН-клуба, а также шеф-редактором антологии переводов «Небо без границ».

*Увы, любовь слепа, но и без глаз
Она ведёт, куда захочет, нас!
В. Шекспир*

* * *

...а я всё смотрела, как больной ребёнок,
из застеклённого бокса,
приложив свою ладонь к стеклу:
ляжет ли чья-то рука
вровень с моими пальцами?

...а я всё ждала, будет ли голос,
успокаивающий и мягкий,
как зефир из детских рождественских снов,
и что он мне скажет?

...а я всё уговаривала себя:
из оконных щелей не дует,
это я говорю с ветром,
и он не щиплет мне душу
до озноба, до кашля...
он только поёт...

* * *

И ты вошёл в мой сон на пересечении улиц,
полных движения и сырого тумана.
И ты летел впереди меня
в развевающемся чёрном пальто,
и кудри твои были черны,
как отливающее спектром вороново крыло,
и глаза, как спелые сливы.
И я знала, что договорилась с тобой о чём-то,
и несла завёрнутые в материю,
то ли копья Лонгина,
то ли знамёна.
Их было два.

И ты шёл за мной с грустными серыми глазами
и в сером плаще,
со светлым пушком лысого человека
и беззащитной шеей,
и пытался меня тормозить.
И в этом стремлении и разрыве
между тобой и тобой
я испытала острое наслаждение.
И я откинула голову.
Ты был художник.

* * *

От нелюбви я бежала, как от проказы.
Я встретила там, за гранью, с тем,
у чего нет лица. И почувствовала,
как на меня натягивают власяницу,
поверх — сутану
и опоясывают шёлковой верёвочкой,
на которой легче было бы удавиться.
Отталкиваясь двумя руками от этой пустоты,
я ощутила на своих ладонях
мокрый, липкий мел, и была рада,
что не прикоснулась к негашёной извести.
То была
несуществующая фреска Рублёва
на стене только что отстроенной церкви:
кубометры света, воркование голубей, солома...
Что ж, могло быть и немного хвороста
для сожжения сирой, убогой попрошайки.
Но я этого не помню.

А беззвучный плач мой
до сих пор не умолкает.
Плач, спрятанный по ту сторону стены,
так же как и мой украденный голос.

От нелюбви я бежала, как от проказы,
и вот что скажу вам:
там ведь даже иллюзии никакой не было.
Так что решила я вернуться
к своим пенатам.
Они, по крайней мере, добрые.
А это уже... так много!

* * *

Я ненавижу происки своей звериной натуры,
графоманию нежности
и когти уязвлённой гордости,
рвущие бумагу и душу.

Я ненавижу эти глаза,
полные болотной тоски при свете дня
во тьме моего карцера.

Я ненавижу спёкшиеся эти губы,
судорогу улыбки при напряжении в 220 вольт,
сдавленный голос.

Я ненавижу младенческую кожу мою,
ползущие вверх языки пламени —
шарлах, шарлах...

Я ненавижу безмолвие рук, покой лба,
удивлённо изогнутые брови Вивьен Ли
за всю эту ложь, за похороны сердца
под пеплом ненаписанных,
заживо погребённых,
сожжённых строк...

Я сказала это... сказала...
Я так счастлива...

Анна ТУКИНА

Родилась 6 июня 1983 года в Карелии, город Суоярви.
В настоящее время живёт в Финляндии. До 2011 года писала под псевдонимом Энн Волчица.

* * *

И год каждый, знаешь, не мука, а знак.
Умея читать их, красиво взрослеешь.
Есть люди, которых хотел бы не знать:
Ведь делали больно. И сделали злее.

И им никогда не достаточно щёк,
Подставленных гордо, — чего бы-то ради?!
Но были иные. И будут ещё!
И страшно подумать, что мог бы не знать их.

И каждого так бережёшь, как года.
Да-да. Научился. Не так, как в шестнадцать.
Вот ты говоришь: «Мне б вернуться туда»,
А я никуда не хочу возвращаться.

Оттуда есть писем измятых мешок.
Ушибы и ссадины. Фото на память.
А здесь и сейчас мне и так хорошо.
Не шить, не кроить, не вскрываться, не прятать.

Из встреч — все желанны. Часы на отбой.
Из чувств — максимально лишь те, что во благо.
Нет-нет. Отменить не хочу ни одной.
Ведь всё для чего-то действительно надо.

Смотри: в этом сердце любовь, а не прах.
Оно не страдает. А верим же этим.
И да... измеряет мгновенья... в годах.
А это ли, друг мой, не счастье
на свете?

* * *

Мы даже не были знакомы.
Знакомство в откровенье — груз.
Но он сказал: «Я знаю, кто Вы.
Вы — боль хрустальная. И грусть.

Вы — свет, разорванный на перья.
Вы — оберег воскресших дней.
Мой тайный голос межреберья.
И нежность юности моей.

Какая всё-таки награда,
Что мы стоим на берегу!
Я весь хрусталь раздам богатым.
А Вас осколок
сберегу».

* * *

Вот так бежишь по жизни,
В делах погряз.
Простите, подскажите:
Который час?

Мне врут часы на башне.
И снег горой.
Спасибо, это важно.
Уже второй.

А солнышко садится
В большой сугроб.
Простите, подскажите.
Мне сверить чтоб.

Второй? А звон сосуллек?
А солнца свет?
Мне кажется, проснулась,
А время — нет.

И воздух так же студит,
И хватит лжи.
Мне кажется, уснуть бы,
Но время жить.

Конечно, это важно.
Я верю снам.
— Простите, а на Ваших?
— Без трёх весна.

Елена ЛАПИНА-БАЛК

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики), факультет квантовой физики, одновременно — отделение журналистики ФОР. В настоящее время живёт в Хельсинки. Основатель и шеф-редактор литературного альманаха мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым». Автор пяти поэтических сборников и сборника короткой прозы «Тропы судьбы» (2011). Участник литературных журналов, альманахов, коллективных сборников, газет — как российских, так и зарубежных. Член финского отделения международного ПЕН-клуба. Член Союза писателей СПб. Автор текстов песен, написанных петербургскими и финскими композиторами. Стихи переводились на английский, китайский, итальянский, финский и греческий языки.

В ХРАМ НА ТРАМВАЕ

Еду, вагон дёргается, настроение муторное, тошниловка какая-то, ясное дело — выпить бы. Всё так мрачно и гнусно вокруг: рожи зажавшиеся, трезвые, духами-одеколоном разят, не с кем даже словом перекинуться; на меня подозрительно косятся — на сетку мою, на ботинки. А я, может, их из принципа не чищу. А не хочу!

Ничего не хочу. Я же никому не мешаю, ни к кому не пристаю — так нет же, презирают, фыркают! Да, позволяю себе выпить — а что ещё делать-то? Хотя, признаться, и это не дело — пью-пью, а не веселит, не торкает. И одиноко как-то — хоть бы по-доброму кто взглянул или письмецо чиркнул; никто не зовёт, не ждёт, не наливает. Всё сам. Нет, кореша есть, они ко мне с уважением — говорят, мол, толковый я. Советуются. А я сам бы с кем посоветовался, да только кто ж меня слушать будет? Кошки во дворе — и те шипят, спины выгибают, меня завидев. Кстати, вон та глазастая брюнетка у выхода, за поручень-шест, которая вцепилась — ха, типа, «у шеста», — реально на кошку похожа...

Вдруг — аж вздрогнул, воздух заглотнул — меня со страшной силой потянуло... нет, потащило, куда — не знаю сам.

Выскочил из трамвая на Садовой. Ноги несут через какой-то сквер, мимо голубей, сирени, сквозь визг мелюзги. Продираюсь...

Неожиданно остановился, голову поднял — испугался. И сильно испугался...

Вот уж действительно пути Господни неисповедимы: стоял я перед Никольским собором!

Чудеса! Я — Николай, Колька, Колян, Укол (так меня по жизни называли родные и неродные) — сам к храму прибежал.

К двери рукою-то тянусь, войти бы в храм, уж коль здесь...

Чёрт, забыл: в руке сетка с пустыми бутылками. Метнулся в сторону, там бабка — божий одуванчик на лавочке сидит.

— Мать, сохрани — я в храм заскочу, зовут меня...

— Иди, милоч, иди — глядишь, и полегчает.

Вхожу. Стою растерянный. Святые смотрят на меня отовсюду, аж сверлят глазами, и от этого мурашки по всему телу бегают, не унимаются. И опять меня будто кто подхватил и толкает к одной иконе. Читаю: «Николай Чудотворец». Так, думаю, прямо к тёзке! А что делать-то, не знаю — я же в церкви раз только и был. И то, как рассказывали родичи, когда крестили меня.

Спрашиваю у церковнослужителя, подбирающего огарки: мол, делать-то что? Я и молитв не знаю, да и креститься не умею.

— А что тут уметь? Перекрестился справа налево, — вот и вся премудрость. Постой перед Чудотворцем — он у тебя сам обо всём спросит, или не спросит. Вот и поговоришь.

Перекрестился я, жду, когда спрашивать начнёт. А он только глядит. Стою, переминаюсь с ноги на ногу — а чего стоять-то без дела — и тут слышу:

— Хорошо, что в храм пришёл, Николай, — это твой первый шаг к исцелению. Грех это — с «зелёным змием» дружбу водить да имя наше с тобой марасть.

Стал крутить головой: кто говорит-то, со мной ли?

— Да с тобой, с тобой толкую. Ну что ты в этой жизни сделал хорошего? Ни семьи, ни детей — бобыль бобылём. А ведь мог бы...

И он, Чудотворец, ей-богу, подмигнул мне! Может, я и сам от шока, что святой со мной говорит, моргал-моргал — вот и помстилось.

— Берись за ум, Николай. Добро людям делай, а не удручай их своей никчёмностью, пьянством да разгулом. Ну зачем с соседкой бранишься? Грешно!

— Да эта зараза в туалете курить не даёт... Подглядывает за мной в замочную скважину, корешей ругмя ругает и гоняет, заставляет коммуналку нашу драить... А насчёт выпивки — так я закусьваю... — начал было я.

Подбежал служитель, приложил палец к губам:

— Чегой-то вы, мужчина! Здесь только про себя можно или шёпотом, а кричать вслух никак нельзя!

— Опомнись, Николай, и поможет тебе Господь! — продолжал Чудотворец.

— Я и рад бы, да несправедливость жизни покоя не даёт! — это я уж одними губами произнёс.

Видимо, беседовали мы с Чудотворцем долго: вышел я из храма, а в сквере одурманивающий запах сирени, прохлада, голуби мило так гулят — вечереет! От бабуси-одуванчика с моим дневным трофеем из помоек, конечно, уж и след простыл. Да и Бог с ней. На душе легко и беззаботно! А выпить хочется, но как-то по-другому.

Зашёл в продуктовый: в молочном отделе взял бутылёк ряженки, в хлебном — сайку, заглянул в кондитерский — сладенького бы чего. Домой пешком пошёл — чего там, до улицы Римского-Корсакова рукой подать. Иду, на ходу ряженку с сайкой заглатываю — лепота! Да и вокруг красота, город в дымке заката. Просто чудо! Надо же, Чудотворец сам со мной заговорил — значит, не совсем я пропащий. Не позорь, говорит, наше с тобой имя. Во как!

«Первый шаг», говорит.

Да я готов и второй, и третий шаг сделать — только бы в новую жизнь протиснуться!

Решил: начну пробовать.

Открываю дверь своей коммунальной квартиры — соседка тут как тут, ехидно так улыбается, наверняка готовится гадость какую выпалить. А я — раз, и шоколадку ей!

— Это вам, Аглаида Петровна!

— Что это? Нет, ни за что!

Но шоколадку припрятала.

— В туалете курить не позволю — и точка!

— А хотите, полы помою или плиту отдраю вне очереди? А завтра в магазин могу сбежать! И карнизы прибью, и...

Признаюсь — еле удержался, чтобы не сказать: мол, и шнурки могу погладить.

У Аглаиды Петровны челюсть отвисла.

— С чего это ты?! Откуда такой тверёзый, прямо Святой Угодник, да и только!

— Я-то? Из храма! В Никольском соборе был, с Николаем Чудотворцем толковал!

— Свят-свят-свят! Не горячка ли у тебя часом? — закрестилась соседка. — Да как ты туда попал?

— Как, как — на трамвае! И завтра на трамвае туда поеду, и послезавтра!

Утро — ах, какое утро! Нет, серьёзно, светится, солнце аж подмигивает! Вот она, жизнь-то, только начинается! Я трезвый. Одним словом, непривычно как-то.

На кухню вышел. Вкусно пахнет! Слюнки наворачиваются. Смотрю — на моём столе тарелка, покрытая салфеткой. Уголок приподнимаю, а там пирожки. Румяные, тёплые ещё.

Тут же писулька, от Аглаиды Петровны — почерк аккуратенький:

«Ты, Николша, коль решил за ум взяться — так уж давай. Я вот чего напоминаю: сегодня очередь твоя по уборке — уж постарайся, милоч. Курить

в квартире даже не вздумай. Забуддыг своих, ежели наведаются, гони в шею — неча им тут отираться, людей сбивать с пути истинного. Чаёк уж сам завари, а пирожки-то твои любимые, с капустой. Ешь на здоровье».

Во как! Всё-таки прав был тёзка: не надо мне браниться с Аглаидой Петровной. Неплохая она. Ну, и чайник ставлю.

Только куснул пирожок — стук во входную дверь. Чую, Виктор собственной персоной ломится! Он всегда так, хоть и звонок есть. Перед соседкой всегда куражится — должен же с пониманием быть, чай образованный, ан нет... Чего-то не уважают они друг друга. Виктор говорит: «У каждого должен быть свой стиль. Отродясь я громкий — вот и делаю всё с размахом и слышно, учителем же был! Она, твоя соседка, — мыпра и злыдня, на меня всегда так смотрит, будто я асоциальный элемент. А я элемент соцраспада...»

Мы его среди своих так и кличем: Виктор Громкий, иногда Громыхалой. Ем на ходу пирожок. Открываю дверь.

— Чего гремишь, Виктор? — еле выговариваю с полным-то ртом.

— А мыпра твоя где? В дверь, что ли, зря стучался? Люблю, когда она выбегает и голосит...

— Так Аглаида Петровна ушла уж. Вот, пирожки оставила. Хочешь?

У Викторá глаза на лоб прыгнули.

— Не понял, Укол: ты что, уже закусываешь?

Я ему стул пододвигаю, чаю наливаю — всё так от всей души, с расстановкой.

— Знаешь, Витя, остынь, чего громыхаешь-то на пустом месте? Я вот тут... короче... как-то не так мы живём, — начинаю я вкрадчиво. — Грешим, бранимся, позволяем себе всякое... Согласись: неправильно это. На Аглаиду Петровну ополчились, а она вот нас пирожками угощает. Я тут вчера поговорил с... — В этом месте запнулся, чего сразу-то огорошивать, вдруг не поверит? — Ну, в общем, с одним. И, знаешь ведь, как прозрел? Ты, Витя, тоже приглядиись: соседка-то у меня очень даже!

Виктор жадно уминал пирожок, заглывал чай.

Потом в сторону, будто кому-то: «Не в себе, что ли...», а обращаюсь ко мне:

— Ну, не знаю: может, и так. Я ж за тебя тревожусь — раздражает меня её клевание. Но стряпуха она — это да, отменная, подтверждаю! — И потянулся уже за третьим пирожком. — Кстати, Коля, заешь, что Аглаида — имя греческое, значит «праведная, проводит жизнь в заботах о бедных». Может, и наша такая же?!

Насчёт «прозрел» — тут зрей не зрей, всё одно — работы нет, а опять в учителя — ни за что! Отпрысков чьих-то истории учить — всё равно нифига не хотят знать! Жена всё пилит и пилит. Поверь: пустые бутылки во сне вижу, знаешь, как надоело, заметь: пустые! — Виктор улыбнулся и подмигнул: — Перезрел я, Коля. А ты, вижу, на правильном пути — прозревай и дальше! Видимо, этот твой «один», с кем ты разговаривал, трезвенник — прямо целитель какой, вон как тебя загипнотизировал! Аглаиде

своей привет от меня передавай — скажи, что я ещё и с мясом пирожки-то люблю. Завтра загляну.

И ведь заглянул!

Он к нам часто теперь забегать стал, поутих, соседку нахваливает, а та уж старается — печёт и печёт! Так и мы с Виктором не шаромыжники какие — ремонт в её комнате сделали. Да так ладно получилось, что теперь на наш ремонт очередь среди Аглаидиных подружек. Популярными стали!

Вот так изо дня в день моя жизнь стала меняться: с Аглаидой Петровной прителествуем, она меня иначе как Угодником не называет. Пристроила на работу в котельную. Опять-таки от ремонтов капает копейка какая. Раньше я ведь как — пьяный в хлам, а теперь — трезвый в храм. Хожу туда постоянно и отдаю все деньги от собранных бутылок на пожертвование. Мы с Чудотворцем вот что решили: как совсем исцелюсь, так и о семье можно будет подумать!

Так что не обязательно искать дорогу к храму — можно и на трамвае доехать, если тебя там ждут!

Леонид ЯКОВЛЕВ

(печатается также под псевдонимом
Кфир ГРИШМАНОВСКИЙ).

Родился в Ленинграде. Уехал в Финляндию из Нью-Йорка, чтобы временно репатриироваться на землю обетованную. Учился игре на фаготе в музыкальной школе № 1. Закончил английскую школу, химический факультет университета. Работал и работает в областях, связанных с математической обработкой и предсказанием результатов различного рода измерений, в данный момент — параметров окружающей среды. Живёт в глухой деревне. Таксовладелец. До января 2016 никогда ничего не писал.

ЗВЁЗДНАЯ КРОВЬ

Паноптикум эмоций

Полевое литературоведение

ловишь словоплёта
на рифму в банке
сажаешь в поэтариум
тыкаешь строчкой прозы
туда
сюда
фиксируешь звуки
цвета
дыхание
отключаешь
свет
газ
воду
канализацию
не вывозишь мусор
закрываешь
лестницу в город
лестницу в небо
лестницу в ад
ждёшь полчаса

бьёшь по щекам
двумя пальцами поднимаешь
отряхиваешь от дерьма
обрываешь все крылья
пока
снова не отросли
аккуратно
кладёшь на муравейник

* * *

выдох
остановиться в утробе кита
пересекающего мелководный залив
сыт ли он
выпустит внуков ионы
на берег завета нелепый
или навек растворит
в тихих клубах многоточий

* * *

откопал алмаз
огранил
получился кусок стекла
мир исчез
на раз
нету сил
колдовать опять
протекла
вдрызг
купель с неживой водой
а живой окрестили коз
чтоб живым надой валовой
не до грёз нам теперь
не до грёз

Империя
говорить правду
легко
приятно
молчать
ещё проще
что ж кричит каждый
будто лжи пятна

красят зарёй площадь
плиты вскрыты
сфинксы
загадки
гонят
жаль
друг друга не понимают
лишь пииты
крысы
словесный тоник
в даль немую
вернут стаю

* * *

всё ведь в вечности
никуда мы
друг от друга
не денемся
переваривай
чтобы не
пере
вариться
хоть журавль не синица
раз в руках его держим
пусть
за синиц не держусь

* * *

возвратиться
с тем же ранцем
и понять
что невозвратно
ведь теперь протуберанцы
то что раньше было пятна
было зябко стало жарко
не поджарился
согрелся
в белом
с гало
санитарка
пусть не данко
всё же
сердце

Полина ЖЕРЕБЦОВА

Писатель, журналист. Родилась в 1985 году в Грозном и прожила там почти до двадцати лет. В 1994 году начала вести дневники, в которых фиксировала происходящее вокруг. Автор книг: «Дневник Жеребцовой Полины», первый том (2011) «Муравей в стеклянной банке. Чеченские дневники 1994–2004», второй том (2014) «Тонкая серебристая нить» — сборник рассказов о мирных жителях на Чеченской войне (2015) «Ослиная порода» — повесть о советской Чечне (2017), «45-я параллель» — документальный роман о современном Кавказе. Проза переведена на четырнадцать языков мира. Лауреат международной литературной премии им. Януша Корчака (2006). Финалист премии им. Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» (2012). Лауреат международной литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (2017).

ДОЧЬ ПРОРОКА

Январь, 2018

— У мусульманина есть арабская вязь на сердце. Это доказали учёные люди.

Фатима, словно ребёнок любимой игрушкой, пытается заинтересовать собеседника и отодвигает от себя тарелку с больничным супом.

Доктор пожал плечами:

— Я этого не знаю.

— Нет Бога, кроме Аллаха! Вот что там написано!

Доктор улыбнулся:

— Забавно.

— Вы мне не верите?

Фатиме сразу становится грустно, и она начинает плакать. Слезы бегут по её щекам, больная мотает головой в разные стороны, пытаясь их стряхнуть.

— Всё будет хорошо, — обещает ей доктор Денис. — Кушай, ты должна быть сильной! Ты обязательно выйдешь отсюда, когда поправишься!

* * *

Еда в столовой для душевнобольных совсем простая: на завтрак — каша, на обед — картошка с селёдкой или суп из риса, на ужин — тоже картошка, а иногда и каша, которая осталась с утра. Но для Фатимы главное — беседа. Нужно рассказать кому-то свою историю, иначе пепел, осевший в матрице, снова оживёт, станет огнём внутри сознания, неизбежно испепелит его — и тогда она исчезнет, поглощённая ужасом произошедшего.

Раньше её мало кто слушал. Медсёстры приносили лекарства, а если Фатима отказывалась их пить, могли ударить, но не сильно, а так — скорее от собственного бессилия заставить сумасшедшую выпить таблетку.

Когда приехал новый врач, всё изменилось.

— Я пишу книгу о войне и готов тебя выслушать, — сказал он.

Фатиме трудно было в это поверить. Переспросила два раза.

И Денис показал ей свои записи. Это были расшифрованные с диктофона рассказы русских солдат, которым удалось выжить в Чечне: им не перерезали горло чеченские боевики, их не взорвали на фугасе «чужие» и только по чистой случайности не расстреляли свои. Ещё там были дерзкие, не совсем связные, но полные ненависти и отваги письма чеченских ополченцев, написанные в тюрьмах и дошедшие до жён и матерей по лабиринтам случайных встреч. Письма были спасены от забвения.

Нутро старенького больничного компьютера хранило в себе рисунки русских и чеченских детей, на протяжении десяти лет служивших мишенями для бомб и снарядов взрослых.

— Эта фамилия не русская и не чеченская. Что за фамилия? — спросила Фатима, увидев рисунок, на котором у разрушенного горящего дома лежал на сером военном снегу старик, а рядом кричал и плакал ребёнок.

Было видно, что автор рисунка очень мал, но линии были чёткими и ясными, и в них жила энергия, пробивающая бумагу, как пуля, — навывлет.

— Художник погиб, — ответил Денис. — Он со своим дедушкой отправился искать дрова для уличной печи. Им нужны были дрова, чтобы приготовить военный обед: горсть макарон и луковица.

Старик погиб на его глазах, и совершенно ясно, что рисунок — внятная просьба вернуть деда.

Потом в центре города Грозного погиб отец ребёнка, занятый поисками питьевой воды. А через какое-то время, попав под обстрел, скончался от осколочных ранений и сам мальчик, а также его мать и младшая сестрёнка. Рисунок мне передали их соседи, рассказав, какой была эта большая и дружная армянская семья.

* * *

Если жёлтая таблетка действовала сразу, Фатима чувствовала себя так, будто кто-то подкрался и хлопнул её мешком по голове. А когда девушку заставляли принять ещё и синюю таблетку, она могла часами лежать и думать, что храбрее её нет на целом свете! Страх пропадал. Его больше не существовало. Годами мучивший её ужас оказывался плодом чужой злой фантазии. И скажи ей некто в эту минуту: «Иди на расстрел!» — она,

смеясь, с радостью бы отправилась, ведь правда, не страшно, а интересно: как это — быть расстрелянным?

Иногда Фатима думала о расстреле как о новом виде казни, после гильотин и костров.

Вот стоит у стены осуждённый кем-то, кто грешен не меньше, а может быть, даже и больше. Напротив осуждённого — другие люди; вроде бы они люди, но другие: они не дают жизнь, а отнимают.

И почему все стреляют разом? Ведь понятно, что только у двух-трёх вояк пули попадут в несчастного. Может быть, как и в казни, где жертву забивают камнями, здесь присутствует коллективная ответственность: все стреляли, а кто убил — неизвестно. Чей удар камня оказался роковым? Чья пуля попала в сердце?

Палачи могут спать спокойно, если рядом другие убийцы оказали им моральную поддержку.

Однажды, когда Фатима была совсем маленькая, она увидела сон. К ней пришла девушка в национальном русском сарафане и взяла её за руку. Фатима доверчиво отправилась за незнакомкой в глубины сновидения.

— Меня убили! Убили! — твердила девушка со светлыми волосами, показывая Фатиме какой-то старый сарай с тёмными подгнившими балками. — Меня повесили здесь на верёвке! Позавидовали молодости и красоте. Наказали! Я была крепостной крестьянкой. Меня убили!

Фатима не знала, что на это ответить.

Следом за русской незнакомкой в её сны вереницей потекли умершие от пыток и побоев, от голода и жажды, от страха и нищеты. Но ничем не могла им помочь маленькая девочка. И, наверное, они это поняли. Перестали тревожить, ушли в забвение, пережили свой ад молчаливо, а сны Фатимы наполнились волшебным светом и были такими, пока не пришла Первая Чеченская война.

* * *

— Расскажи мне о своём детстве, — попросил доктор, когда они шли по больничному парку, где тонкие молодые ели нашли защиту под разлапистыми клёнами.

— Вы на диктофон запишете? — нахмурилась Фатима, кутаясь в простыню. Она стащила её с кровати и повязала как паранджу.

— Нет, не запишу. Я запомню. Когда твоя история будет выбита на белом электронном листе внутри компьютерной матрицы, я дам тебе её прочитать. Вдруг я что-то перепутал, увидел по-своему. К чужим историям следует относиться аккуратно и бережно.

— И про это не скажете Юрию Александровичу? — Фатима показала на белое одеяние, делающее её похожей в предвечерних сумерках на блуждающую душу.

— Даю слово! — пообещал Денис. — К тому же заведующего нет, заболел он.

— Это всё от водки! Пьяница! — улыбнулась Фатима.

— А почему ты взяла простынку?

— Мне хиджаб не дают! — обиженно сообщила девушка. — Я просила, но не дали. А мусульманская религия велит надевать покрывала. Вот у меня вместо покрывала — простыня!

Она рассмеялась. Подпрыгнула на одной ноге и завывала тоненько: «У-у-у!»

Сегодня странным образом пришло хорошее настроение. Выть она с детства любила, хотя и запрещали. Бабушка, помнится, говорила: «Не вой — несчастье накликаешь». Но вой иногда — это и есть счастье. Счастье быть собой.

В обычные серые дни тело Фатимы сковывает панический ужас, атаки которого похожи на волны в океане — каждая последующая всё сильнее и коварней.

Но сегодня этого нет.

— Я думаю, что Фатима — ненастоящее имя, — говорит Денис.

Его широкие скулы и грубые черты лица выдавали в нём крестьянскую кровь. Но стремление к наукам победило желание остаться рядом с землёй и взращивать злаки, как делали деды и прадеды.

— Настоящее! — твердит Фатима. — Меня всегда так звали! Это моё настоящее-пренастоящее имя!

— Хорошо, — спокойно соглашается Денис. — Просто я хочу, чтобы ты начала нормальную жизнь здоровым человеком. Я вижу, что кроме стресса и панических атак, ты ничем не больна. Это проходит, рассеивается как дым. Всё зависит от самовнушения и практик. Понимаешь?

— Меня всегда звали Фатима! — словно боясь потерять связь со своим именем, твердит закутанная в простыню девушка.

— Твои документы так и не нашли — записали, как сама назвалась.

— А у меня нет родных, — отвечает Фатима. — Они теперь, как пел чеченский бард Муцураев, ютятся в зобу у райской птицы.

— Сколько ты живёшь на земле?

— Полторы тысячи лет!

Денис вглядывается в её глаза, но девушка говорит совершенно серьёзно, без тени улыбки: полторы тысячи лет.

— Наверное, в таком случае ты помнишь много войн, — заключает доктор.

— Я хорошо помню только одну. Последнюю. Это была чеченская война.

* * *

— Ведро воды — один рубль! Ведро воды — один рубль! Я путешествовал за ней через лес и попал в передрагу. Там русский снайпер стрелял по колёсам! Ведро воды — один рубль! — кричит водовоз. Он разливает мутную воду из шланга в пластмассовые вёдра, а женщины, как известно, в это время общаются.

— Полный дом гостей! Свадьба! Праздник! — Пожилая чеченка радостно взмахивает руками в такт своему голосу. — А какая невеста!

— Говорят, она русская? — изумлённо переспрашивает другая женщина.

— Да, но знает Коран. Я сама слышала, как читает.

— Хорошенькая?

— Очень!

— Как они познакомились?

— Али с нашего двора помог русской старушке дверь починить, а это оказалась её правнучка!

Женщины перешёптываются, смеются и собираются идти на свадьбу в соседний двор. Здесь, в сердце Ичкерии, нет закрытых дверей: если у соседа свадьба, приглашены все, и хозяин обидится, если кто-то из соседей не придёт.

Первая война уже отгремела, но ненависть ещё не поселилась в наших сердцах.

Мы роднимся: чеченцы и русские, мы ещё помним, что мы все — люди.

Это 1995 год.

Весна.

На чеченской свадьбе свои обычаи. Невеста стоит в углу целый день, гости подходят, шутят над ней. Иногда даже обидно. Обзывают «лягушкой», «кикиморой». Но главное юной невесте молчать — показать выдержку и стойкость, умение уважать старших.

За отдельными столами пируют мужчины и женщины. Жених появится в доме только на третий день. Он уехал к друзьям. Ему не пристало веселиться со всеми. Невеста в первую ночь будет помогать сёстрам и матери будущего мужа по хозяйству. Горы грязной посуды ждут красавицу в подвенечном платье!

Женщины рассматривают пятнадцатилетнюю невесту как игрушку, шутят. Она похожа на изящную принцессу, её волосы блестят и переливаются, как шёлк.

— Как девушку раньше звали? — спрашивает пожилая соседка с кусочком торта в руке.

— Не помню! — отвечает другая. — Но теперь она наша! Чеченка! Старики сказали, что имя она выбрала в честь дочери Пророка.

* * *

— Какая интересная история! — удивляется Денис. — Завтра хоть и не моя смена, но приду на работу — может быть, ты ещё что-то расскажешь.

Луна на небе светит огромная, словно тяжёлая сырная голова задевает ветки деревьев.

— Иногда я их вижу, — говорит Фатима, вздрогнув.

— Кого? — спрашивает доктор, провожая девушку до палаты.

— Стражей! Они проявляются на долю секунды, их лики свободно проходят сквозь наше пространство и время, но видят их лишь те, на ком останавливается их взгляд. Они охраняют природу: леса и горы.

Сегодня я их видела в парке. У них стрелы и лук за плечами. Когда-то все они были людьми и жили в этих местах.

— Людмила Фёдоровна, не оставьте без внимания! — Денис рекомендует медсестре приглядеть за Фатимой и прощается.

В доме скорби много больных, которые навсегда заключены в его стенах, и Фатима — всего лишь одна из них. Её нашли среди руин во время Второй Чеченской войны.

Приехав домой, Денис первым делом посмотрел свои записи о странной пациентке, утверждающей на протяжении многих лет, что она «дочь Пророка».

За шесть лет нахождения в клинике она никому не назвала своё настоящее имя, не рассказала, где жили её родные.

Изучив все бумаги, Денис подумал, что нужно попробовать новый метод терапии — когда больной излечивает сам себя. Но всё следовало делать постепенно, не торопясь, чтобы не навредить.

Последнее, что увидел молодой доктор, прежде чем заснуть, был мотылёк, влетевший через окно частного домика — временного пристанища. Мотылёк устремился к лампе, наивно полагая, что это солнце, но за секунду до трагедии Денис успел нажать выключатель — и мир погрузился в царство Луны.

* * *

Утром, до начала работы, Денис решил послушать первую аудиозапись, сделанную в январе 2001 года. Налил себе кофе, сделал бутерброд с сыром — и услышал нечеловеческие вопли.

— Я Фатима! Вы слышите все?! Так меня зовут! — Судя по всему, медперсонал боролся с неким существом, которое рычало и визжало одновременно.

— Господи! Она вся грязная! Отведите в ванную комнату! — раздался голос Юрия Александровича.

— Кто это орёт здесь? — Денис догадался, что спрашивает Людмила Фёдоровна.

— Это нищенка славянской внешности. Её привезли сотрудники МЧС, — ответил кто то.

— Вы русская? — Юрий Александрович спрашивает с неподдельным интересом. — Вы можете говорить нормально?

— Пошли вы все на!..

— Вы чеченка?

— Гады! Сволочи! Вы убили мою мать, чтобы спросить, кто я?!

Фатима, судя по диктофонной записи, дерётся и вырывается, но её удерживают санитары.

— Не кричите на нас! — спокойно говорит заведующий. — Никто никого не убивал! В Чеченской Республике проходила антитеррористическая операция. Во всём виноваты террористы. Сейчас там всё нормализуется.

— Нормализуется? — Фатима кричит, задыхаясь от бешенства. — Вы сажаете меня в клетку, как дикого зверя, чтобы помочь мне?! Мне или себе?! Убийцы! Правильно, запирайте! Запирайте меня на все замки — ибо плохо будет всем, когда вырвется зверь. Он вцепится мёртвой хваткой за горло. У-У-У-У-У-У-У-У-У-У!

— Успокойтесь! Антитеррористическая операция в Чечне закончилась.
 — Операция была против террористов?! — У Фатимы истерический хохот. — Значит, мой школьный учитель литературы — террорист?! Бабушка Оля, убитая у пожарного колодца с водой, — террористка?! А ребёнок, которому на моих глазах оторвало снарядом голову?! Он был на руках своей матери! Они оба были террористами?!

— Сделайте ей укол, Людмила Фёдоровна.

Медсестра отвечает:

— Сейчас, сейчас.

— Укол? Конечно, укол! — бьётся в руках санитаров Фатима. — Вы боитесь правды! Вы все её боитесь! А я её расскажу! Аллаху акбар! Знаете, как это — заживо гореть в автобусе? Вы понимаете, как это?! Так погибли мои соседи, бегущие от войны! В живых остался один ребёнок. Новорождённый. Мать успела выбросить его в окно! Раньше людей сжигали на кострах, а теперь их сжигают в автобусах! Инквизиция!

— Трудный случай, — скрипит голос Юрия Александровича. — Война мозги отшибла человеку! Беру дело под свой контроль.

* * *

Фатима и впрямь ни с кем не дружила в клинике. Только когда к пожилой Матрёне приходила внучка, маленькая девочка Вика, Фатима старалась покрутиться рядом и послушать, о чём они говорят. Шестилетняя Вика приносила бабушке цветы и показывала игрушки в своих карманах. В её карманах жили солдатики, маленькие бархатные мыши и разноцветные картинки.

— Бабушка! Бабушка! А кто такой оборотень? — Вика, подпрыгивая, в очередной раз пыталась поцеловать Матрёну в щёку, не замечая в окне второго этажа Фатиму.

— Прости, милая. Я задумалась, — ответила седая женщина.

У старухи плохо с памятью. Иногда она совсем не помнит родных, но сейчас, ранней весной, здоровье начало к ней возвращаться, и дочь с внучкой приходят всё чаще, чтобы поговорить.

— Оборотни — они страшные? Они кусаются?

— Кто сказал тебе такое? — спрашивает Матрёна маленькую девочку.

— Мальчик в садике! Он сказал, что оборотни — это волки, которые на самом деле люди. Они нападают ночью и кусают за горло. Они дикие, их нужно убить!

— Никого нельзя убивать. Все рождены, чтобы жить, Вика.

— А рыбка с сосиской?

— Есть люди, которые не едят мяса. Вегетарианцы! — Матрёна с трудом произносит последнее слово, но улыбается: у неё получилось.

— А ты, бабушка?

— Я слабый человек. Ем рыбу и птицу.

— Если ты придёшь жить к нам, то съешь нашу рыбу-попугая?

— Нет, милая. Что ты! Я буду её любить.

— Значит, ты съешь рыбу-попугая, которую не любишь?

Этот вопрос заставляет задуматься не только бабушку Вики, но и медсестру Василису, и Фатиму, стоящую у окна.

— Я обещаю исправиться, — говорит Матрёна в инвалидном кресле.

— Хорошо. — Вика веселеет. — Умница!

Душа Фатимы наполняется светом, словно она соприкасается с чем-то священным и тонким, когда слышит детский голос.

* * *

— Меня спасли совершенно случайно. Я этого не хотела. Они отняли мою мать у меня, чтобы закопать в землю. Я знаю: ей не хотелось со мной расставаться. В земле холодно и сыро!

— Может быть, ты должна смириться с тем, что она умерла? — ответил на это Денис, ожидая от Фатимы жуткую истерику.

Они шли по дорожке сада, где всем заведовал Юрий Александрович — опытный психиатр, давно отчаявшийся вылечить сложного пациента.

Фатима в истерику не впала. Она вообще чувствовала себя лучше, когда появился человек, с которым можно было общаться.

— Когда разгребали плиты дома, один из спасателей спросил другого: «Зачем нам её спасать? Она сумасшедшая! Бешеная! Пусть покусает “чёрных”! Кто-нибудь сжалится и пристрелит её!» — а другой ответил: «Нет, мы достанем её из этой бездны!»

— Ты пряталась от людей? — спросил Денис.

— Я пряталась от русских! Просила милостыню на улицах Джохара. Обычно на базаре в барахольном ряду. Меня жалели дети и старики — кормили пирожками с картошкой. Я жила подаванием.

— Когда это случилось?

— Я убежала от спасателей в первый раз. Меня только со второго раза поймали и привезли сюда.

— А что было до этого?

— Я читала стихи такого поэта и писателя, Еремея Парнова, своей матери:

Немногим видеть тот дано
Далёкий и туманный берег.
И снова, как давным-давно,
Мы падаем у чёрной двери.

Толпимся шумно у реки,
Как будто бы достигли цели...
Но незаметны и редки,
Кто сумрак вод преодолели,

Сквозь частую проплыли сеть,
Спокойны к злу и милосердию.
Они не победили смерть —
Они возвысились над смертью.

— Я хочу знать, как всё было. Иначе я не смогу помочь, — сказал Денис.

— Нам нельзя помочь. И не стоит этого делать. Мы перешли Стикс и стали серыми теньями. Отпечатками Сна. Пеплом, из которого создано всё живое.

* * *

Конечно, молодой врач понимал, что люди из зоны катастроф не умеют жить в мире: не знают они, что такое мир.

Не помнят.

Фатима ощущала себя солдатом, сжавшимся в окопе под непрерывным огнём.

Её существование было бесконечно длящейся конвульсией. Она дрожала от страха, впечатавшись в стену палаты, и скрежетала зубами без всякой надежды на спасение, хотя на самом деле её страх был иллюзией и с медицинской точки зрения являлся лишь неконтролируемым выбросом адреналина, гонками живых молекул на вздыбленном войной треке её жизни.

Но адреналина в жизни было слишком много!

Сбить приступы помогали только лекарства.

Денис ненавидел войны, понимал, что Фатима никому не верит и проблески её сознания перемешиваются с кошмарами, поэтому он дал себе слово не отпустить её в темноту.

Приехав в захолустную клинику одного из городков Центральной России, он планировал пройти здесь практику и вернуться в Москву к исследовательской работе, но его затянули истории о чеченских войнах.

В московском центре реабилитации молодой врач собрал достаточный материал на книгу, и теперь, как ему казалось, туда обязательно должен быть вписан рассказ Фатимы.

С детства увлекаясь йогой, Денис научил Фатиму дыхательным упражнениям, чтобы облегчить её страдания: вначале следовало дышать носом очень медленно, потом быстрее, а затем опять замедлять дыхание. Но это снимало приступ только на несколько минут и категорически отвергалось заведующим как медицинская практика.

Может быть, на свой страх и риск стоило попробовать одну из древних медитаций под названием «Тридцать три ступени»?

Эта мысль не давала покоя, и Денис ждал момента, когда Юрий Александрович уедет читать лекции в университет, чтобы в его отсутствие попробовать свой метод лечения.

* * *

На этот раз беспокойную пациентку всю ночь посещали убитые на войне: приходили сосед Султан и соседка Лариса. Султан долго рассказывал, что смерти не существует и всех просто-напросто обманули! А Лариса показала на голове красивую зелёную ленту, исписанную арабскими буквами, и сказала:

— Нет Бога, кроме Аллаха!

Фатима всегда радовалась, когда видела их.

— А как мама? — спрашивала она.

— Нормально! — отвечали бывшие соседи бодрым голосом.

В лунном свете появился Руслан — мужчина лет сорока пяти, труп которого так и не был найден семьёй: он пропал без вести, и Фатима очень хотела узнать у него, есть ли рай и ад, как обещали в Коране.

— Где ты сейчас? — спросила девушка Руслана. — Ты в раю или в аду?

— Я сейчас в твоей комнате! — ответил мужчина и улыбнулся.

Вот и пойми мёртвых!

— А что бывает со злодеями после смерти? — Любопытство Фатимы побеждало тактичность.

— Никто их не пыгает! Нет никаких чертей с рогами, поверь мне, — сказал некто невидимый из глубины комнаты. — Просто такие души помещают в родную компанию. Пространство, где они оказываются после смерти, довольно замкнутое, поэтому, не находя себе никакого другого развлечения, они начинают друг друга унижать и мучить. В этом, собственно, и заключается их наказание. Жить в среде себе подобных.

Мёртвые ушли, слились с лунным светом, и, задремав, Фатима оказалась на улицах Грозного. Девушка брела через дороги и улицы, где лежали человеческие тела: мирные граждане и солдаты... Она видела, как собаки едят мертвецов. Вернее — то, что остаётся от человека, когда он дарит тело нижнему миру, словно одежду, и уходит нагой блуждать по аллеям Вселенной.

* * *

Утром в больнице было шумно. Делали уколы. Больные кричали и плакали.

— Полнолуние! — сетовала медсестра Василиса. — Твою мать!

Денис пришёл к Фатиме и застал её внимательно смотрящей в пустоту.

— Здравствуй! — ободряюще сказал он.

— Ты хотел, чтобы я рассказала свою историю? — безразличным голосом спросила девушка, не ответив на приветствие. — Ну так слушай! Я решила, что тебе нужно её записать!

— Говорят, из каждого положения есть три выхода.

— Это правда. Я могла есть свежих, ещё тёплых, подёргивающихся в агонии крыс, а они могли кусать меня в темноте. Шансы на жизнь у нас были совершенно одинаковые. Их привлекало тело моей матери. Его странный запах, отдающий металлом. Вы можете не верить, но я чувствовала запах металла...

Я ловила крыс старой пожарной каской, которую нашла в глубине подвала.

Нужно было часами сидеть неподвижно и, едва появлялась крыса, опрокидывать железный купол, отрезающий путь к жизни. Затем следует бить крысу железным прутком сквозь щель между каской и полом, пока не затихнет. Но этому ещё следовало научиться! Крысы очень живучие.

Ещё я могла звать на помощь. Сорвав голос за первые два дня, я поняла, что это плохой вариант. Я находилась в заваленном плитами подвале дома. Мы спустились туда с матерью во время обстрела. За нами шли соседи с детьми, но прогремел взрыв. Бомба с российского самолёта попала в цель. От запаха гари я едва не задохнулась. Беременную соседку Заиру убило сразу, и она лежала около лестницы. Детей и старика завалило плитами.

Вначале я думала, что умру от пожара, лёжа на цементном полу. Но пламя затихло, и меня не покидало ощущение, что всё происходит по заранее написанному сценарию. И я — просто одна из букв в этой стопке грязных, густо исписанных листов.

Бедная мама! Она ведь спустилась в подвал самой первой. Мама успела сказать после взрыва несколько слов:

— Мы так устали ждать смерти. А теперь я чувствую: в моей груди горячо, словно там кипятилок и сверху поставили утюг. Это «пропуск» дальше. Я, наверно, оставлю тебя, моя милая.

— Мама! Мамочка! Говори со мной! — просила я. — Не молчи! Я боюсь, что ты умрёшь! Я боюсь остаться одна. Я позову на помощь! Не умирай, пожалуйста!

Спасатели пришли через двенадцать дней, когда я научилась пить талый снег, бегущий тонким ручейком по стене подвала, ставшего склепом.

* * *

— Нужно закрыть глаза и увидеть пирамиду. Если ты её не видишь, долго смотри на рисунок пирамиды, а закрыв глаза, ты сможешь поймать «отпечаток». Я сам так делал! Я знаю! — сказал Денис.

— Зачем тебе это? Ты ведь уже слышал мою историю.

— Я хочу, чтобы мы ушли из неё. Навсегда.

— Может быть, за этой решёткой мир ещё хуже... — сказала Фатима.

— Может быть. Но я смогу тебя защитить.

Наверное, впервые Фатима поняла, что Денис не просто с ней подружился — она ещё ему и нравится.

Девушка смутилась:

— Я мусульманка.

— Ты сказала, что на земле живут только Люди и Нелюди. Значит, ты должна понять, что нет зла в каких-то национальностях, а есть в отдельных сердцах.

— Я была замужем. Моего мужа убили. В шестнадцать лет я стала вдовой.

— Ты ведь про свою свадьбу рассказывала? Я догадался.

— Да.

— А как тебя называла мама, когда ты была маленькая? — спросил доктор.

Этого вопроса Фатима очень боялась, но Денис был единственным человеком, с кем она подружилась за несколько месяцев, и она ему доверилась.

— Я знаю, что тебя зовут Фатима, но ведь мама называла иначе?

— Светлана.

— Хорошо, это очень красивое имя, — ответил Денис и тут же добавил: — Как и Фатима.

— Кстати, в чеченской традиции тебя бы называли Дени, — сообщила Фатима, поборов смущение и перейдя на «ты».

— Попробуй найти пирамиду. Когда найдёшь её, войди внутрь и отыщи лестницу. Лестница может быть любой формы, но на ней следует отсчитать и пройти тридцать три ступени. Только тридцать три! Иди и считай.

— А когда я окажусь наверху? Что делать дальше? — спросила Фатима.

— На тридцать третьей ступени ты увидишь врата. Это врата волшебного города Шамбалы. Они распахнутся, как только ты приблизишься. Попроси, чтобы охранники этого места провели тебя в четыре храма по очереди. Войди в первый — в Храм Здоровья — и посмотри, что тебе дадут там. Попроси выздоровления. Вторым будет Храм Любви: попроси, чтобы любовь стала частью твоей жизни. Далее следует посетить Храмы Веры и Храмы Судьбы.

— А когда следует это делать?

— Перед сном. Когда ты засыпаешь. Это очень важная техника. И она станет нашим секретом. Никто не должен узнать об этом. Никто. Понимаешь?

— Хорошо. Я попробую, — пообещала Фатима.

* * *

Весна сменилась летом, потом пришла осень. За желтоглазой красавицей прибежала морозная зима. И прежде, чем Фатиме-Свете оформили документы и выписали из клиники, прошло ещё полтора года.

Каждую ночь она медитировала и блуждала в Волшебном городе своего сознания.

В Храме Судьбы ей рассказали такое, чему бы она никогда не поверила, но теперь точно знала, что это правда. Всё может случиться на самом деле, если это увидеть.

— Случай, конечно, уникальный. Не зря вы по теории гипноза диссертацию защитили! — ворковал Юрий Александрович, провожая Дениса и свою бывшую пациентку до машины. — Куда отправитесь?

— Путешествовать! Нам нужно сменить обстановку, — ответил молодой доктор.

— Это точно. Наша обстановка никого обрадовать не может. Ни внутри, ни снаружи. Повсюду страх! — согласился пожилой коллега.

Медсёстры всплакнули на прощание.

Оглянувшись, чтобы попрощаться с больничными стенами навсегда, Фатима увидела, как бабушка Матрёна улыбается и машет рукой из окна.

Наталья ЧЕРНЫХ

Член-корреспондент Европейской академии искусств и литературы. Член редколлегии парижского литературного альманаха «Глаголь». Теле- и радиоведущая, поэт, детский писатель, певица — лауреат международных фестивалей. Генеральный продюсер российско-французского музыкально-поэтического фестиваля «Звучащий глагол». Автор восьми книг стихов и прозы.

УКА

(рассказ)

Кота звали Ука. Как и когда привязалось к нему это странное имя, он не помнил. Кажется, так называли его дети. Детей в семье было трое, и когда они были маленькими, коту прилично доставалось...

Ука терпел. Это была его семья. Да и дети скоро подросли и занялись вещами куда более интересными.

Весть о том, что семья переезжает в новую квартиру, Уку не испугала — он поедет со всеми в новый дом, а бабушка с дедушкой останутся в старом.

Кота в новую квартиру не взяли. Он страшно обиделся и заскучал. Потом сел ждать. Он точно знал: все вернутся обратно. Коты всё знают заранее. Сколько прошло времени?

Старый дедушка иногда доставал из шкафа свою генеральскую форму, звенящую орденами и медалями, и тяжело вздыхал. Потом он садился в кресло, брал Уку на руки и затихал. Кот чувствовал, как неровно бьётся сердце старика, и пытался помочь ему — дышал вместе с хозяином. «Бабуль, лекарь-то у меня замечательный! — говорил дед жене. — Что бы я делал с этими докторами — вон целая квартира лекарств, а толку мало!»

Бабушка улыбалась и вздыхала. Почти полвека прожито вместе, и вот теперь сдаёт её дедушка. Она и думать об этом боялась.

В тот день кот, как обычно, сидел на коленях деда. Он первый почувствовал: что-то не так! Сердце старика больше не билось. Кот прислушался, вскочил с коленей генерала и громко закричал.

И вот тогда вернулись все! Врачи «скорой», родственники, соседи. Дети с родителями. Ука не знал, что такое «похороны», но понял, что теперь все опять будут жить вместе.

Квартира дедушки была в отличном «генеральском» доме, она была огромной и очень удобной.

«Нет, мамуль, мы тебя одну не оставим! — Отец детей как-то нарочито радостно обнял бабушку. — Теперь мы снова будем жить вместе!» Старая женщина положила голову на плечо сына и заплакала.

Дети снова въехали в свою «детскую», бабушка теперь спала в гостиной, а родители заняли бывшую спальню стариков. Ука растерянно бродил по комнатам. Его никто не замечал, с ним никто не разговаривал.

А потом началось самое плохое — бабушку стали обижать. На неё кричали все: дети, сын, невестка. Этого кот вынести не мог — он должен был как-то защитить свою старую хозяйку, но как?

И кот стал гадить. Именно таким образом усатые-полосатые выражают своё отношение к миру. Сначала на пол в спальне, а потом и в кровать. Крики продолжились — теперь уже с новой силой и по другому поводу. Бабуля плакала, её сын орал на кота и грозился его выкинуть. Сколько продолжался этот кошмар, кот точно не помнил, но однажды бабушка взяла Уку на руки и вынесла из квартиры.

Она посадила кота на ступеньки соседнего подъезда, погладила и сказала: «Прости меня! Ты был хорошим котом, но они — мои дети, понимаешь? Я не хочу с ними ссориться! Я буду иногда тебя кормить...»

Кот не побежал за бабушкой. В отупении несколько дней сидел он у чужого подъезда. Коты не знают слова «предательство». Но от этого самого явления, на которое способны только люди, сердце их болит не меньше.

Три долгих года выживал он во дворе своего дома. Бывшие хозяева его не замечали, да и он старался не смотреть в их сторону. Но по какой-то странной причине он никуда не уходил. Возможно, не знал куда, а может быть, он ждал...

В лютые московские зимы вместе с другими котами сидел в подвале. Добрые люди кормили. Иногда у Уки появлялись дети. Он был хорошим отцом — когда зимой кошка Маша, мать его детей, куда-то пропала, он лежал и грел котят. Он всегда заботился о слабых и оставленных...

Сейчас, когда я пишу эти строчки, Ука лежит на диване позади меня. Уже полгода этот чудесный кот живёт в нашем доме. Его заметил мой сын и стал подкармливать. Весь двор знал, что кот этот — особенный.

Злобы и агрессии в нём не было вовсе. Едой он делился с любым подошедшим родственником, драк избегал — просто отходил. Может, потому и выжил. С каким-то христианским смирением принимал всё, что посылала ему жизнь. И ещё: он очень много думал. Не знаю, часто ли встречаются коты-мыслители. Сын говорил, что утром, выходя из дома, часто видел Уку, сидящего в одиночестве на дороге и смотрящего вдаль...

Ука был худой, не очень здоровый, но повёл себя в нашем доме с потрясающим достоинством. Его благородные манеры удивляли нас каждый день. Сейчас он отъелся, отоспался и даже оставляет еду в миске — угроза голода миновала.

Чудесный, умный и ласковый кот снова обрёл дом. Я долго просила его рассказать о своём прошлом — Ука молчал. Может, хотел забыть. А может, ещё не вполне доверял нам. И вот вчера он вдруг забрался ко мне на колени и громко заурчал... Я поняла, что кошачий рассказ начинается, и быстро включила компьютер.

Кот урчал громко, иногда затихая и снова усиливая свою «мурчалку», словно говоря: «Пиши скорей, а то забуду».

Когда кошачья исповедь закончилась, кот свернулся калачиком и заснул. Последнее, что можно было разобрать, — это то, что зовут его Ука и то, что он абсолютно счастлив.

Людмила СВИРСКАЯ

Родилась в Алма-Ате (Казахстан). Окончила филологический факультет Алтайского университета (Барнаул). Даёт уроки русского языка, занимается литературным редактированием, проводит экскурсии по Чешской Республике. Автор семи стихотворных сборников. Живёт в Праге.

* * *

По мелкоречью сладко семеня,
Подол несла закрученной косицей,
И в компаньонки к счастью попроситься
Хотелось мне сильней день ото дня.

С годами легче становился брод,
Быстрой река: одна, другая, третья...
Неужто начала мельчать... мудреть я?
А может быть, как раз наоборот?

Жила, не зная, что мне суждено,
В заботе полусонной, мелкоречной...
Была тобой невстреченной... невстречной...
Но — добрела до моря.
Ты — оно.

* * *

Уже давно пора менять смеситель
Добра и зла, коль с самого утра
Ошпарит зло. И жалкое «спасите»
Опять сорвётся с кончика пера.

И кофе обжигающий нахлынет,
Солёным показавшись — вопреки,
С непроходящим привкусом полыни,
С необъяснимым запахом тоски.

И даже в самом солнечном июле
Покоя нет ни сердцу, ни уму:
Всё время снятся войны, взрывы, пули,
И самолёты падают во тьму.

Последний крик пронзителен и резок...
И через годы не растает боль
Пропущенных звонков и эсэмэсок,
Из ниоткуда посланных тобой.

* * *

Синоним счастья — лето. В семь ноль три,
Зимой, на остановке, с сумкой полной,
Всегда немного радостно и больно
Мечтать о нём. И, что ни говори,

Так хочется, вздохнув порой, смешать
Дни, как костяшки бабушкиных счётов,
Ключ повернуть на двести оборотов —
И ждать, и загаиться не дыша...

Жасминный полдень. Розовая даль.
Пузатых вишен старенькое блюдо.
За целый год я счастлива, покуда
Синоним счастья — лето. Как ни жаль.

БАЛЛАДА

Кошку звали Варька
(То есть — Страдиварька):
Так её старик один назвал —
Тот, который рядом
С древним Пражским градом
Собственные скрипки продавал.

Может, вы бывали
У него в подвале,
Где томились скрипки взаперти?
На старинной лавке —
Серенькие лапки
И усы длиннее струн почти.

Каждый раз хозяин
Строгими глазами
Наблюдал за мною из угла.
И его товарка,
Кошка Страдиварька,
Скрипки, словно мышек, стерегла.

Я ведь не играла!
Просто выбирала
Дочку ли, попутчицу, сестру...
И в подвале тесном
Всем хватало места
Зимним воскресеньем поутру.

...По весне, к несчастью,
Умер старый мастер —
В позапрошлом, кажется, году.
И теперь в подвале —
Зонтики и шали,
А над входом — клетка с какаду.

Людмила ЛОГИНОВА (КАЗАРЯН)

Родилась в 1961 году в городе Уссурийске. С 1973 года живёт в городе Тарту (Эстония). В 1983 году окончила Тартуский государственный университет по специальности «Русский язык и литература». Стихи публикуются с восьмидесятих годов прошлого века.

НЕЖЕНСКИМ ГОЛОСОМ

* * *

Тот мир не сохранился целиком —
кусочками знаком и незнаком.
Там с камушком во рту держали речь,
там бронзовый в руке держали меч —
всё распадается, уже не помню лиц,
и как зовут возницу колесниц,
и кто там нёс, вздыхая тяжело,
вглубь суши корабельное весло...
Когда-нибудь — когда века пройдут —
и нас забудут и перечеркнут.

* * *

человек есть сосуд греха
а не источник стиха
у него внутри потроха
потроха грязные потроха
он спит и жрёт
и на всех плюёт
а с похмелья вообще блюёт
и эта мерзкая похабель
ещё и поёт
буддийская мельница на ветру
серебряный бубенец во рту

* * *

Как чисты и прозрачны твои ключи —
ты живой воды принесёшь ушат, —
но твои слова рождённых в ночи
насмешат.

Где моё богатство, моё добро?
Спросят, как приду я в квартал менял:
— Ты куда подевал своё серебро?
— По ночным чудовищам расстрелял.
Звёздный шар во тьме и планет кольцо —
ну а днём туманит взгляд пелена,
только зимним утром ночное лицо
всё кривит и кажет Луна.

* * *

На каштанах цветы, как свечки,
А по небу бегут овечки —
Ах, куда-то их погоняют
Белокурые человечки?
Белый дом за пушистым лесом,
Белый Бог сидит на крылечке,
Он сидит себе, трубку курит
И пускает дыма колечки...
Облака над цветущим садом —
А душа меж небом и адом
Содрогается от усилья
Обрести пушистые крылья.

Игорь БЕЛКИН

Живёт в Эстонии. Автор стихов, детских сказок. Многие произведения поэта автобиографичны. Участник коллективных сборников в Германии, Финляндии, России. Автор поэтических сборников «Состояние души» (2008), «Как странен мир, в котором мы живём...» (2011), «Пишу письмо длиною в жизнь...» (2013); книга стихов в серии «Лауреаты премии В. Сирина (Набокова)» (2014).

ЭЛЕГИЯ

Возле дома трясогузки и щеглы —
тонкий щебет наподобие иглы
проникает прямо в сердце и тревожит
до мурашек, заползающих под кожу.

Пастораль, одна из лучших на Земле!
В луже кряквы краше дам при короле,
а блестящий, словно мачо на Карибах,
гордый селезень ещё не сделал выбор.

В пасторали нет ни горечи, ни зла,
отчего же мне мерещится игла —
может быть, любовь из прошлого стремится
в настоящее ворваться юной птицей?

Поздно, милая!
Есть тысяча причин,
по любой из них я в журавлиный клин
не вольюсь, и на Земле навек останусь
блеклой строчкой из последнего романа...

НЕ ПАСУТСЯ БОЛЬШЕ КОНИ НА СЕРЕБРЯНОМ ЛУГУ

Не пасутся больше кони на серебряном лугу,
и не хлопает в ладони ветер, пьющий на бегу
клевера настой медвяный, разнотравья аромат
и берёзы запах банный с пустословием грачат.

У эпохи свой порядок, ей природа не указ;
вернисаж капустных грядок с проблеском вьюнковых глаз
укатился к дальним сёлам, затаившимся в тиши,
чтоб не видеть произвола смог рождающих машин.

Я там рос, потом уехал, но вернулся вновь туда,
свежий воздух мне утеха, сахаром кусочек льда
от сосульки под стрехою, мёдом — сходка сизарей
и туманы над рекою в августе и сентябре.

Не пасутся больше кони на серебряном лугу,
весельчак пастух Афоня не наточит острогу
на шальных весенних щучек с полубовною игрой,
половодье без излучин заливающих икрой...

* * *

Можно прожить простецки и не ходить ва-банк,
можно орехом грецким лопнуть, взрывая танк;
можно доить корову и укрощать коня,
не западая в прорву за суматошность дня.
Можно прослыть кликушей, ошеломлять майдан
или царапать души собственной болью ран;
можно вершить любое, клином ероша свет
и не гордясь собою, — лжи у безумства нет.

Истина золотая по параллелям дней
бродит, осознавая: грустно и скучно ей
на берегах крикливых вольных, по сути, лет,
где не вращают привод жизней иных планет.
Господи, зацепиться, выжить бы здесь людьми,
не улетаая птицей в призрачный чей-то мир,
вдруг он безумен тоже, и не найдёт Земля
взорванного в прихожей космоса корабля...

Здравствуйте, люди века со скептицизмом губ,
нам ли не нужен лекарь, чтобы не на бегу —
истинно стационарно выправить позвонки,
искоренив угарность бьющей по лбам руки
брата или соседа за межевым столбом,
тоже хлебнувших бреда пенного за столом?

А ЕЩЁ Я БОЛЕЮ ТОБОЮ!

А ещё я болею тобою,
ненаглядная светлая Русь,
и твоё пожеланье любое
беззаветно исполнить берусь!

Беззаботному в руки синицу,
деловому подай журавля;
мне бы жаворонком угнездиться
там, где грезят льняные поля.

Нет, я пафосом не перегружен,
бытие говорит: не солги,
не пытайся мазками снаружи
золотить оловянность фольги!

До чего же тебе одиноко
в истеричном рассоле земном
отмывать свою честь и пороки,
обретённые в ближнем былом!

Воздух чист над родительским домом,
и июльские ночи чисты,
не доказывать мне аксиому —
станешь в будущем здравствовать ты!

Я СКАЗАЛ, ЧТО МОГ И ЧТО ХОТЕЛ

Я сказал, что мог и что хотел, —
на покой уйти бы по-хорошему,
отрекаясь от житейских дел,
до сих пор волнующих подвздошие.

Правильно я мыслю, но опять
просытся слова на гладь бумажную,
будто не успел я передать
времени и миру что-то важное.

Никого к себе я не зову;
кто прочтёт стихи, тот без сомнения
сам сплетёт словесную канву,
ограждая небо от падения...

Содержание

Австралия	
Наталья КРОФТС	4
Азербайджан	
Алина ТАЛЫБОВА	7
Бельгия	
Александр МЕЛЬНИК	10
Алексей ЮДИН	14
Анастасия АНДРЕЕВА	16
Дарья АЛЕКСАНДЕР	19
Майя ШВАРЦМАН	22
Великобритания	
Екатерина ГОРБОВСКАЯ	25
Борис ФАБРИКАНТ	27
Германия	
Михаэль ШЕРБ	30
Михаил ЮДОВСКИЙ	34
Григорий ПЕВЗНЕР	37
Анастасия ВИНОКУРОВА	40
Даниил ЧКОНИЯ	42
Грузия	
Паола УРУШАДЗЕ	45
Михаил ЛЯШЕНКО	49
Израиль	
Елена ИГНАТОВА	52
Феликс ЧЕЧИК	55
Ариэла Марина МЕЛАМЕД	58
Ольга ФИКС	61
Людмила КЛЁНОВА	63
Италия	
Алексей МАКСИМОВ	66
Наталья ПЕЙСОНЕН	69
Нина ЯКОВЛЕВА	71

Канада

Алёна ЖУКОВА	89
Александр АМЧИСЛАВСКИЙ	106
Бахыт КЕНЖЕЕВ	109
Лада МИЛЛЕР	113
Михаил СПИВАК	119

Киргизия

Вячеслав ШАПОВАЛОВ	132
--------------------------	-----

Китай

Ирина ЧУДНОВА.....	135
--------------------	-----

Мексика

Алина ДАДАЕВА	138
---------------------	-----

Молдавия

Сергей ПАГЫН	140
--------------------	-----

США

Марина ГАРБЕР	142
Вера ЗУБАРЕВА.....	147
Наталья РЕЗНИК	150
Александр НЕМИРОВСКИЙ	152

Украина

Ирина ЕВСА	157
Александр КАБАНОВ	162

Финляндия

Надежда ЖАНДР	166
Анна ТУКИНА.....	169
Елена ЛАПИНА-БАЛК.....	171
Леонид ЯКОВЛЕВ	176
Полина ЖЕРЕБЦОВА	179

Франция

Наталья ЧЕРНЫХ	191
----------------------	-----

Чехия

Людмила СВИРСКАЯ	194
------------------------	-----

Эстония

Людмила ЛОГИНОВА (КАЗАРЯН)	197
Игорь БЕЛКИН.....	199

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МИРОВОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ
12/2018

Корректор В.Вересиянова
Верстка Н.Нутрихина
Обложка О.Маркина

Подписано в печать 15.02.2019. Формат 70 × 90 ¹/₁₆.
Печ. л. 12,75. Заказ № 28409

Издательство «Союз писателей Петербурга»
191119, ул.Звенигородская, д. 22, каб. 22
souzpisateley@mail.ru

Типография «Арт-Экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17